

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. Н. Темушев

**Образование
Древнерусского государства**

МОСКВА
Квадрига
2014

УДК 94(47.6)"08/12"
ББК 63.3(2)411-02
Т32

Темушев С. Н.

Т32 Образование Древнерусского государства / С. Н. Темушев
– М.: Квадрига, 2014. – 208 с. + карты – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-133-5

Книга посвящена анализу источников и современных точек зрения по вопросу образования Древнерусского государства. Рассматривается весь комплекс письменных и археологических источников по генезису восточно-славянского государства.

В работе представлены теоретические аспекты понятия государства, причины и пути его возникновения. Ряд проблем – роль скандинавского элемента, гипотезы существования «северной конфедерации племен» и «Русского каганата» – исследуется на широком фоне международных отношений раннесредневекового периода.

УДК 94(47.6)"08/12"
ББК 63.3(2)411-02

ISBN 978-5-91791-133-5

© Темушев С. Н., 2014
© Темушев В. Н., наследники. карты, 2014
© Никулин А.Ю., дизайн переплета, 2014
© Издательство «Квадрига», оформление, 2014

ВВЕДЕНИЕ

В работе анализируются источники и рассматриваются современные точки зрения по проблеме генезиса государственности восточных славян. Книга состоит из двух разделов. Первый раздел охватывает весь комплекс письменных и археологических источников по проблеме генезиса восточнославянского государства. Во втором разделе даются теоретические аспекты понятия государства, причины и пути его возникновения. Ряд проблем – роль скандинавского элемента, гипотезы существования «северной конфедерации племен» и «Русского каганата» – рассматриваются на широком фоне международных отношений раннесредневекового периода.

Древнерусское государство являлось истоком формирования нескольких этнополитических образований, в том числе Российского государства. В рамках Древнерусского государства – Киевской Руси – происходило оформление древнерусской народности, ставшей основой для современных трех восточнославянских народов – российского, украинского и белорусского. В связи с этим изучение проблем генезиса и эволюции Древнерусского государства имеет непреходящее значение.

Автор ориентировался на студентов исторических факультетов вузов, ученых, специализирующихся на истории Восточнославянского региона, а также всех интересующихся историей. Целью работы является расширение и углубление знаний по истории создания Древнерусского государства в общеевропейском контексте, изучение общей геополитической обстановки в Восточной Европе накануне и в ходе формирования государственности восточных славян с критическим отношением ко всему комплексу имеющихся в распоряжении исследователей источников.

Наиболее концентрированно понимание проблемы генезиса Древнерусского государства сводится к следующему.

Появление государства восточных славян с центром в Киеве явилось результатом длительного процесса социально-экономического и политического развития. У восточных славян к середине IX в. уже сформировались первые предгосударственные образования, информацию о которых дают источники различного происхождения. Так, арабские авторы упоминают некие Куявию, Славию и Артанию (Арсанию). Первую исследователи уверенно отождествляют с областью вокруг Киева в среднем течении Днепра. Правитель этой области называется высоким тюркским титулом «каган». «Русский (Киевский) каганат» в 30–60-х гг. IX в. предпринимает значительные внешнеполитические акции. Сохранились известия о посольстве в Византию и далее к германскому императору, а также о нападениях на византийские владения, в том числе в 860 г. – на столицу империи Константинополь (в 866 г. согласно древнерусским летописям).

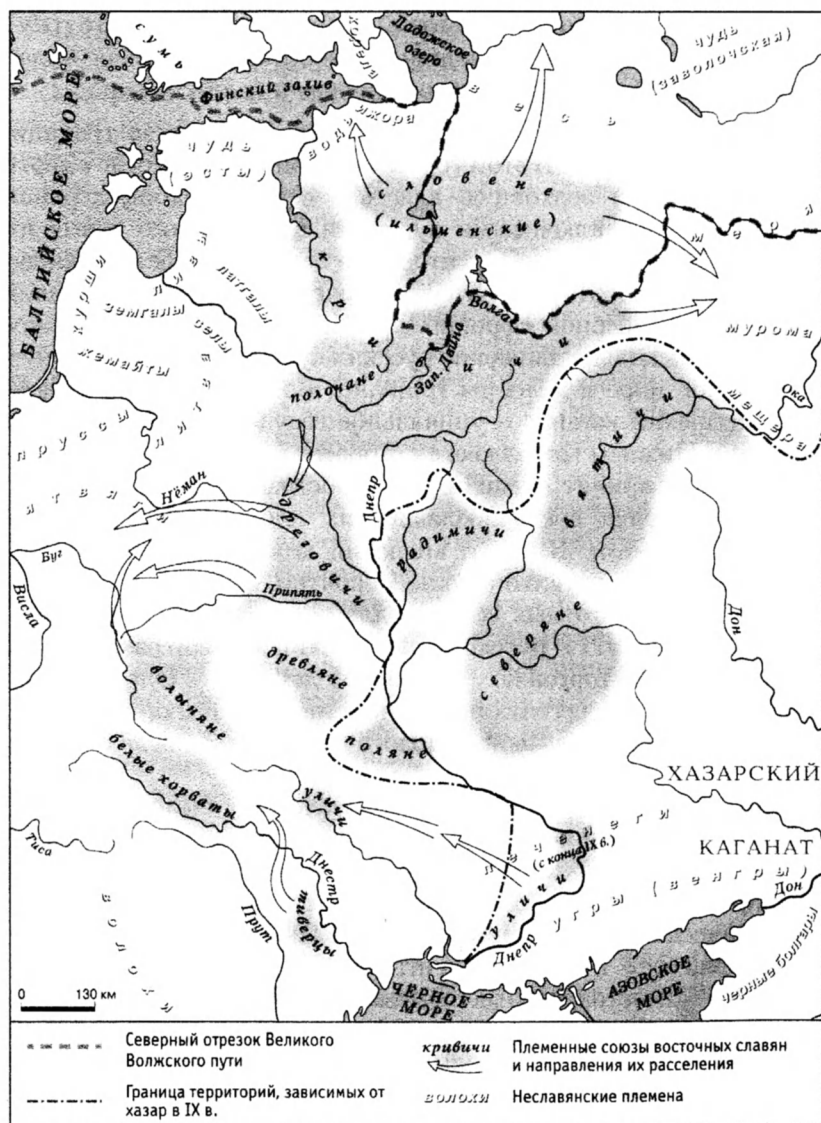
Исследователи предполагают, что под Славией скрывается область на севере Руси, где позднее возникнет Новгородская земля – регион, расположенный на пересечении важных торговых путей (относительно нового пути «из варяг в греки» и древнего Великого Волжского пути). О расположении Артании единого мнения в науке не существует: это может быть регион будущей Ростовской земли, Воынь, Тмутаракань или Черниговщина.

Основной источник наших сведений о первых веках истории древней Руси – Повесть временных лет – связывает первый поход русов на Царьград (ошибочно 866 г.) с именами скандинавов-варягов Аскольда и ира. Скандинавы появляются на севере Восточной Европы даже раньше славян. Этот регион интересовал скандинавов прежде всего в связи с проходящими через него важными торговыми путями (Великий Волжский путь), связывающими Северную Европу с богатейшими рынками Востока, которые скандинавы оказываются во главе восточнославянских межплеменных объединений. Летопись сообщает о приглашении славяно-финской конфедерацией на княжение в оовгород (в то время еще не существовавший) варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора. Произошло это, если верить летописцу, в 862 г. Тогда же проникают в Киев и Аскольд и ир. тменно столица по-

лянского союза племен становится центром аревнерусского государства, в состав которого вошли все восточнославянские «племена», а также некоторые финно-угорские и балтские народы.

Датой возникновения Древнерусского государства традиционно называют 882 г. В этом году Олег, принявший после смерти Рюрика (879 г.) верховную власть в северной конфедерации племен, овладел ключевыми пунктами вдоль нового торгового пути «из варяг в греки» и хитростью захватил власть в Киеве, убив Аскольда и Дира. Путь «из варяг в греки», связывавший Византию с Северной Европой, приобрел в конце IX в. важное значение, поскольку движение русских купцов по Волге и Дону в Каспийское море и далее на Ближний Восток перекрыла Хазария. Хазарский каганат – уникальное государство на Северном Кавказе и Нижнем Поволжье, в котором в качестве официальной религии был принят иудаизм – распространял свое влияние на территорию ряда восточнославянских племен, которые были завоеваны Олегом. В 907 г. киевский князь осуществил удачный поход на Константинополь. Вероятно, основной его целью было добиться льготных условий для торговли русских купцов. Заключенный в 911 г. русско-византийский договор разрешал им беспопешинную торговлю. Согласно летописи Олег правил только в качестве регента при малолетнем сыне Рюрика Игоре. Игорь и становится главой молодого государства после смерти в 912 г. Олега.

Древнерусское государство первоначально было очень непрочным образованием, его расцвет наблюдается в конце X – первой половине XI в. но и позднее сохраняется ряд специфических черт в обществе пополитическом и социально-экономическом развитии восточнославянского государства, расколовшегося в период политической раздробленности на несколько самостоятельных земель. Поступательное развитие древнерусских земель прервало монгольское нашествие, оказавшее значительное влияние на дальнейшую судьбу Восточнославянского региона.

Карта 1. СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ в IX в.

ПИСЬМЕННЫЕ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

1.1. Древнерусские источники о «начале Русской земли»

1.1.1. Сведения древнейших летописей

Не затухающая по сей день дискуссия по вопросу о возникновении Древнерусского государства во многом обусловлена состоянием источников. Комплекс письменных источников, касающихся различных аспектов формирования государства восточных славян, можно считать сформированным. В то же время нельзя считать завершенными археологические исследования периода раннего Средневековья Восточной Европы. Но археологические материалы не могут в полной мере восполнить фрагментарность письменных источников, главной проблемой основного массива которых является недостоверная хронология. Казалось, эту проблему могла бы решить относительно прочная датировка археологических памятников, однако в работах современных исследователей использование разнородных источников часто приводит к формированию собственных оригинальных реконструкций процесса генезиса древнерусской государственности, которые еще более далеки от реальной раннесредневековой истории, чем версия летописца, отстоявшего от описываемых событий по крайней мере на два столетия.

Огромное значение для выяснения истоков восточнославянской государственности принадлежит уникальному памятнику древнерусской исторической мысли – Повести временных лет (да-

лее – ПВЛ), – дающего своеобразный «взгляд изнутри» на интересующий нас процесс. Согласно давно утвердившемуся мнению, ПВЛ предшествовал Начальный свод 90-х гг. XI в. (у А. А. Шахматова – 1095 г.)¹. В то же время гипотеза А. А. Шахматова о существовании Древнейшего киевского летописного свода 1039 г. отвергнута большинством исследователей². Киевский Начальный свод был использован и составителем Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НПЛ). Наиболее авторитетный исследователь русского летописания А. А. Шахматов сделал вывод, что именно в Новгородской летописи Начальный свод сохранился наиболее полно³. Однако здесь исследователи сталкиваются с очевидным стремлением новгородского летописца ведущую роль в складывании Руси (в раннесредневековых источниках не разделяется этническое и политическое содержание этого понятия) отвести северу. Среди первых же строк НПЛ читаем: «...преже Новгородчкая волость и потом Киевская...»⁴. Для новгородского автора киевский Начальный свод являлся основным источником сведений о начале Русской земли, и его переработка без добавления принципиально новых сведений сказалась на логичности изложения. В НПЛ мы не найдем ответы на вопросы, откуда появились «роды» полян, откуда совершает свой поход русь, откуда пришли в Киев Аскольд и Дир⁵. Существенно отличается от ПВЛ и хронология событий, представленная в НПЛ.

Первая дата в НПЛ – 6352 (854) г. Именно к этому году относит составитель летописи «начало земли Руской» и под ним же («в си же времена») помещает первое событие русской истории, зафиксированное в греческом хронографе (откуда и заимствовано), – поход руси на Царьград. Из НПЛ следует, что нападение русов на столицу Византийской империи и призвание варягов словенцами, кривичами, мерью и чудью произошло во времена братьев Кия, Щека и Хорива. Составитель НПЛ несколько раз нарушает последовательность изложения событий начала рус-

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 398 и сл.; *Он же*. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. С. XVI.

² Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 31.

³ В последних исследованиях принято считать, что в некоторых фрагментах Начальный свод сохранился лучше в НПЛ, в других же лучше в ПВЛ (*Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 462).

⁴ Повгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Л., 1950. С. 103.

⁵ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I. С. 73.

ской истории, о которой, судя по всему, имел весьма смутное представление. После смерти Кия и его братьев летописец помещает легенду о полянской дани мечами. О появившихся «и по сих, братии тои» варягах Аскольде и Дире НПЛ дает емкую и в то же время отличающуюся от сведений ПВЛ информацию: «И беста княжаща в Киеве, и владеюща Полями; и беша ратнии съ Древляны и съ Улицы».

Все же центральное место в складывании Древнерусского государства автор НПЛ отводит событиям в «северной конфедерации племен». Даже еще до утверждения власти наследника Рюрика Олега в Киеве летописец делает основной вывод: «И от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска»⁶. Новгородцам, таким образом, отдается приоритет в формировании этнополитического объединения – «Русской земли». Действительно, в отличие от ПВЛ и, видимо, Начального свода автора НПЛ более интересует не место Руси во всемирной истории, а место Новгорода в русской истории⁷.

Известие о приглашении словенами, кривичами, мерью и чудью на княжение Рюрика с братьями составитель НПЛ не мог точно датировать. Взимание дани с племен «северной конфедерации» варягами, затем их изгнание и междоусобная война относятся ко временам Кия, Щека и Хорива. Прекратить междоусобицу удастся компромиссным решением – призыванием правителя со стороны. Из-за моря были приглашены три брата-варяга. «И седе старейшии в Новегороде, бе имя ему Рюрикъ; а другыи седе на Белеозере, Синеусъ; а третей въ Изборьске, имя ему Труворъ»⁸. Через два года Синеус и Трувор умерли, Рюрик «нача владети единъ». В отличие от информации ПВЛ в представлении новгородского летописца наследник Рюрика – его сын Игорь – в момент смерти отца оказывается вполне дееспособным. И хотя поход на юг, захват Смоленска и Киева приписывается «воеводе» Игоря (sic!) Олегу, однако убийство Аскольда и Дира осуществляет именно сын Рюрика. Обосновавшись в Киеве Игорь (а не Олег, как отмечено в ПВЛ) «нача грады ставити, и дани устави»⁹. Следующее датированное событие в НПЛ – 920 г. – касается внешнеполитической акции Руси. Под этим годом помещен поход

⁶ НПЛ. С. 106.

⁷ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 73.

⁸ НПЛ. С. 106.

⁹ Там же. С. 107.

Игоря на Царьград, о походе же Олега рассказывается под 922 г.¹⁰ Таким образом, известия НПЛ в некоторых фрагментах отличаются от информации большинства летописных сводов, в основе которых лежит ПВЛ. Тем не менее в НПЛ мы не обнаруживаем отсутствующих в ПВЛ персонажей, очевидные аналогии обнаруживаются и в основных подробностях событий.

Традиционно большим доверием историков пользуется версия древней истории восточных славян, представленная в Повести временных лет. Изложение событий в ПВЛ, несмотря на некоторую искусственность хронологии, признается все же более последовательным¹¹. Автор ПВЛ также пользовался киевским Начальным сводом, но внес в него существенные дополнения. Для нас важно, что именно Нестору принадлежит недатированное введение к ПВЛ¹². Задачу своего труда летописец обозначил уже в первой фразе: «Се повести времянных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»¹³. Таким образом, языком начала XII в. Нестор сформулировал проблему формирования Древнерусского государства и возникновения древнерусского этноса¹⁴. Кажущаяся тавтология начальной фразы объясняется следованием летописцем традициям Священного Писания: в библейской Таблице народов каждый «язык» упоминается дважды – в связи с происхождением от конкретного потомка Ноя и в связи с действительным историко-географическим положением¹⁵.

Исследователи древнерусской литературы обращают внимание на тот факт, что для православных авторов высочайшими образцами для письменного творчества являлись Ветхий и Новый Заветы¹⁶. Более того, подражание священным текстам превращалось в риторический прием. Чрезвычайно важно, что в исторических и художественных произведениях православной славянской литературы отмечается присутствие особых «библейских

¹⁰ НПЛ. С. 107–108.

¹¹ *Петрухин В. Я.* «Начало русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 222.

¹² *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. С. 58–59.

¹³ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 7.

¹⁴ Проблема существования древнерусской народности не рассматривается в данной работе.

¹⁵ *Петрухин В. Я.* «Начало русской земли» в начальном летописании. С. 220.

¹⁶ *Он же.* Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа (Историографические заметки) // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исслед. 2003. М., 2005. С. 181.

тематических ключей», обнаруживаемых, как правило, в первых строках текста или во введении¹⁷. Эти «ключи» позволяют читателю понять особый второй уровень прочтения. Это наблюдение в полной мере касается недатированного введения ПВЛ, в котором библейская история развития человечества от сыновей Ноя плавно перетекает в историю расселения славян в «жребии Афета», при этом непосредственно «временным летам» предшествует эпизод о грядущем избавлении полян от хазарского плена и одновременного обретения ими будущей Русской земли как земли обетованной¹⁸.

Несмотря на то что достаточно пространное введение ПВЛ не имеет дат, все же ключевые события начальной русской истории укладываются в определенные хронологические рамки. Так, рассказу о князе Кие предшествует предание о посещении Руси апостолом Андреем, а после помещено сообщение о проходе на Дунай болгар, а затем белых угров, которые «наследиша землю словенську»¹⁹. Угры, по сообщению летописца, появились («почаша быти») при императоре Ираклии, который правил с 610 по 641 г.²⁰ Действительно, из византийской Хроники Георгия Амартола летописцу было известно, что император Ираклий «...на персы исполнился, еще же призвавъ угры на помощь»²¹. Но в данном случае, вполне вероятно, Нестор перепутал белых угров (хазар) и черных угров (мадьяров-венгров). Именно последние, как отмечает позднее сам летописец (под 898 г.), прогнали волохов и покорили славян по Дунаю («наследиша землю ту») ²². Таким образом, нельзя с полной определенностью утверждать, что «княжение» Кия имело место ранее правления императора Ираклия. Учитывая очевидную ошибку Нестора с определением времени подчинения венграми славян, нет уверенности в правильности отнесения исторических реалий предания о Кие и его братьях к более раннему периоду.

В целом значение «космографического введения» ПВЛ вполне выяснено современными исследователями: летописец в русле традиционной средневековой практики хронографии вводил ис-

¹⁷ Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православнославянского славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa: Литература и язык*. М., 2003. С. 434, 437.

¹⁸ Петрухин В. Я. История славян и руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // ДГ 2001 г. М., 2003. С. 102–103.

¹⁹ ПВЛ. С. 10.

²⁰ Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. С. 58.

²¹ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 434.

²² ПВЛ. С. 15.

торию своего народа в контекст всемирной истории, являющейся продолжением Священной истории²³. История страны – Русской земли – подключалась к всемирно-историческому процессу²⁴.

В исторической литературе прочную позицию занимает мнение о наличии в летописях двух версий происхождения Русской земли. Считается, что у Нестора была представлена «прокиевская теория происхождения Русского государства», ей противостояла «новгородская версия возникновения государственности на Руси, утверждающая в этом деле первенство Новгорода»²⁵. Первая теория сводилась к исконности и непрерывности княжеской власти в Киеве со времен, не поддающихся датировке. Летописец имеет смутные данные о времени Кия, Щека и Хорива, но в то же время отвергает «непрестижную» версию происхождения Кия («яко Кий есть перевозникъ былъ»). Кий «княжаше в роде своемъ», в Киеве он «живот свой сконча», здесь же «скончашася» его братья и сестра Лыбедь²⁶. Период отсутствия в Киеве княжеской власти характеризуется летописцем, как крайне неблагоприятное для полян время – они «обидимы древлями и иными околними», а затем «наидоша я козаре»²⁷.

Считается, что вторая версия происхождения княжеской власти на Руси (а вместе с ней и государства) была искусственно²⁸ внесена летописцем в рамках так называемой «варяжской легенды» или Сказания о призвании варяжских князей.

1.1.2. «Варяжская легенда»

«Варяжская легенда» наиболее полно представлена в сохранившейся в составе нескольких летописных сводов ПВЛ. «Временные», т.е. датированные «лета», или собственно историю восточных славян летописец начинает с конфликтной ситуации: славянские племена вынуждены платить дань либо хазарам, либо варягам (запись под 859 г.), но затем варяги были изгнаны, и славяне на

²³ Петрухин В. Я. История славян и руси в контексте библейской традиции. С. 97.

²⁴ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000. С. 22.

²⁵ Фроянов И. Я. Два центра зарождения русской государственности // Фроянов И. Я. Начала Русской истории. Избранное. М., 2001. С. 752.

²⁶ ПВЛ. С. 9–10.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Д. С. Лихачев: «Легенда о призвании трех братьев варягов – искусственного, “ученого” происхождения...» (Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.: Л., 1947. С. 159).

севере Восточной Европы «почаша сами в собе володети, и не бе в нихъ правды, и въста родъ на родъ, и быша в нихъ усобице, и во-евати почаша сами на ся». Выход из конфликтной ситуации был найден в приглашении правителя из варягов или руси («сице бо ся зваху тьи варязи русь»). Согласно ПВЛ в 862 г. пришли три брата «с роды своими, пояша по собе всю русь». Старший, Рюрик сел в Новгороде, второй, Синеус – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске (Изборьсте). Уже через два года Синеус и Трувор умерли, а Рюрик, «прия власть», стал раздавать «грады» своим «мужем»: «овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро»²⁹. Таким образом, ключевые для начала Русской земли события летописцем локализируются на севере Восточной Европы.

Однако довольно странной выглядит сознательная уступка киевским летописцем первенства Новгороду. Это противоречие обычно объясняют редактированием ПВЛ в 1118 г. летописцем («неким новгородцем») Мстислава Владимировича. «Чья-то рука, – писал патриарх советской исторической науки Б. А. Рыбаков, – изъяла из “Повести временных лет” самые интересные страницы и заменила их новгородской легендой о призвании князей варягов»³¹. Б. А. Рыбаков вслед за А. А. Шахматовым³² предложил следующую версию редактирования ПВЛ: в 1116 г. первую правку летописи по требованию киевского князя осуществил игумен придворного монастыря Сильвестр, но Владимир Мономах остался недоволен переработкой и поручил своему сыну Мстиславу следить за новым редактированием, законченным к 1118 г. В последней редакции нашла отражение политическая ситуация начала XII в., требовавшая оправдания занятия киевского престола Владимиром Мономахом в обход принципа старшинства. «Событиям 1113 г., закончившимся призванием князя и пополнением Русской Правды, придумана далекая хронологическая аналогия, которая должна была показать, что будто бы именно так создавалась вообще русская государственность»³³.

В «варяжской легенде», несомненно, нашли отражение какие-то севернорусские предания, попавшие в ПВЛ либо в устном пе-

²⁹ ПВЛ. С. 13.

³⁰ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов // Фроянов И. Я. Начала Русской истории. С. 799.

³¹ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 142.

³² Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916. Введение.

³³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 465.

решающее³⁴, либо из гипотетического Новгородского свода 1050 г. (Остромировой летописи), использованного составителем Начального свода 90-х гг. XI в.³⁵ Возможно, предание о Рюрике и его братьях первоначально бытовало на древнескандинавском языке³⁶. Как бы то ни было, более важным представляется вопрос об исторической основе рассматриваемой легенды. Реальных исторических фактов из «варяжской легенды» можно почерпнуть немного: они сводятся к утверждению в «северной конфедерации племен» (состав которой невозможно точно определить)³⁷ скандинавского конунга по имени Рюрик. Этому событию предшествовала сложная внутри- и внешнеполитическая ситуация на севере Восточной Европы.

Исследователями убедительно показано, что в изложении событий начала Русской земли нашла отражение конкретная историческая ситуация конца XI – начала XII в.³⁸ В это время Новгород не только заявляет о своей независимости от Киева, но и стремится обосновать претензии на важные в торгово-экономическом и геополитическом смысле города Верхней Волги. Отсюда приводимое летописцем известие о раздаче Рюриком «градов» Ростова и Белоозера своим «мужам». В контексте событий XI в. объясняется и распоряжение Рюриком Полоцком. Сама раздача городов в кормление также соответствует реалиям второй половины XI–XII вв., поскольку для времени первых князей-Рюриковичей была характерна передача княжеским людям права сбора дани с «примученных» племен³⁹.

³⁴ ПВЛ. Комментарии. С. 399 (мнение Д. С. Лихачева).

³⁵ Эта точка зрения принадлежала А. А. Шахматову, в дальнейшем ее развил Б. А. Рыбаков (*Рыбаков Б. А. Древняя Русь*. М., 1963. С. 193, 198–199).

³⁶ Отсюда объяснение исследователями появления в действительности не существовавших братьев Рюрика – Синеуса и Трувора – от почетных прозвищ конунга «победоносный» и «верный» (Signotr, Thruwar) (Н. Т. Беляев) либо от скандинавских выражений thru varing – «верная дружина» и sine hus – «свой род» (*Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.* С. 298). Е. А. Мельникова доказывает невозможность письменной фиксации «варяжской легенды» на древнескандинавском языке на том основании, что единственная известная скандинавам в IX–X вв. письменность – руническое письмо – не применялось для записи сколько-нибудь пространных текстов (*Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции* // *ДГ* 1998 г. М., 2000. С. 157).

³⁷ А. А. Шахматов считал, что в первоначальном тексте фигурировали только словене, кривичи и меря, а чюдь являлась более поздней вставкой (*Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах*. СПб., 1908. С. 291–294. В ПВЛ вместо меры названа весь).

³⁸ *Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов*. С. 797.

³⁹ Там же. С. 799.

Вымыслом признается существование братьев Рюрика. При этом появление братьев Рюрика (как, впрочем, и Кия) обусловлено не столько неправильно понятым выражением на древнескандинавском языке⁴⁰, сколько общей, сквозной идеей ПВЛ, обнаруживаемой уже в Начальном своде. Так, летопись начинается с сюжета разделения земли по жребию между тремя сыновьями Ноя, а один из центральных исторических эпизодов рассказывает о распри между тремя сыновьями Ярослава Мудрого⁴¹. Сюжет о правлении трех братьев необходимо рассматривать не только в рамках библейской традиции: исследователи считают его характерным для индоевропейской мифологии в целом. Считается, что в «феномене "троецарствия"» воссоздается универсальная космическая структура, имитация которой на уровне социальных и политических институтов – непереносимое условие благополучия коллектива»⁴².

Не соответствует реалиям IX в. и призвание Рюрика в Новгород, а также размещение братьев конунга в Изборске и Белоозере. На месте названных городов в IX в. только в Изборске существовало торгово-ремесленное поселение⁴³. Поэтому некоторые исследователи больше доверяют сообщению некоторых списков ПВЛ (в Ипатьевской и Радзивилловской летописях), в которых Рюрик первоначально оказывается в Ладоге: «И избрашася 3-е братья, роды своими, и пояша собе всю Русь, и приидоша к словенем первое, и срубиша город Ладогу, и седе в Ладозе старей Рюрикъ⁴⁴, а другой сиде у нас, на Белоозере, а трети Труворъ въ Изборьску. И от тех варяг прозвася Рускаа земля, Новгород... По двою же лету умре Синеусъ и братъ его Труворъ, и приа всю власть Рюрикъ одинъ, и пришед ко Илмерю, и сруби городокъ над Волховом, и прозва Новъгород, и седе ту княжа...»⁴⁵ Однако и в данном сообщении летописи видят отражение ситуации начала XII в. – соперничества двух крупнейших городов северо-запада Руси – Новгорода и Ла-

⁴⁰ В. Я. Петрухин считает, что предлагаемая этимология имен Синеуса и Трувора лингвистически не обоснован (*Петрухин В. Я. История славян и руси в контексте библейской традиции*. С. 95).

⁴¹ Там же. С. 95–96.

⁴² Толочко А. П. Триумвират Ярославичей в свете трифункциональной теории Ж. Дюмезиля // *Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы*. М., 1992. С. 68.

⁴³ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 41–46.

⁴⁴ В Ипат. лет.: «И седе старейший в Ладозе Рюрикъ». Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. С.

⁴⁵ Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л., 1989. С. 16.

доги⁴⁶. По мнению И. Я. Фроянова, приведенное летописное сообщение – «идеологическая акция ладожской общины в ходе борьбы с Новгородом за создание собственной волости»⁴⁷.

Таким образом, не вызывает сомнения, что «варяжская легенда» «обросла деталями, вставками, новыми генеалогическими домыслами»⁴⁸ только в начале XII в. Но и общая канва событий, изложенная летописцем в рамках «варяжской легенды», не может быть принята как историческая реальность. В начале прошлого века Г. М. Барац исследовал ПВЛ с точки зрения наличия в ней библейских параллелей. Историк пришел к выводу, что в основе статьи ПВЛ 862 г. лежит текст I Книги Царств, а именно тот эпизод, когда сыновья Самуила «не ходили путями его» и старейшины Израиля просили Самуила поставить над ними царя. Указывал Г. М. Барац и другой источник, несомненно использованный в ПВЛ (возможно, и в Начальном своде). Это еврейский псевдоэпиграф II в. до н. э. «Книга Юбилеев», или «Малое Бытие». Именно по этому источнику в русской летописи изложены различные ветхозаветные сюжеты⁴⁹. Неурядицы среди потомков Ноя «Книга Юбилеев» описывает следующими словами: «Встал род на род, племя на племя, град на град»⁵⁰. В итоге Г. М. Барац отказал сообщению летописи в исторической достоверности, считая его изложенным библейским слогом рассказом, сочиненным в соответствии с характером еврейской истории эпохи судей⁵¹. Тем не менее современные исследователи не считают возможным полностью возводить рассматриваемое предание к библейскому тексту. Считается, что влияние книжной традиции было вторичным⁵². Летописец ставил перед собой задачу передать общий

⁴⁶ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 46, 53.

⁴⁷ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 797.

⁴⁸ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. С. 294.

⁴⁹ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 109.

⁵⁰ Цит. по: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 110.

⁵¹ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 42–43.

⁵² Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск: М., 1995. С. 119. «Варяжской легенде» можно найти многочисленные параллели в фольклоре, никоим образом не связанным с библейской традицией. Эти параллели «варяжской легенде» «подтверждают ее фольклорные истоки, позволяют отнести легенду к жанру исторического предания, сохраненного в устной традиции, и делают необидительными любые (не основанные на прямых текстологических изысканиях) предположения об искусственном и чисто книжном характере легенды» (Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 111).

смысл призвания Рюрика, для чего и использовал книжные «клише», в то время как описание конкретной событийной канвы не входило в его задачу⁵³. К тому же, видимо, летописец и не обладал необходимыми знаниями для описания начала Русской земли, что и компенсировал имевшимися под рукой текстами – будь то священные книги либо греческие хроники, но в основу все-таки были положены предания, передававшиеся, вероятнее всего, в устной форме.

В связи с этим обращено внимание на договорную лексику «варяжской легенды». У современных историков не вызывает сомнения историчность «ряда» с призванными варягами⁵⁴. Во времена составления ПВЛ еще не существовало прецедентов, которым мог следовать летописец в описании призвания варягов⁵⁵. Текст легенды о призвании варягов наполнен правовыми терминами, которые имеют истоки в обычном славянском праве: «правда», «володеть и судить по праву», «наряд», «княжить и володеть». Кроме того, такая терминология указывает на то, что славяне были активной стороной в установлении ряда и формировании верховной власти⁵⁶.

Почему же киевский летописец поместил в свой труд «варяжскую легенду», в которой не Киеву, а Новгороду отводилась ведущая роль при возникновении Русской земли? Политическую задачу, которую ставили «киевские идеологи» начала XII в. (Б. А. Рыбаков), а именно оправдать несоблюдение принципа старшинства при занятии главного престола Руси, выдвигая на первое место «всенародное избрание», можно было решить и другим способом. Для этой цели достаточно было адаптировать и легенду о Кие с братьями. Действительно, «поневоле уступив Новгороду первенство в создании государственности на Руси», летописец в то же время дал основание Киеву направлять в Новгород князей и ставить его в зависимость от себя, поскольку обосновавшаяся первоначально на севере Руси династия позднее выбрала в качестве своей «резиденции» город в Среднем Поднепровье⁵⁷. Но опять же

⁵³ Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. С. 43.

⁵⁴ Пащут В. Т. Летописная традиция о «племенных княжествах» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 год. М., 1974. С. 103–110; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57.

⁵⁵ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 113.

⁵⁶ Там же. С. 114.

⁵⁷ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 805.

литературными средствами эту задачу можно было решить проще. Несомненным представляется, что летописец зафиксировал реальный факт утверждения первоначально на севере Восточной Европы скандинавского конунга, потомки которого смогли распространить свою власть на всю территорию, заселенную восточными славянами. В связи с этим нет необходимости искать объяснение появлению противоречащей киевскому патриотизму летописной версии начала Русской земли в сознательной идеологической акции позднейших редакторов⁵⁸.

Соперничество нескольких очагов объединения этнически близких «племен» являлось характерной особенностью формирования государственной организации у всех славян в переходный период от родо-племенного строя⁵⁹. Так, в Центральной Европе на территории будущей Польши до возникновения государства прослеживается выделение двух центров политической интеграции – полянского и вислянского. Причем более быстрыми темпами развивалось вислянское объединение, еще в конце IX в. оно было известно как «страна вислян» (*Viseland*) англосаксонскому королю Альфреду Великому⁶⁰. Тем не менее инициатива объединения польских земель перешла к полянскому центру, а вислянский с определенного времени не проявлял особой активности⁶¹. В чешской долине также выделяются два (или более) соперничающих центра. Ратисбоннское продолжение Фульдских анналов под 895 г. сообщает о двух «первых» князьях по имени «*Spitignewa*» и «*Witislā*»⁶². Чешский князь Спитигнев (894–915), сын Борживоя, хорошо известен по памятникам чешской агиографии X в. и по хронике Козьмы Пражского. Что касается *Witislā*, то принято считать его князем племенной территории, центром которой был город Коуржим. Но вскоре этот соперник чешской гегемонии был устранен. В так называемой Легенде Кристиана

⁵⁸ В последнее время наличие третьей редакции ПВЛ поставлено под сомнение: *Творогов О. В.* Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // *In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье*. СПб., 1997. С. 203–209. *Сендерович С. Я.* Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии. С. 462.

⁵⁹ *Королюк В. Д.* Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // *Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи*. М., 1972. С. 19.

⁶⁰ «Орозий короля Альфреда» (кон. IX в.) // *Матусова В. И.* Английские средневековые источники. IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 13–35.

⁶¹ *Labuda G.* Studia nad początkami państwa polskiego. T. II. Poznań, 1988. S. 125–166.

⁶² *Magnae Moraviae Fontes Historici*. T. I. Praha: Brno, 1966. S. 121.

упоминается о конфликте племянника Спитигнева, Вацлава, с князем Коуржима, который завершился победой князя «чехов»⁶³. Сведения письменного источника дополняют археологические данные, рисующие картину полного разрушения Коуржима в первой половине X в.⁶⁴ Таким образом, непосредственно созданию государства у ряда славянских народов предшествовало формирование прочных политических объединений с сильной княжеской властью. Такая же ситуация сложилась и в Восточной Европе. Поэтому нет оснований искать в источниках две версии происхождения Древнерусского государства – как исторический факт следует признать независимое друг от друга формирование двух центров зарождения государственности – в Среднем Поднепровье и в Поволжье⁶⁵. Значительно более длительное развитие юга Руси при относительно недавнем начале государственной деятельности ильменских словен⁶⁶ не может быть аргументом для игнорирования информации основного массива письменных источников.

1.1.3. Генезис государства в древнерусских письменных памятниках

Уже информация, содержащаяся в «варяжской легенде», дает возможность обнаружить «классические» признаки государства: наличие особой, отделившейся от населения власти (князя, дружина), территориальной организации (объединение разноэтнических союзов племен), налоговой системы (дань, «корм»)⁶⁷. Тем не менее с полным основанием о формировании государства

⁶³ *Флоря Б. Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 105.

⁶⁴ *Jbelle M.* Stará Kouřim a projevy velkomoravské hmotné kultury v Čechách. Praha, 1966. S. 175–176.

⁶⁵ *Фроянов И. Я.* Два центра зарождения русской государственности // *Фроянов И. Я.* Начала Русской истории. С. 752–762. «Продолжавшееся в течение VIII–IX вв. сосуществование (видимо, в нелегких и противоречивых внешнеполитических условиях) двух протогосударственных восточнославянских союзов, южного и северного, вряд ли можно оспорить» (*Лебедев Г. С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 149).

⁶⁶ *Котляр Н. Ф.* Север или юг (к вопросу о возникновении древнерусской государственности) // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. М., 1992. С. 29–32.

⁶⁷ *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия. С. 131.

у восточных славян можно говорить только после мероприятий князя Олега по объединению восточнославянских земель вдоль нового торгового пути «из варяг в греки».

В ПВЛ это событие представлено следующим образом. Под тем же 862 г. летописец приводит сообщение об овладении Киевом двумя «мужами» Рюрика Аскольдом и Диром, которые, освободив полян от дани хазарам, «многи варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею». Столь важная для историка статья 862 г. заканчивается фразой «Рюрику же княжашу в Новегороде». Следующие три года остались пустыми. Под 866 (6374) г. сообщается о походе Аскольда и Дира на Царьград, информация о котором заимствована из греческих хроник, но неверно датирована⁶⁸. Следующее сообщение летописи, касающееся русской истории, появляется только под 879 г. В этом году, согласно ПВЛ, после смерти Рюрика власть («княженье») перешла к Олегу, «от рода ему суца», поскольку прямой наследник – сын Рюрика Игорь, был еще ребенком «(бе бо детескъ вельми)»⁶⁹.

Следующему сообщению летописи, датированному 882 г, традиционно придается первостепенное значение в ряду имеющихся в распоряжении историка данных источников о возникновении Древнерусского государства. Именно этот год, несмотря на признаваемую исследователями его условность, называют датой основания Древнерусского государства⁷⁰. Значение события, помещенного под этим годом, заключается в объединении под одной властью северного и южного предгосударственных образований и начале регулярного функционирования торговой артерии «из варяг в греки»⁷¹. В летописном же изложении оказывались примиренными два взгляда на начало Русской земли: представитель

⁶⁸ «Рассказ о походе на Константинополь представляет собой дословный перевод отрывка из византийской хроники семейства Симеона Логофета второй редакции, взятого не непосредственно из ее древнеславянского перевода ("Временника"), а из некоего свода мировой и русской истории – например, "Хронографа по великому изложению"» (*Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // *ДГ* 2000 г. М., 2003. С. 160).

⁶⁹ ПВЛ. С. 14.

⁷⁰ Политическая история: Россия – СССР – Российская федерация: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 17 (*Новосельцев А. П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // *ДГ* 1998 г. М., 2000. С. 454–477; *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 48. История человечества. Т. VIII. Россия / Под общей ред. А. Н. Сахарова. Тверь, 2003. С. 42).

⁷¹ *Перхавко В. Б.* Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 г. // *Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы.* С. 59–60.

верховой власти, происходящей из Новгорода, обосновался в Киеве, устранив прежних правителей.

Итак, в 882 г. по сообщению ПВЛ Олег с воинами из варягов, чуди, словен, мери, веси и кривичей захватил Смоленск, затем Любеч, в которых «посади мужь свои». В заключение похода Олег хитростью овладел Киевом и «убиша Асколда и Дира». Летописец точно локализует могилы прежних киевских правителей. Эта информация заставляет предположить, что именно благодаря сохранявшейся в среде киевского населения памяти о местах погребения Аскольда и Дира эти персонажи и попали на страницы летописи. Дальнейшие мероприятия обосновавшегося в Киеве Олега носят последовательный «государственный» характер. Олег «нача города ставити, и устави дани». В следующем году Олег подчинил древлян и «имаше на них дань по черне куне»; в 884 г. та же участь постигла северян (на них была возложена «дань легька»), а в 885 г. – радимичей (с них киевский князь брал «по щелягу», как прежде хазары). «И бе обладая Олегъ поляны, и деревляны, и северяны, и радимичи, а съ уличи и теверци имяше рать»⁷². В этой неопределенности исхода войн Олега с юго-западными соседями исследователи видят свидетельство достоверности приведенной информации, восходящей, видимо, к Начальному своду⁷³. Этим исчерпывается информация ПВЛ, касающаяся первых шагов на пути складывания Древнерусского государства.

Вне связи с предшествующими и последующими событиями в истории восточных славян под 898 (6406) г. автор ПВЛ поместил сообщение о проходе мимо Киева венгров (угров). Летописец оказывается неплохо информированным об истории Центральной Европы IX в. В то же время скупая информация об угрох в статье 898 г. не дает возможности делать какие-либо выводы относительно их роли в истории Восточной Европы⁷⁴.

Общепризнано, что летописная хронология первых десятилетий русской истории вплоть до времени Владимира Святос-

⁷² ПВЛ. С. 14.

⁷³ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 105.

⁷⁴ Так, французский историк К. Цукерман утверждает, что именно под давлением венгров была вызвана сильная волна миграции славян с территории Среднего Поднепровья на север, что привело к падению «северной конфедерации» (в представлении исследователя – «Русского каганата») (*Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства // *Славяноведение.* 2001. № 4. С. 73).

лавича неверна⁷⁵. Предложены довольно остроумные гипотезы, объясняющие появление первых дат ПВЛ. Так, было обращено внимание на то, что правления первых русских князей – Олега и Игоря – длились 33 года⁷⁶. В этом можно предположить влияние либо библейской (33 года – срок земной жизни Христа), либо фольклорной традиции (33 – сакральное число). Схожи непосредственно предшествующие уходу из жизни киевских правителей их последние мероприятия – победоносные походы на Византию, завершающиеся договорами (911 и 944 гг.)⁷⁷. Первый же поход Руси на Царьград был приурочен к окончанию царствования византийского императора Михаила (866 г.). В. Я. Петрухин выяснил особое значение правления Михаила для начального летописания. Не случайно первая дата в ПВЛ – 852 г. – начало правления Михаила («В лето 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля») ⁷⁸. Именно при этом императоре русь была впервые упомянута в греческом хронографе и тем самым была введена во всемирную историю⁷⁹. В целом правление Михаила III имело глубокий символический смысл – Михаилом именовался в ветхозаветной традиции последний праведный князь, царство которого будет предшествовать концу света. Поход же руси оказывался вписанным в эсхатологический контекст этого царства – «народ рос явился под стены Царьграда, реализуя пророчество Иезекииля о Гоге в стране Магог, “князе Рос” Септуагинты»⁸⁰. Но для Руси это становится началом ее истории. На определение первых дат русской истории оказала влияние и реальная византийская традиция – тридцатилетний срок мирного договора. Предполагается, что поход Игоря на Византию в 941 г. был вызван окончанием срока, предусмотренного договором Олега 911 г. Возможно, традиция тридцатилетнего цикла повлияла на определение даты начала правления Олега в Киеве (с 882 по 912 г. – 30 лет), а также на определение «начала Русской земли» (852 г.), приуроченного к неправильно вычисленному началу царствования Михаила III⁸¹. Таким образом, ни одна

⁷⁵ Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. С. 457.

⁷⁶ Олег пришел к власти после смерти Рюрика в 879 г., умер в 911 (912) г.

⁷⁷ Петрухин В. Я. «Начало русской земли» в начальном летописании. С. 224.

⁷⁸ ПВЛ. С. 12. В НПЛ «начало Русской земли» датировано 854 г. В действительности Михаил III правил в 842–867 гг.

⁷⁹ Петрухин В. Я. История славян и руси в контексте библейской традиции. С. 104.

⁸⁰ Там же. С. 104.

⁸¹ Петрухин В. Я. «Начало русской земли» в начальном летописании. С. 224–225.

из дат начального летописания не может быть признана абсолютно достоверной. Соотнесение информации ПВЛ с НПЛ заставляет сомневаться даже в последовательности событий⁸².

Информация некоторых летописных сводов, помимо НПЛ и ПВЛ (сохранившейся в составе Ипатьевской, Лаврентьевской, Радзивилловской и др. летописей), позволяет дополнить общую картину становления Древнерусского государства. Так, Новгородская Четвертая летопись следующим образом характеризует ситуацию после приглашения правителей «со стороны»: «Избрашася от Немець три браты с роды своими, и пояша с собою дружину многу. И пришед старейшиною Рюрик седее в Новогороди, а Синеус, брат Рюриков, на Белиозере, а Трувор в Избрьске; и нача воевати всюды»⁸³. Анализовавший этот фрагмент И. Я. Фроянов обратил внимание на военный аспект в деятельности Рюрика – он приходит с многочисленной дружиной и сразу же проявляет военную активность. Ученый делает вывод, что «Рюрик прибыл к словенам для оказания военной поддержки племени, призвавшему варягов на помощь»⁸⁴.

Ряд источников новгородского происхождения с начала XV в. в качестве первого посадника (иначе: старейшины, князя, воеводы) Новгорода называет Гостомысла. В списке А новгородских посадников в составе НПЛ младшего извода (комиссионного списка) вслед за хронологическим перечнем князей, митрополитов и архиепископов читаем: «А се посаднице новгородчьскии: пръвыи Гостомысл, Коснятин, Остромир...»⁸⁵ В Новгородской Четвертой и Софийской Первой летописях этот персонаж вводится в другой контекст: «Словене же... зделаша градъ и нарекоша и Новгородъ, и посадиша и старейшину Гостомысла...»⁸⁶ Этот персонаж, по общепринятому мнению, является «продуктом» реалий начала XV в. Его введение в достаточно отдаленные от летописца времена преследовало цель утвердить первенство местной новгородской власти перед избираемыми в Новгороде князьями-Рюриковичами⁸⁷. Посадничество в глазах составителя летописи и ее читателей оказывалось старше княжеской власти⁸⁸. Отсутствие в ранних извес-

⁸² Что раньше – поход Олега (ПВЛ) или Игоря (НПЛ).

⁸³ Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Т. 4. С. 11.

⁸⁴ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 806.

⁸⁵ НПЛ. С. 164.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 5. С. 3.

⁸⁷ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 121.

⁸⁸ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 46.

тиях о Гостомысле связанного с ним сюжета не позволяет видеть в качестве источника его появления новгородский сюжет. Это чисто книжный персонаж⁸⁹. Предположение А. А. Шахматова о присутствии упоминания о Гостомысле в гипотетическом Новгородском своде 1167 г. и в еще более предположительном своде 1050 г.⁹⁰ не находит поддержки современных исследователей⁹¹. Какая-то новгородская летопись XV в. послужила источником и для ряда общерусских летописных сводов XVI в. Так, в Никоновской летописи читаем: «Словене же пришедшее съ Дуная седоша около езера Илмера, и нарекошася своимъ именемъ, и създаша градъ, и нарекоша и Новъгородъ, и посадиша старейшину Гостомысла»⁹².

Информация официального Московского свода XVI в. Никоновской или Патриаршей летописи, касающаяся первых датированных событий, представляет чрезвычайный интерес. Ценность рассматриваемой летописи XVI в. состоит в наличии в ней ряда уникальных сведений, отсутствующих в других сводах⁹³. В более ранних сводах отсутствовали четыре сюжета – выбор народа, из которого приглашался правитель, «звериный обычай и нрав» новгородцев, антиваряжское восстание Вадима в Новгороде и деятельность Аскольда и Дира. Особенностью Никоновской летописи является также более последовательная, чем в ПВЛ, разбивка информации на датированные фрагменты⁹⁴. Под 859 (6367) г. в летописи после сообщения об изгнании варягов и неурядицах в отношениях между словенами, кривичами и мерью читаем: «И по семь събравъшеся реша къ себе: “поищемъ межъ себе, да кто бы въ насъ князь былъ и владель нами; поищемъ и устави́мъ таковаго или отъ насъ, или отъ Казарь, или отъ Полянъ, или отъ Дунайчевъ, или отъ Варягъ”. И бысть о семь молва веліа: овемъ сего, овемъ другаго хотящемъ; таже совеща́шася послаша въ Варяги»⁹⁵. Приведенное сообщение считается

⁸⁹ Петрухин В. Я. Гостомысл: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. № 2. С. 20.

⁹⁰ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 233, 311, 611.

⁹¹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 121; Петрухин В. Я. Гостомысл: к истории книжного персонажа. С. 21.

⁹² ПСРЛ. Т. 9. С. 3.

⁹³ Кюсс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. С. 181 и далее.

⁹⁴ Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // ДГ 1998 г. С. 152.

⁹⁵ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (далее – Никоновская летопись) // ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 8–9.

вымыслом автора XVI в.⁹⁶ Тем не менее Е. А. Мельникова видит в нем аутентичный фрагмент более древнего текста, который частично сохранился в Ипатьевской летописи⁹⁷.

861 г. датирует Никоновская летопись выбор трех братьев-правителей из варягов. По версии рассматриваемого источника этот выбор оказался осложнен тем обстоятельством, что варяги «бояхуся зверинаго ихъ [новгородцев] обычаа и нрава»⁹⁸. Эта негативная характеристика новгородцев явно навеяна реалиями близкими ко времени составления Никоновской летописи, невозможно предположить ее наличие в исходном варианте «варяжской легенды» или других источниках новгородского происхождения.

Два сообщения Никоновской летописи о противодействии Рюрику вызывают противоречивые оценки историков – от признания их аутентичности до полного отрицания. В 864 г., согласно летописи, «оскорбишася Новгородци, глаголюще: “яко бытии намъ рабомъ, и многа зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его”. Того же лета уби Рюрикъ Вадима храброго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съветниковъ его». С этим сообщением связывают запись, помещенную под 867 г.: «Того же лета избежаша отъ Рюрика изъ Новагорода въ Кіевъ много Новгородцкихъ мужей»⁹⁹. И. Я. Фроянов, справедливо указывая на условность летописной хронологии, считает, что в данном случае в Никоновской летописи произошло «разъединение происшествий, случившихся одновременно, по нескольким годам». В связи с этим создавалось впечатление, что недовольные новгородцы достаточно долго сопротивлялись овладевшему верховной властью Рюрику¹⁰⁰. Как бы то ни было, уникальная информация Никоновской летописи могла бы служить весьма ценным свидетельством непростых отношений утверждающейся новой династии с населением. Однако полной уверенности в ее аутентичности нет. Авторство рассмотренных сообщений может принадлежать московскому автору XVI в., стремившемуся показать исконно присущую новгородцам склонность к не-

⁹⁶ Кюсс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. С. 187.

⁹⁷ Мельникова Е. А. Рюрик, Синус и Трувор в древнерусской историографической традиции. С. 155.

⁹⁸ Никоновская летопись. С. 9.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 807.

повиновению властям¹⁰¹. М. Б. Свердлов при анализе известий о Вадиме пришел к выводу, что в данном случае «имеет место историко-литературное осмысление в XVI в. отношений Рюрика и местного населения, подобно тому как ранее в XV столетии та же тема излагалась на примере фольклорно-литературного Гостомысла»¹⁰².

Еще ряд уникальных сообщений Никоновской летописи относится к истории политического образования в Среднем Поднепровье с центром в Киеве. Так, согласно летописи, в 864 г. болгарами был убит сын Аскольда, в 865 г. Аскольд и Дир воевали с полочанами и «много зла сътвориша». О возвращении Аскольда и Дир после похода на Царьград «в мале дружине» Никоновская летопись сообщает под 867 г.: «Того же лета бысть в Кіеве гладь велій». И в этом же году Аскольд и Дира «избиша множество Печенегъ»¹⁰³. Отсутствие этих сведений в более ранних источниках, что не дает возможности их верификации, обусловило довольно осторожное их использование исследователями.

Если некоторые сообщения Никоновской летописи исследователи готовы признать вероятными, то по поводу искусственной генеалогии «Сказания о князьях Владимирских» 20-х гг. XVI в. нет сомнений в ее абсолютной оторванности от действительности¹⁰⁴. В названном литературном памятнике московская правящая династия связывалась с древнеримскими правителями: предком Рюрика объявлялся легендарный Прус, якобы являвшийся братом римского цесаря Августа¹⁰⁵. В «Сказание» был введен и известный из Новгородских летописей Гостомysl, но персонаж этот был использован в антиновгородском смысле. В нем читаем, как «некий воевода новгородьцкий именем Гостомysl скончевает свое житье и созва вся владельца Новагорода и рече им: "О мужие новгородьстии, совет даю вам аз, яко да пошлете в Прусьскую землю мужа мудры и призовете от тамо сущих родов к себе владелца"»¹⁰⁶. Получалось, что «воевода» Гостомysl

¹⁰¹ Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции. С. 156.

¹⁰² Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 125.

¹⁰³ Никоновская летопись. С. 9.

¹⁰⁴ Сказание о князьях Владимирских / Подгот. текста и коммент. Р. П. Дмитриевой; Перевод Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV - первая половина XVI в. Л., 1984. С. 422-435, 725-731.

¹⁰⁵ Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 204-216.

¹⁰⁶ Сказание о князьях Владимирских. С. 426.

добровольно передавал власть князьям¹⁰⁷. Эти вымыслы авторов XVI в. были использованы в обширном общерусском своде 40-х гг. XVI в. – так называемой Воскресенской летописи. Идея о происхождении Рюрика от Августа здесь получила дальнейшее развитие. Летопись рассказывает о том, что Август, обладавший всей Вселенной, дал своему брату Прусу землю по Висле и Неману (это территория стала называться Прусской землей), а «от Пруса четвертое на десят колено Рюрик». С советом призвать правителя из прусских князей опять же выступает Гостомысл¹⁰⁸. Не вызывает сомнений, что рассмотренные легенды о Гостомысле и о происхождении Рюрика от Августа – не что иное, как плод литературного или, скорее, политико-идеологического творчества авторов XV–XVI вв., и они более полезны для исследования общественно-политических идей позднего Средневековья, нежели для реконструкции обстоятельств возникновения Древнерусского государства.

В изучении проблемы становления Древнерусского государства исследователи обращаются и к некоторым литературным памятникам XI в. В историко-богословском и политическом трактате «Слове о законе и благодати», приписываемом митрополиту Илариону¹⁰⁹, а также в компилятивном сочинении «Память или похвала князю Владимиру», автором части которого являлся Иаков Мних¹¹⁰, можно обнаружить начало княжеского рода от Игоря, а не от Рюрика. В «Слове о законе и благодати» читаем: «Похвалим же и мы, по силе нашей, малыими похвалами велика и дивна сътворищааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава...»¹¹¹ Аналогично представлено происхождение Владимира и у Иакова Мниха: «...просвети благодать Божия сердце князю рускому Володимеру, сыну Святославию, внуку Игореву»¹¹². Исходя из этого Генрих Ловмянский сделал вывод, что русским книжникам XI в. не был известен Рюрик¹¹³. Однако современные историки не разделяют это мнение. Указы-

¹⁰⁷ Петрухин В. Я. Гостомысл: к истории книжного персонажа. С. 20.

¹⁰⁸ Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 119.

¹⁰⁹ Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 175.

¹¹⁰ Там же. С. 181–182.

¹¹¹ Слово о законе и благодати митрополита Илариона // БЛДР. Т. I. СПб., 2000. С. 42.

¹¹² Память и похвала князю рускому Владимиру // Там же. С. 316.

¹¹³ Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 127.

вается на то обстоятельство, что для древнерусского литературного этикета характерно было указывать только отца и деда восхваляемого персонажа¹¹⁴.

Итак, древнерусские письменные памятники дают основной массив информации о возникновении Древнерусского государства. В то же время представляет значительную сложность проблема определения степени достоверности тех или иных сведений. Безусловно, и на ПВЛ, составленную в начале 10-х гг. XII в., и на НПЛ XIII в. и тем более на Никоновский летописный свод XVI в. оказывали воздействие изменившиеся реалии времени их написания. Более того, такой специфический источник, как летописи, служил «трибуной» для отстаивания актуальных для того или иного момента политических идей. Летописец не был беспристрастным при фиксации различных сторон жизни своего общества: история даже значительно отдаленных от него по времени событий могла служить для легитимизации явлений, важных для доминирующих политических сил его эпохи. К тому же высший культурный, образовательный уровень Средневековья требовал от авторов летописных текстов превосходного знания Священного Писания, и историю своего народа они воспринимали сквозь призму библейской истории. Библейские сюжеты могли существенным образом искажать факты реальной древнерусской истории в изложении средневековых интеллектуалов. Тем не менее можно обнаружить ряд фактов, зафиксированных летописями, которые следует признать аутентичными:

1. Истоки древнерусской государственности связаны с именами Кия, Рюрика, Аскольда и Дира; правление Рюрика локализуется на севере Восточной Европы, деятельность же Кия, Аскольда и Дира связана с Киевом.

2. В изложении НПЛ и ПВЛ племена (словене, кривичи, меря, чудь) севера Восточной Европы оказываются объединенными общей судьбой: они подвергаются «насилию» со стороны варягов, совместно выступают с инициативой призвания правителя. Это позволяет предположить существование некоего политического союза, «конфедерации» в северной части Восточно-Европейской равнины.

3. Заслуга в объединении двух восточнославянских центров, в которых уже наметились государствообразующие процессы,

¹¹⁴ Мельникова Е. А. Рюрик, Синус и Трувор в древнерусской историографической традиции. С. 144–145.

принадлежит Олегу, занимавшему достаточно высокое положение при Рюрике, а затем при легитимном наследнике последнего – Игоре.

4. Именно Игорь связывает династию древнерусских князей с Рюриком, вступившим в договорные отношения с «племенами» Северо-Западной Руси.

5. Невозможно принять хронологию древнерусских источников, даже известный летописцу по греческим хронографам первый поход руси на Царьград, датируется неверно; не всегда точно можно определить и последовательность событий.

6. Для времени Аскольда и Дира характерны напряженные отношения политического объединения с центром в Киеве с соседями.

7. Поход Аскольда и Дира во всем древнерусских источниках уверенно связывается с Киевом, в то же время в изложении обстоятельств первого похода на Царьград и его последствий летописцы следуют греческим источникам. Это событие, как и первый пример распространения христианства на Руси, совершенно не оставило следа в исторической памяти народа¹¹⁵.

8. Усилиями Олега Киеву были подчинены соседние союзы племен, тем самым он вторгнулся в сферу интересов Хазарии.

9. Первые киевские правители (Аскольд и Дир (?), Олег, Игорь) вступают в вооруженный конфликт с Византией; при Олеге и Игоре эти конфликты завершаются подписанием договоров.

10. Олег последовательно берет под контроль важнейшие пункты вдоль торгового маршрута «из варяг в греки»; весь восточноевропейский отрезок этого пути оказывается под властью киевского правителя.

1.2. Западноевропейские источники о политическом развитии восточных славян в XI в.

1.2.1. Первые известия о русах и спор о титуле

Источники иностранного происхождения, позволяющие осветить проблему генезиса Древнерусского государства, довольно многочисленны и разнообразны. Взгляд со стороны на процесс создания государства восточных славян представляет ценность

¹¹⁵ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 65.

благодаря относительной беспристрастности сохранившихся сведений, а также возможности более точной датировки событий, известных из древнерусских источников. В то же время иностранные источники не дают полной картины происходивших в Восточной Европе государствообразующих процессов, их сведения фрагментарны, отрывочны и часто полны недоразумений.

Западноевропейские источники отмечают активность народа «русь» начиная с 30-х гг. IX в. Сразу необходимо оговориться, что под «русью» эти источники подразумевают представителей скандинавских этносов, о чем недвусмысленно свидетельствует первое упоминание этнонима «русь» в Бертинских анналах. Тем не менее не вызывает сомнения, что «русь» (как этническая общность) локализуется в Восточной Европе. Невозможно найти примеры, когда бы «русь» выступала вне связи с восточнославянским населением.

Судить о политическом развитии Восточной Европы в IX в. западноевропейские источники позволяют только исходя из косвенных данных. Так, большое значение имеют титул верховного правителя и масштаб осуществляемых подвластным ему политическим объединением акций.

Наиболее древнее упоминание в западноевропейских источниках народа «рос» или «русь» содержится в так называемых Бертинских анналах («*Annales Bertiniani*»)¹¹⁶. Интересующее нас сообщение этого источника позволяет сделать важные выводы о существовании в Восточной Европе (точной локализации анналы не дают) политического образования, выступающего с серьезными внешнеполитическими инициативами.

Фрагмент рукописи, касающейся народа «рос», принадлежал придворному капеллану Пруденцию, работавшему во времена императора Людовика I (814–840) и западнофранкского короля Карла Лысого (840–877)¹¹⁷. Следовательно, Пруденций мог быть очевидцем события, которое приводится под 839 г. В этом году, согласно рассматриваемому источнику, к франкскому императору Людовику прибыло посольство византийского императора Феофила (829–842). Феофил прислал «некоторых людей, утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король (rex) их, именуемый хаканом (chacanus), направил их к

¹¹⁶ Основная рукопись этого труда была найдена в аббатстве Св. Бертина на севере Франции.

¹¹⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 288.

нему, как они уверяли, ради дружбы». Эти представители народа «рос» не могли безопасно вернуться домой тем же путем, каким прибыли в Константинополь, поскольку эту дорогу преграждали «исключительно свирепые народы». Видимо, общая тревожная ситуация в Европе, подвергавшейся нападениям викингов, заставила самого франкского императора произвести дознание. В итоге выяснилось, что послы от кагана «росов» происходили из «свеонов», т.е. шведов. Это еще более насторожило императора, решившего задержать послов, «пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями, или нет»¹¹⁸.

Из содержания сообщения Пруденция можно очертить круг использованных им источников о «росах» – это письмо императора Феофила, устные сведения от посланников византийского императора и рассказы русских послов. Но данные Бертинских анналов не дают возможности выяснить, кто же наделил правителя «росов» высоким титулом «каган» – его послы или же чиновники византийской канцелярии. Эта информация могла сохраниться и в письме Феофила¹¹⁹.

Рассмотренное сообщение Бертинских анналов оставляет и множество других вопросов: данные этого источника не позволяют уверенно локализовать подвластное «кагану росов» политическое образование, выступившее со значительной внешнеполитической инициативой; нет возможности определить, какое население было подвластно «кагану росов» и какую роль в новом политическом образовании играли скандинавы. В сообщении Пруденция только имя народа – «рос» – позволяет связать местонахождение нуждавшегося в установлении добрососедских отношений политического объединения с территорией восточных славян. Ряд логичных доводов – о том, что титул кагана мог быть заимствован только непосредственными соседями Хазарии¹²⁰, что хазарским послам было удобнее возвращаться через Крым и в целом возвращение не представляло бы никакой сложности¹²¹, что

¹¹⁸ Бертинские анналы // Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. М.: Л., 1989. С. 7–15.

¹¹⁹ Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 112–113.

¹²⁰ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 131; Седов В. В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 9; Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ДГ 1998 г. С. 367–379.

¹²¹ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 44; Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 39; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 96.

нет известий об использовании хазарами скандинавов в качестве послов, что титул «каган» никогда не использовался правителями Скандинавии¹²², – разбивается о разнообразие вариантов исторического развития, дающее возможность при отсутствии точных указаний источников выдвигать различные гипотезы происхождения тех или иных явлений¹²³.

Между тем обозначение правителя народа «рос» титулом каган (хакан) само по себе заключает значительную информацию. Видимо, Пруденцию был хорошо знаком этот титул, он привел его в наиболее привычной для себя форме *chaganus*. Титулом «каган» или «хакан» (греч. *χαγάνος*) у первоначальных его носителей – тюрков – было принято обозначать верховного правителя, под началом которого находились другие властители, ниже его по рангу¹²⁴. В середине IX в. в реальной государственно-политической практике титул «каган» использовался в Хазарии. Это было прекрасно известно в Византии, поэтому нет необходимости искать в правителе народа «рос» хазарина. Очевидно, что речь идет о каком-то новом политическом образовании, о котором еще нет точных сведений в византийской канцелярии, в Западной же Европе в IX в. не признавали титул «каган» даже за хазарским правителем.

В составе «Салернской хроники» («*Chronicon Salernitanum*») X в. сохранилось послание франкского императора и итальянского короля Людовика II (844–875), направленное в 871 г. византийскому императору Василию I (867–886). Помещенное в хронике послание являлось ответом на письмо византийского императора, не желавшего признавать за Людовиком II титула императора. По мнению Василия I, каждый государь имеет свой титул: так, титул кагана (*chaganus*) носят правители аваров, хазар и норманнов; Людовик же должен довольствоваться титулом *rex*¹²⁵. Уязвленный Людовик пространно прокомментировал доводы Василия и отметил, что знает только аварского кагана:

¹²² Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. С. 114.

¹²³ «Титул "каган" в принципе мог получить известность в Восточной Европе не только благодаря хазарам, но и через посредство Византии, западных и южных славян и народов Западной Европы, знакомство которых с этим титулом независимо от Хазарии относится к более раннему периоду, когда Хазарского государства еще не существовало» (Там же. С. 121).

¹²⁴ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя. С. 369.

¹²⁵ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 56.

«Хаганом (chaganus) мы называем государя (praelatus) авар, а не хазар (Gazani) или норманнов (Nortmanni)»¹²⁶. В государствах – наследниках Франкской империи, созданной Карлом Великим – хорошо помнили о разгроме Аварского каганата на рубеже VIII–IX вв., но среди известных европейским жителям норманнов не было предводителей с титулом «каган».

Из переписки монархов можно сделать важный вывод: в византийской императорской канцелярии в начале 70-х гг. IX в. знали предводителя норманнов, власть которого соотносилась с властью аварского и хазарского правителей. Историки предполагают, что в данном случае речь идет о предводителе народа «рос», упомянутого в Бертинских анналах. Тем не менее именно эта точка зрения является общепринятой в современной историографии. Нет сомнений в том, что под норманнами интересующего нас сообщения Салернской хроники имеются в виду именно русь (греч. народ «Рос»). Это находит многочисленные подтверждения в византийских и западноевропейских раннесредневековых источниках. Так, в «Венецианской хронике» Иоанна Диякона (рубеж X–XI вв.) русь, напавшая в 860 г. на Константинополь, названа «народом норманнов» (Normanorum gentes)¹²⁷.

Наделение правителя русов титулом «каган» характерно и для арабо-персидской исторической традиции, причем русы в восточных источниках отделяются от собственно славян. Сведения арабо-персидских авторов будут рассмотрены ниже, пока же можно сделать вывод, что появление в IX в. в Восточной Европе нового политического объединения с предводителем, наделяемым титулом «каган», было замечено соседними государствами, как в Западной Европе и Византии, так и на Востоке. Важно отметить, что в западноевропейских источниках, которые используются для доказательства существования в 40–70-х гг. IX в. Русского каганата, собственно о каганате не говорится. В источниках нет информации о структуре государства, подчиненного кагану «росов», составе его подданных, подтверждающей «имперский» статус правителя¹²⁸. Исключительно логика современного иссле-

¹²⁶ Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 290.

¹²⁷ Там же: *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 56; *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. С. 115.

¹²⁸ *Петрухин В. Я.* «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ 1999 г. М., 2001. С. 132. «...понятие "Русский каганат" – не более чем историографический фантом».

дователя позволяет увидеть в кагане народа «Рос» главу «восточнославянского территориального образования» в Среднем Поднепровье, быстрой концентрации властных функций которого способствовала военная опасность со стороны Хазарии¹²⁹. Отмеченное в западных источниках наделение титулом «каган» может свидетельствовать лишь о «претензиях, которые выдвигали “люди Рос”, стремясь на равных строить свои отношения с греками, франками и хазарами»¹³⁰. При этом титул «каган» не обязательно мог быть заимствован у хазар, а его принятие свидетельствовать о «полной независимости русов в 30–60-х гг. IX в. от Хазарского государства и вместе с тем, возможно, о подчинении их в более раннее время Хазарией»¹³¹. Тесное общение славян с тюркоязычными народами, в том числе и аварами, предполагает значительно более давнюю известность тюркской титулатуры в Восточной и Центральной Европе. В IX в. титул «каган» оказывался единственным в регионе расселения восточных славян, дававший его обладателю международное признание. По мнению современной исследовательницы И. Г. Коноваловой, в принятии рассматриваемого восточного титула «следует видеть не столько следствие хазарского влияния, сколько формальную самоидентификацию, предопределенную внешними обстоятельствами»¹³².

Для решения вопроса локализации гипотетического Русского каганата исследователями привлекаются данные так называемого «Баварского географа». Документ этот вызывает множество споров: по поводу времени его составления, целей и, главное, содержащейся в нем информации. Новейший исследователь «Баварского географа» А. В. Назаренко пришел к выводу, что этот документ был составлен в южношвабском монастыре Райхенау после начала 870-х гг. При этом единственная сохранившаяся рукопись, вероятно, является оригиналом памятника¹³³. Но существуют и другие точки зрения на вопрос о времени создания данного письменного памятника. Так, по палеографическим осо-

¹²⁹ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 99.

¹³⁰ *Петрухин В. Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // *Славяноведение*. 2001. № 4. С. 79.

¹³¹ *Седов В. В.* Русский каганат IX века. С. 9.

¹³² *Коновалова И. Г.* О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. С. 125.

¹³³ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 69. См. также: *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 7–9, 12–13.

бенностям текста его предлагали датировать первой половиной или серединой IX в. (Б. Бишофф), исходя из интерпретации содержания документ относили к 817 г. (Л. Гавлик), ко времени между 833 и 890 гг. (П. Раткош), позже 844 г. (Х. Ловмянский, В. Фритце) и даже к периоду сразу после 795 г. (Л. Дралле)¹³⁴. Как бы то ни было, к приводимой в документе информации историки относятся с доверием, несмотря на то что некоторые из содержащихся в нем этнонимов не поддаются идентификации.

Текст «Баварского географа», который по месту создания было бы правильнее называть «швабским»¹³⁵, имеет заглавие: «Описание городов и областей к северу от Дуная» («*Descriptio civitatum et regionum ad septentrionalem plagam Danabii*»). В действительности в этом письменном памятнике отсутствует сколько-нибудь подробное описание обозначенной территории. Данное «Описание» представляет собой перечень племен и народов Центральной и Восточной Европы. Этнонимам, как правило, сопутствуют данные о количестве городов у того или иного народа. Более достоверными являются данные «Баварского географа» об областях близких к Франкскому государству, по мере удаления от его границ количество городов неумеренно возрастает¹³⁶. Ближе к концу этого уникального документа читаем: «*Caziri. civitates. C. Ruzzi. Forsderen. liudi*» («Кацеры – 100 городов. Руссы. Форшдерен лиуды»)¹³⁷.

При анализе данного фрагмента учитывают, что в «Баварском географе» последовательно рядом указываются соседствующие общности. Это облегчает идентификацию некоторых «темных» этнонимов¹³⁸. Упомянутые в документе *Caziri* – это, несомненно, хазары. Что касается *Forsderen. liudi*, то, несмотря на некоторые лингвистические сложности¹³⁹, этот этноним отождествля-

¹³⁴ Там же. С. 56–59; *Седов В. В.* Русский каганат IX века. С. 7; *Седов В. В.* Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 63.

¹³⁵ До нашего времени он дошел в единственном списке в составе сборника, хранящегося в Баварской государственной библиотеке в Мюнхене.

¹³⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 293; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 14–15. В. Я. Петрухин предполагает, что на количество городов «Баварского географа» оказала влияние средневековая традиция, восходящая к Библии (*Петрухин В. Я.* Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа (Историографические заметки) // ДГ 2003 г. М., 2005. С. 183–184).

¹³⁷ *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях. С. 54–55; *Он же.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 14, 15.

¹³⁸ *Горский А. А.* Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГ 1995 г. М., 1997. С. 273.

¹³⁹ *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 43.

ют с древлянами (Forsderer. liudi – это калька с герм. – «лесные люди»)¹⁴⁰. Таким образом, Ruzzi «Баварского географа» размещались между хазарами и восточнославянским племенным союзом древлян, т.е. на территории Среднего Поднепровья¹⁴¹.

1.2.2. Древнейшие известия о торговой активности русов

Некоторые западноевропейские свидетельства используются исследователями для доказательства существования интенсивных контактов (прежде всего, торговых) носителей имени «русь» с Западом в IX в. (и даже ранее). Так в дарственной грамоте восточнофранкского короля Людовика II Немецкого (840–876) Альтайхскому монастырю¹⁴² на земли в Баварской восточной марке названо и местечко (или небольшая территория) Rûzâgamarcha¹⁴³. Грамота Людовика II сохранилась в оригинале и датируется 862/3 г. -marcha – это часто встречающееся в немецкой топонимии название, обозначающее центр мелкого территориального подразделения графского округа, позднее – сельскую общину¹⁴⁴. А. В. Назаренко высказал предположение, что первая часть сложносоставного топонима представляет собой производное от этнонима «русь». Сама Rûzâgamarcha располагалась на торной дороге вдоль южного берега Дуная. Здесь купцы, приплывавшие по Дунаю с востока в Баварскую марку, из-за географических условий должны были перегружать свои товары с кораблей на возы. В значительно более позднем источнике – уставе австрийского герцога Леопольда V 1192 г. – «рузариями» (Ruzarii) названы регенсбургские купцы, торгующие с Русью и на Руси. А. В. Назаренко предполагает, что в данном случае «рузарии» – это латинизированная разновидность прилагательного «русский» в средневерхненемецком языке. Соответственно именно русские купцы, часто навещавшие территорию Баварской восточной марки, дали название местечку Rûzâgamarcha¹⁴⁵. Дальнейший

¹⁴⁰ Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства. С. 278.

¹⁴¹ Там же. С. 278. Арел волыщевской археологической культуры: Седов В. В. Русский каганат IX века. С. 7. Седов В. В. Древнерусская народность. С. 63.

¹⁴² Располагался на востоке Баварии, на Дунае, выше города Пассау.

¹⁴³ Располагалось на южном берегу Дуная к востоку от Эиса, в совр. Нижней Австрии.

¹⁴⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 299.

¹⁴⁵ Там же. С. 299–300.

лингвистический анализ топонима *Rûzâgamarcha* позволил исследователю сделать вывод, что оригиналом для заимствования послужила именно славянская форма этнонима русь (с вост.-слав. *ŕь*), а не его гипотетический скандинавский прототип **rôþs*. Следовательно, «уже в первой половине IX в. носители этнонима “русь”, кем бы они ни были этнически, пользовались славяноязычным самоназванием»¹⁴⁶.

Для подтверждения существования активных торговых связей Руси и Баварской восточной марки (позднее – Австрийского герцогства) привлекаются данные «Раффельштеттенского таможенного устава» («*Inquisitio de teloneis Raffelstettensis*»). Этот документ был создан между 904 и 906 гг. по приказу последнего восточнофранкского короля из династии Каролингов Людовика IV Дитяти (899–911). Таможенный устав регулирует мытные порядки в Баварской восточной марке в целом, т.е. как раз на той территории, по которой проходила торная торговая дорога вдоль южного берега Дуная, и где располагалась *Rûzâgamarcha*. Устав зафиксировал устоявшееся не одно десятилетие положение, ситуация вскоре резко переменится в связи с опустошительными набегами венгров¹⁴⁷. 6-я глава «Раффельштеттенского таможенного устава» гласит: «Славяне же, отправляющиеся для торговли от ругов или богемов, если расположатся для торговли где-либо на берегу Дуная... с каждого выюка воска платят две меры стоимостью в один скот каждая; с груза одного носильщика – одну меру той же стоимости; если же пожелают продать рабов или лошадей, то за каждую рабыню платят по одному тремиссу, столько же за жеребца, за раба – одну сайгу, столько же за кобылу»¹⁴⁸.

Таким образом, выводы о развитии русско-немецкой торговли времен летописного Олега делаются только на основе идентификации упомянутых в документе «ругов» как руси¹⁴⁹. Действительно, ругами в немецких латиноязычных документах X–XI вв. называлась обычно русь. Первоначально же этноним руги относился к восточногерманскому племени эпохи Великого переселения народов. Руги были хорошо известны античным и ран-

¹⁴⁶ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 49.

¹⁴⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 295.

¹⁴⁸ Цит. по: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 296. Немного отличается новейший перевод А. В. Назаренко: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 82.

¹⁴⁹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 82.

несредневековым авторам и оставили довольно глубокий след в истории¹⁵⁰. По созвучию наименование германского племени закрепилось за новым народом. Тем не менее нет полной уверенности, подкрепляемой свидетельствами источников, в отождествлении рогов и реального народа русь. С этнонимом Ruzzi «Баварского географа» еще большие проблемы. Исследователи отмечают, что подобный этникон, по данным лингвистики, должен был возникнуть не позднее рубежа VI–VII вв. В данном и в других случаях нельзя игнорировать проблему этнонимической омонимии¹⁵¹. К тому же крайне натянутым выглядит привлечение для объяснения понятия IX в. материалов конца XII в. – за такой долгий период радикально менялись и языковые процессы, и исторические реалии¹⁵².

1.2.3. Спорные известия о древнейшей истории Руси

При реконструкции истории «северной конфедерации племен» историки обращают внимание на письменные памятники Северной Европы. Ценные сведения о геополитической ситуации в Прибалтике содержатся в Житии св. Ансгария, написанном гамбургско-бременским архиепископом Римбертом около 870 г. В житии среди прочего рассказывается о нападении в 852 г. шведского конунга Анунда из Дании на важный шведский торговый город Бирку. После того как датское войско заняло Бирку, Анунд во избежание грабежей направил воинов на некий город в «славянских пределах» (in finibus Slavorum)¹⁵³. Российский исследователь А. Н. Кирпичников высказал предположение, что этим городом была Ладога¹⁵⁴, ведущий же польский славист Х. Ловмянский не исключал вероятности, что это был Новгород (хотя отметил предпочтительное обозначение франкскими источниками этно-

¹⁵⁰ Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 333.

¹⁵¹ Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии. С. 129.

¹⁵² Вилкул Т. Л. Рецензия на: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 283.

¹⁵³ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 101.

¹⁵⁴ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладужская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 47–48.

нимом «славяне» западных славян, отчего более вероятным городом Римберта считал поморский Волин)¹⁵⁵. В целом необходимо сделать вывод, что информация рассматриваемого источника не может быть достоверно интерпретирована, любое решение по поводу таинственного славянского города не может выйти за рамки гипотез.

При рассмотрении источников по проблеме возникновения Древнерусского государства нельзя не упомянуть крайне важную запись в классическом труде польского историка Яна Длугоша (1415–1480). Сочинение Яна Длугоша «Анналы, или Хроника славного польского королевства» (или просто «История Польши») (вторая половина XV в.) признается вершиной польской средневековой летописной традиции. Отношение к этому историческому памятнику в историографии неоднозначно, с одной стороны, признается его ценность в связи с цитированием или подробным пересказом не дошедших до нас источников, с другой стороны, указывается на значительную роль интерпретации и дополнений автора в изложении истории Польши, особенно раннего периода¹⁵⁶. В труде польского историка читаем: «После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Аскольду и Диру»¹⁵⁷. Эта запись непременно используется историками для доказательства существования местной правящей династии в Киеве. Однако сообщение Длугоша – автора XV в. – не подтверждается никакими другими, более ранними источниками.

Таким образом, западноевропейские источники не имели никакого представления о событиях IX в., происходивших в Восточной Европе. Лишь анализ косвенных данных позволяет сделать некоторые выводы, часто, тем не менее, весьма ценные. В целом же формирование в среде восточного славянства прочного государственного образования для хорошо информированных западноевропейских авторов и даже для высших правящих особ остается недоступным и даже вызывающим недоумение.

¹⁵⁵ Ловмянский Г. Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Т. VII. 1963. С. 241–242.

¹⁵⁶ Источниковедение истории южных и западных славян. Феодалный период. М., 1999. С. 136.

¹⁵⁷ Цит. по: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 307.

1.3. Византийские источники о деятельности русов в IX в.

1.3.1. Известия о внешнеполитической активности «росов» до 860 г.

Не обладали сведениями о происходивших в IX в. процессах в восточнославянских землях и византийцы. Однако по византийским источникам хорошо прослеживаются первые внешнеполитические акции русов, в которых в какой-то мере, несомненно, участвовали и восточные славяне. Военные мероприятия, направленные против Византийской империи, позволяют оценить возможности верховной власти нападающей стороны по мобилизации подвластного населения. Хотя военные возможности общества и масштаб осуществляемых акций не прямо связаны со степенью политического развития. Большее значение имеют цели, результаты и характер походов руси. Тем не менее для анализа характера общественно-политического развития восточных славян ценность имеет приводимая греческими авторами информация о руководителях военных мероприятий, их участниках и т.п.

Наиболее ранние известия о нападении «росов» на византийские владения относятся к первой половине IX в. Информация об этих акциях содержится в двух житиях – Житии св. Стефана Сурожского и Житии св. Георгия Амастридского – источниках достаточно специфических, для которых исторические реалии служили лишь фоном. Оба упомянутых памятника были обстоятельно проанализированы в труде В. Г. Васильевского еще в начале XX в.¹⁵⁸ Основные выводы ученого сохраняют свое значение и сейчас. По мнению В. Г. Васильевского, Житие св. Стефана Сурожского было написано ранее конца X в., описываемые же в нем события относились к первой трети IX в. (именно тогда жил упомянутый в источнике преемник св. Стефана сурожский архиепископ Филарет, при котором и состоялось нападение на Сурож¹⁵⁹). Но приводимые в славянском варианте Жития св. Стефана подробности интересующего нас события (в кратком греческом оригинале их нет)¹⁶⁰ заставляют отнестись крайне скептически к исторической основе этого литературного памятника. Житие рассказывает о том, как на крымское побережье обрушилась новгородская рать

¹⁵⁸ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Васильевский В. Г. Труды.* Т. III. СПб., 1915.

¹⁵⁹ Сугдея, совр. Судак.

¹⁶⁰ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 59.

во главе с князем Бравлином. «Великая» рать князя Бравлина, который был «силень зело», повоевала византийские владения от Херсонеса до Керчи, а затем подступила к Сурожу. Осада продолжалась десять дней, захваченный в итоге город подвергся разграблению. Но в местном богатейшем храме Св. Софии с Бравлином произошла «неприятность»: у гробницы Стефана Сурожского его охватил странный недуг – «обратися лице его назад». Все стало на свои места после того, как Бравлин отдал приказ прекратить разграбление города, вернуть все отнятое и отпустить пленных. Под впечатлением чуда Бравлин принял христианство, акт крещения совершил архиепископ Филарет¹⁶¹. Трудно найти в данном источнике историческую основу. Тем не менее встречаются исследования, в которых без всякой критики принимаются все подробности, служащие даже для выводов о развитии дипломатии восточных славян¹⁶². А. Н. Сахаров на основе анализа рассмотренного источника делает вывод и о политическом развитии восточных славян: «Думается, что нападение Руси на Сурож в конце VIII или в начале IX в., как и переговоры, проведенные там руссами, отражают тот этап в истории русской государственности, когда древние русы, не создав еще сильного и единого государства, не осмелились атаковать столицу Византии, а нападали лишь на ее окраины»¹⁶³. Видимо, ближе к истине те исследователи, которые считают, что Житие св. Стефана Сурожского представляет больший интерес для истории русской литературы, чем для истории как таковой¹⁶⁴.

Данные Жития св. Георгия Амастридского традиционно пользуются большим доверием историков. Согласно исследованию В. Г. Васильевского, автором жития являлся известный агиограф диакон Игнатий (770/780 – после 845). Точно датировать описанное в житии нападение росов на малоазиатский берег Черного моря не представляется возможным. Отсутствие в источнике упоминаний об иконах указывает на «иконоборческий» период его появления, закончившийся со смертью императора-«иконоборца» Феофила в 842 г. Георгий, у могилы которого появляются чудесные знамения, умер ок. 806 г. Соответственно, русский поход заключается в хронологические рамки с 806 по 842 г. Таким

¹⁶¹ *Васильевский В. Г.* Русско-византийские исследования. С. 96.

¹⁶² *Сахаров А. Н.* Дипломатия Древней Руси. С. 28–30.

¹⁶³ Там же. С. 30.

¹⁶⁴ *Цукерман К.* Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 59, со ссылкой на А. А. Васильева.

образом, в Житии св. Георгия Амастридского может содержаться первое упоминание этнонима «рос».

В житии рассказывается о нашествии «варваров» росов – «народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия» – на главный город византийской фемы Пафлагонии – Амастриду. Из столь нелестной характеристики становится понятным, что византийцы не первый раз сталкивались с росами («как все знают»). Бесчинства росов описываются в самых мрачных тонах: «Храмы ниспровергаются, святыни оскверняются: на месте их [нечестивые] алтари, незаконные возлияния и жертвы, то древнее таврическое избиение иностранцев, у них сохраняющее силу. Убийство девиц, мужей и жен; и не было никого помогающего, никого, готового противостоять». Однако населению Пафлагонии чрезвычайно повезло: незадолго до описываемых событий умер Георгий, у могилы которого проявились чудесные знамения. Потрясенный ими предводитель росов немедленно прекратил насилия и склонился к правой вере. Завершая рассказ о русском набеге автор жития обращает внимание на огромное значение чудес, произошедших у гроба Георгия (чудеса у могилы – важное условие канонизации): «Один гроб был достаточно силен для того, чтобы обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство, привести [людей], более свирепых, чем волки, к кротости овец и заставить тех, которые поклонялись рощам и лугам, уважать Божественные храмы. Видишь ли силу гроба, поборовшего силу целого народа?»¹⁶⁵

Нападение на Амастриду в первой половине IX в. не подтверждается другими источниками, в связи с чем ряд исследователей (особенно западных) склонны видеть во фрагменте о росах позднюю интерполяцию, воспроизводящую события 860 г. или даже 941 г.¹⁶⁶ Как бы то ни было, типичность данного сюжета очевидна. Обращается также внимание на мирные отношения народа «рос» и Византии в конце 30-х гг. IX в., о чем свидетельствуют Бертинские анналы. Но привлечение того же источника позволяет некоторым исследователям прийти к выводу, что поход на Амастриду явился следствием безрезультатной миссии русов в

¹⁶⁵ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. С. 64; Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. С. 41–42, 497. То же: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 90–91.

¹⁶⁶ Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: свод византийских свидетельств о Руси. С. 43.

Константинополь в 837 г.¹⁶⁷, или же как раз мирная инициатива русов, явившихся в Константинополь, а затем в Ингельсгейм, была предпринята после событий, описанных в Житии св. Георгия Амастридского¹⁶⁸. Какие-либо существенные выводы о самом народе, осуществившем грабительский набег на византийскую территорию, исходя из содержания жития сделать сложно. Если нападение действительно имело место, то оно было «местным и частным фактом, разбойничьим набегом, о котором жителям Константинополя не было необходимости много заботиться»¹⁶⁹.

В более позднем источнике – Житии патриарха Игнатия, составленном Никитой Давидом Пафлагонцем (точное время его жизни остается предметом дискуссий, обычно его деятельность датируют первой половиной X в.)¹⁷⁰, очевидцем первого нападения русов на Константинополь в 860 г. – Амастрида, предстает богатым и процветающим городом, ничего не говорится о произведенных росами двумя десятилетиями ранее опустошениях. Данный источник уникален тем, что в нем предположительно (если под скифами на самом деле скрываются восточные славяне) зафиксированы древнейшие торговые контакты между Византией и Русью. В житии читаем: «О, Амастрида, око Пафлагонии, а лучше сказать – почти всей вселенной! В нее стекаются, как на общий рынок, скифы, как населяющие северные берега Эвксина, так и живущие южнее. Они привозят сюда свои и забирают амастридские товары»¹⁷¹.

1.3.2. Известия о нападении «росов» на Константинополь в 860 г.

Если можно сомневаться, имели ли место в реальности рассмотренные выше мероприятия русов-росов первой половины IX в., то нападение росов на столицу империи – Константинополь – в 860 г. было зафиксировано множеством источников. Наиболее информативные свидетельства принадлежат константинопольскому

¹⁶⁷ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 8.

¹⁶⁸ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 60.

¹⁶⁹ Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. С. СХХVII.

¹⁷⁰ Кузнецов П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ 2000 г. М., 2003. С. 102–103.

¹⁷¹ Цит. по: Бибилов М. В. BYZANTINOROSSICA: свод византийских свидетельств о Руси. С. 45.

патриарху Фотию (ок. 810–886, патриарх в 858–867 и 877–886), который был непосредственным очевидцем и участником события. Фотию принадлежат две гомилии (речи-беседы) «На нашествие росов», произнесенные с кафедры собора Св. Софии перед горожанами во время осады «северными варварами» столицы империи, а также «Окружное послание восточным патриархам», посвященное созыву Собора в Константинополе в 867 г.¹⁷² Гомилии – специфический источник, произносивший их патриарх не ставил задачу достоверно описать происходившие события. Для него важнее было показать степень морального падения византийцев, которые «упорны стали к заповедям Господа и пренебрегли требованиями Его». Нападение варваров – это Божья кара, ведь «Бог наш ревнитель, долготерпелив, но если прогневается – кто устоит?» Тем не менее гомилии содержат важную информацию. Первая гомилия создает впечатление, что Фотий хорошо знал, с какой территории совершили свой «коварный набег» «варвары». Согласно Фотию, они «напали оттуда, откуда [мы] отдалены столькими землями и племенными владениями, судоходными реками и морями без пристаней». «Народ жестокий и грубый» смог безнаказанно обступить город, поскольку «войско, оборонительные машины, полководческие советы и приготовления» были направлены против других варваров (арабов). В итоге «скифский народ, жестокий и варварский, выползя из самых предвратий города, будто дикий зверь объел окрестности его»¹⁷³. В обозначении росов скифским народом некоторые исследователи видят указание на славянское происхождение нападавших. Однако этноним скифы в византийской литературе получил довольно расплывчатое этногеографическое значение и применялся для обозначения любых варваров¹⁷⁴.

Вторая гомилия Фотия, произнесенная уже после ухода неприятеля, содержит более конкретную информацию. Фотий утверждал, что нападение росов было «вовсе не похоже... на другие набеги варваров» своей неожиданностью и стремительностью. Более обстоятельно описан и народ росов: «Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, неизвестный – но получивший имя от похода на нас, непримет-

¹⁷² Библиков М. В. BYZANTINOROSSICA: свод византийских свидетельств о Руси. С. 17.

¹⁷³ Гомилия первая «На нашествие росов» // Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 31–39.

¹⁷⁴ Там же. С. 43.

ный – но ставший значительным, низменный и беспомощный – но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость [в качестве] оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул, будто морская волна, на наши пределы...» Причину отступления варваров Фотий видит в божественном вмешательстве, заступничестве Девы Марии. Вдоль стен города с молебнами была обнесена священная риза Богородицы, и вскоре «варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря и... [горожане] были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения»¹⁷⁵. Обращает на себя внимание указание Фотия на отсутствие у росов руководства и военачальника. Вряд ли в действительности это было так. Исследователи обращают внимание на то, что сам характер источника требовал от оратора подчеркнуть позор поражения от неорганизованных варваров византийцев, гордившихся порядком и дисциплиной. При характеристике росов упомянут и эпитет «кочующий», что явно указывает не на хозяйственную деятельность славян, а скорее подразумевает резко расширившую зону их активности¹⁷⁶.

Последствия первого нападения росов на Константинополь можно обнаружить в другом произведении Фотия, написанном несколько лет спустя, – «Окружном послании восточным патриархам». В нем патриарх старается показать успехи византийской христианизаторской миссии: даже грозный и жестокий народ («тот самый так называемый [народ] Рос»), недавно потрясший столицу и причинивший много зла христианам, добровольно склонился к принятию «чистой и неподдельной» веры. Более того «приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам»¹⁷⁷. Это событие произошло, видимо, около 866/67 г.

Таким образом, речи и послание патриарха Фотия прямо свидетельствуют о появлении у Византийской империи достаточно мощного в военном отношении соседа, предпринимающего важные шаги и в сфере религиозной политики. Удачно выбранный момент для нападения (император Михаил III увел войско в Малую Азию, а флот ушел к Криту для борьбы с пиратами) заставляет предположить, что русы-росы оперативно получали информа-

¹⁷⁵ Гомилия вторая «На нашествие росов» // Там же. С. 56–60.

¹⁷⁶ Там же. С. 67.

¹⁷⁷ Окружное послание // Там же. С. 75.

цию о делах в соседнем государстве¹⁷⁸ и могли быстро мобилизовать значительные силы. Это позволяет сделать вывод о наличии не просто зачатков организационной структуры, а прочной политической организации, способной выполнять различные задачи и даже уже нуждающейся в более развитой идеологии.

Дополнительные подробности, касающиеся масштабов военной операции росов, дает уже упоминавшееся Житие патриарха Игнатия. Его автор Никита Давид Пафлагонец явно симпатизировал герою своего произведения и недолюбливал патриарха Фотия, поэтому его повествование о трагических для Византии событиях 860 г. можно считать более объективным. В житии, в частности, рассказывается, что «кровожаднейшее скифское племя, так называемые росы, через Эвксинский Понт подступив к Проливу и разграбив все усадьбы и все монастыри, напали к тому же и на соседние с Византием острова, забирая всю утварь и деньги, а взятых в плен людей всех убивая»¹⁷⁹.

Нападение росов на столицу империи было зафиксировано во многих византийских исторических трудах. Наиболее близок к описываемым событиям был Симеон Логофет – автор первой половины X в. В своей хронике (ее называют также хроникой продолжателя Георгия Амартола), доведенной до конца правления императора Романа I Лакапина (948 г.), византийский автор называет количество кораблей росов (200), несколько уточняет обстоятельства ухода неприятеля (флот «безбожных росов» разметала буря) и приводит другие подробности¹⁸⁰. Другой исторический труд X в., называемый «Продолжателем Феофана» (он представляет собой собрание произведений нескольких авторов), сообщает о прибытии в «царственный град» вскоре после враждебной акции посольства росов, пожелавших «сделать их сопричастными Божественному крещению»¹⁸¹. Ряд позднейших хроник XI–XII вв. – «Обозрение истории» Иоанна Скилицы, «Сокращение историй» Иоанна Зонары, «Хроника» Михаила Глики – обращают большее внимание на обстоятельства крещения росов после нападения на Константинополь, при этом сама эта враждебная акция представляется совершенно безрезультат-

¹⁷⁸ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 52–54.

¹⁷⁹ Никита Давид. Житие патриарха Игнатия // Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 104.

¹⁸⁰ Семейство хроник Симеона Логофета // Там же. С. 114–115.

¹⁸¹ Продолжатель Феофана // Там же. С. 124.

ной. Более того агрессия росов оборачивается в пользу византийцев – под впечатлением божественного заступничества «дикий и свирепый народ» умоляет о крещении¹⁸².

Одна из византийских хроник, сохранившаяся в списке конца XIII в., дает точную дату появления росов под стенами Константинополя – 18 июня 860 г. Это так называемая «Брюссельская хроника», впервые опубликованная в 1894 г. бельгийским ученым Фр. Кюмоном, обнаружившим ее в Королевской библиотеке Брюсселя¹⁸³. Хроника неизвестного автора содержала перечень императоров от Цезаря до Романа III Аргира (1034 г.) с указанием сроков правления и очень краткими заметками. Сообщение о нападении Руси – единственное, помещенное в разделе о правлении Михаила III. Более того, никакими событиями не отмечено правление преемника Михаила III, Василия I, и в целом в хронике это единственное сообщение, очень точно датированное¹⁸⁴. Все это указывает на большой резонанс, который получило рассматриваемое событие. В то же время «Брюссельская хроника» говорит о полном и сокрушительном поражении росов.

О том, что грабительскую акцию росов никак нельзя считать неудавшейся, недвусмысленно свидетельствуют источники, независимые от византийской традиции. Так, в письме от 28 сентября 865 г. адресованном папой Николаем I императору Михаилу III, говорится о недавнем опустошении окрестностей Константинополя язычниками, которым удалось уйти без всякого возмездия¹⁸⁵. В «Венецианской хронике» («Хроникон венетов») Иоанна Диакона, являвшегося капелланом венецианского дожа Петра Орсеоло II (991–1008), также утверждается о безнаказанности нападавших. Сообщение Иоанна Диакона, предшествующее эпизоду, датируемому 863 г., достаточно лаконично: «В это время племена норманов с тремястами шестьюдесятью кораблями дерзнули подступить ко граду Константинопольскому; но поскольку никоим образом не имели они сил причинить вред неприступному городу, учинив жестокую войну в пригороде, беспощадно

¹⁸² Там же. С. 132.

¹⁸³ В Брюссель она попала в 1815 г. из Парижской Национальной библиотеки, куда, в свою очередь, поступила в 1794 г. из Антверпена.

¹⁸⁴ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 155; Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: свод византийских свидетельств о Руси. С. 207.

¹⁸⁵ Послание папы Николая I к императору Михаилу III // Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 88–89.

убили очень многих тамошних жителей, и так упомянутое племя с триумфом отступило восвояси»¹⁸⁶.

Итак, многочисленные источники свидетельствуют, что военное мероприятие росов 860 г. являлось неординарным событием, выходящим за рамки пограничного конфликта. Судя по данным источников, оно имело и определенные последствия для самого общества росов.

1.3.3. Сведения о ситуации в Восточнославянском регионе

В византийской традиции, идущей от хроники Продолжателя Феофана, закрепилось принятие христианства росами в период правления Василия I Македонянина (867–881), в то время как осталось почти незамеченным крещение Руси Владимиром Святославичем¹⁸⁷. В составленном выдающимся византийским историком Константином VII Багрянородном (913–959) «Жизнеописании императора Василия I» рассказывается о соглашении с росами в правление Василия I: «Но и народ росов, неодолимейший и безбожнейший, он, склонив к соглашению обильными подношениями золота, серебра и шелковых одеяний и заключив с ними мирный договор, убедил также приобщиться к спасительному крещению и уговорил принять получившего рукоположение от патриарха Игнатия архиепископа»¹⁸⁸. Данное сообщение напоминает известие Фотия об отправке росам епископа. Имела ли место повторная отправка православного иерарха, или же речь идет об одном и том же событии? Высказано предположение, что Константин приписал своему деду заключение мира с русами и их крещение, произошедшие в период соправительства Михаила и Василия (май 866 – сентябрь 867 г.). Возможно, проповедь христианства протекала в несколько стадий: при Фотии росы добровольно приняли крещение и им был назначен епископ, после свержения Фотия в 867 г. были низложены и все поставленные им епископы, затем Василий уже с помощью даров убедил росов креститься и послал им архиепископа¹⁸⁹.

Константином Багрянородным было создано несколько исторических трудов, имеющих огромное значение для освеще-

¹⁸⁶ «Хроникон венстов» Иоанна Диякона // Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь... С. 151.

¹⁸⁷ Там же. С. 125.

¹⁸⁸ *Константин VII Багрянородный. Жизнеописание императора Василия I* // Там же. С. 126.

¹⁸⁹ Там же. С. 128.

ния истории восточных славян (и славян в целом). Император был инициатором составления некоторых исторических трудов, редактором других и, наконец, самостоятельным автором ряда сочинений («Об управлении империей», «О церемониях византийского двора», «О фемах»). В трудах Константина Багрянородного обнаруживается и информация, касающаяся периода формирования Древнерусского государства. Наибольшее значение в этом отношении имеет трактат «Об управлении империей» (*De administrando imperio*), написанный императором в середине X в. для сына Романа. В своем труде Константин дает практическое наставление по различным внешнеполитическим вопросам, приводя сведения о соседних с империей «варварских» народах. Трактат «Об управлении империей» сохранился в единственном списке, изготовленном с оригинала в 1059–1081 гг., и не получил широкой известности, оставаясь достоянием придворных кругов¹⁹⁰.

Для характеристики ситуации в Восточной Европе первой половины IX в. большое значение имеют приводимые Константином Багрянородным сведения о византийской миссии Петрона Каматира в Хазарию¹⁹¹. Эта миссия была вызвана тем, что «хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел»¹⁹². Наряду с царскими тяжелыми военными судами (хеландиями) были посланы также суда из Пафлагонии. Видимо, в них находилась основная часть военных инженеров и строителей, которым предстояло строить крепость¹⁹³. В Херсоне византийцы пересели на транспортные корабли, которые доставили их к определенному месту на реке Танаис (Дон). Здесь крепость и была построена. У Константина Багрянородного это событие не датировано. Но благодаря другим византийским источникам – «Продолжателю Феофана» и хронике Георгия Кедрина – известна точная дата строительства Саркела – это 834 г. Согласно сведениям Константина Багрянородного, по возвращении в столицу Петрона Каматр заявил Феофилу: «Если ты хочешь всецело и самовластно повелевать крепостью Херсоном и местностями в нем и не упустить их из своих рук, избери собственного стратига и не

¹⁹⁰ Бибииков М. В. *BYZANTINOROSSICA*: свод византийских свидетельств о Руси. С. 47.

¹⁹¹ Важность этой миссии подчеркивается тем, что Каматир принадлежал к знатным фамилиям, а Петрона приходился братом жене императора Феодоре.

¹⁹² Константин Багрянородный. *Об управлении империей*. М., 1991. С. 171.

¹⁹³ Седов В. В. *Русский каганат IX века*. С. 5.

доверяй их протевонам и архонтам»¹⁹⁴. Известно, что до 30-х гг. IX в. Крым находился в подчинении Хазарии. Предполагается, что за помощь в строительстве крепости Саркел (а по археологическим данным и ряда других укреплений) Хазария уступила империи Крым, превратившийся в новую византийскую фему. Первым ее стратигом стал Петрона Каматир. Построенные греками укрепления предназначались для охраны северо-западных рубежей Хазарского каганата¹⁹⁵. Видимо, угроза с этой стороны была довольно серьезной, если Хазария пошла даже на уступку части подконтрольной территории.

Трактат византийского императора-историка позволяет сделать вывод о том, что еще в середине X в. византийцы четко разделяли росов и славян как в этнолингвистическом, так и в политическом отношении¹⁹⁶. В 9-й главе Константин Багрянородный указывает, что славяне являются пактиотами (т.е. союзниками либо данниками) росов; далее при перечислении днепровских порогов приводит их названия по-росски и по-славянски (росские названия имеют явное скандинавское происхождение)¹⁹⁷. В той же главе приводится ценнейшая информация о развитии налогово-даннической системы в молодом Древнерусском государстве. Систему сбора дани Константин Багрянородный называет древнерусским термином «полюдь». Поскольку истоки полюдья необходимо искать в догосударственный период¹⁹⁸ имеет смысл привести здесь этот фрагмент из трактата византийского императора: «Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется “кружением”, а именно – в Славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав»¹⁹⁹.

Таким образом, в середине X в. византийцев уже интересует информация о внутреннем положении, сложившемся в Восточ-

¹⁹⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 173.*

¹⁹⁵ *Седов В. В. Русский каганат IX века. С. 5–6.*

¹⁹⁶ *Бибиков М. В. BYZANTINOROSSICA: свод византийских свидетельств о Руси. С. 49.*

¹⁹⁷ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45, 47, 49.*

¹⁹⁸ *Темушев С. Н. Княжеская власть и полюдь // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. 2001. № 1. С. 9–14.*

¹⁹⁹ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 51.*

ной Европе у восточных славян. Более того, приводимая в трактате Константина Багрянородного информация уникальна. Так, даже в древнерусских летописях отсутствуют конкретные данные о функционировании полюжья.

В целом оценивая содержание византийских источников по проблеме возникновения Древнерусского государства, нужно отметить их внешнеполитическую ориентированность. В поле зрения византийских авторов IX в. попадают пока только факты агрессии восточных славян или русов (росов) против соседей, прежде всего самой империи.

1.4. Арабо-персидские авторы о восточных славянах и русах

1.4.1. Древнейшие сведения восточных авторов о славянах и русах

Несколько иначе ориентирован комплекс арабо-персидских источников. Для мусульманских авторов Восточная Европа представляла интерес прежде всего как источник ценных товаров. Поэтому основной акцент в историко-географических сочинениях делался на рассмотрении торговых маршрутов. Случалось, при переписывании трудов своих предшественников позднейшие компиляторы пропускали сведения, имевшие «некоммерческий» характер²⁰⁰. Все же, описывая торговые пути, восточные авторы заинтересованы были привести данные о потенциальных партнерах (как правило, краеведческого характера). Данные эти противоречивы, чрезвычайно неточны, часто географически не локализуемы.

Наиболее ранние упоминания славян относятся к событиям VI–VII вв. Считается, что они восходят к труду персидского (либо мазендеранского) историка Абу Джафара Мухаммед ибн Джарир ат-Табари (838–923) «История пророков и царей». Труд ат-Табари называют классическим, и он лег в основу всех позднейших мусульманских «всемирных историй». До нашего времени дошла только краткая редакция этого произведения (в 13 томах), к сожалению, в ней не нашли отражения события, связанные со славянами. Но в 963 г. саманидский везир Мухаммад Бал'ами составил сокращенную обработку труда ат-Табари

²⁰⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 283.

на персидском языке²⁰¹. «Историей» ат-Табари пользовались и другие историки – Ибн Исфендийар (XIII в.) и Амули (XIV в.). Благодаря их сочинениям сохранилось упоминание славян в связи с событиями 30-х гг. VII в., а также рассказ о бегстве персидского принца Джамасба, брата Хосрова I Ануширвана (531–579), через Дербент к хазарам и славянам²⁰². Следующее упоминание славян связано с событиями арабо-хазарской войны. Оно сохранилось в сочинениях арабских историков ал-Балазури (ум. в 892 г.) «Книга завоеваний стран» и ал-Куфи (ум. в 926 г.) «Книга завоеваний». В труде ат-Табари также рассказывается об интересующем нас событии, но в нем отсутствуют славяне. Согласно арабским историкам, в 737 г. в глубь хазарских владений осуществил поход родственник халифа Марван ибн Мухаммед. Преследуя хазар, Марван продвинулся далеко на север до Славянской реки (Нахр ас-сакалиба), где взял в плен 20 000 семей славян (ал-Куфи добавляет, что наряду со славянами в это число входили и представители других «неверных»)²⁰³. Какая река в данном случае имеется в виду, историками точно не выяснено (основные точки зрения: Волга либо Дон).

В IX в. появляется ряд оригинальных арабских историко-географических сочинений, являющихся важными источниками по истории народов Восточной Европы. Большой интерес представляет сообщение арабского историка и географа ал-Йа'куби (IX в.), содержащееся в его труде по всемирной истории «Та'рих» («История»). В начале 50-х гг. IX в. восстания против власти халифа охватили Армению, Албанию (Сев. Азербайджан) и Грузию. На усмирение непокорных подданных халиф направил полководца Бугу Старшего. Буга замирил Армению и Грузию, а затем направился против кавказских горцев (санарийцев). Согласно сообщению ал-Йа'куби те обратились за помощью к трем правителям – византийскому императору, владыке Хазарии и некоему сахиб ас-сакалиба, т.е. правителю славян²⁰⁴ (это событие относится к 853–854 гг.). Таким образом, правитель славян выступает наряду с хазарским и византийским государями, что косвенно свидетельствует о его довольно значительных возможностях – он рас-

²⁰¹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 269.

²⁰² Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 200.

²⁰³ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 275–276.

²⁰⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 202.

полагал военной силой и его владения были где-то сравнительно близко от Кавказских гор²⁰⁵. Информации ал-Йа'куби исследователи склонны доверять, поскольку он был современником событий и был хорошо знаком с положением дел в Закавказье.

Но в первой половине IX в. на мусульманском Востоке о территории, заселенной славянами, было еще весьма смутное представление. Так, в наиболее авторитетном географическом труде великого среднеазиатского ученого ал-Хорезми «Книга картины земли» (написан между 836–847 гг.), в котором творчески переработано сочинение античного ученого Клавдия Птолемея (II в. до н.э.), в комментарии к названию «страны Германии» дописано «и она же земля славян»²⁰⁶.

Со второй половины IX в. сведения мусульманских источников о славянах становятся более подробными. В это время арабы создают совершенно новый по типу и по содержанию жанр географической литературы – своеобразные дорожники, называемые, как правило, «Книгами путей и стран» («Китаб ал-масалик ва-л-мамалик»). Один из таких трудов создан Ибн Хордадбехом (род. ок. 820 г.). Он происходил из знатной фамилии, получил хорошее образование, был близок ко двору халифа. Тот факт, что Ибн Хордадбех заведовал государственной почтой в Северо-Западном Иране и имел доступ к правительственному и частным архивам, позволяет с доверием относиться к приводимой им информации. Предполагается, что ученым было создано две редакции географического труда, одна из которых датируется 40-ми, а другая 80-ми гг. IX в. В любом случае первоначальный текст труда Ибн Хордадбега не сохранился – известна лишь краткая выжимка из него, не донесшая до нас весь описательный материал²⁰⁷. Между рассказами о торговом пути еврейских купцов сохранилось ценное сообщение о русских купцах (это первое упоминание русов в арабской литературе): «Что же касается до русских купцов – а они вид славян, – то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы и мечи из самых отдаленных (частей) страны Славян к Румскому морю...»²⁰⁸. Вставка этого сообщения в текст, посвященный одной теме, заставляет исследователей предположить его более позднее происхождение. Но в труде другого арабского географа Ибн ал-Факиха (начало X в.),

²⁰⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 279.

²⁰⁶ Там же. С. 280.

²⁰⁷ Там же. С. 282–283.

²⁰⁸ Там же. С. 291.

который воспользовался трудом Ибн Хордадбеха, также присутствует фрагмент о славянских купцах (русами он их не называет). По общепринятому мнению, сообщение Ибн Хордадбеха о купцах-русах отражает ситуацию 40-х гг. IX в., а возможно, и более раннего времени²⁰⁹. В книге Ибн Хордадбеха есть еще один фрагмент, говорящий о том, что на арабском Востоке уже располагали конкретными данными о Восточной Европе. Так, в специальном разделе «Титулы владык земли» приводится и титул, который носил «владыка славян (ас-сакалиба)». В рукописи он читается как *к.наз*, что позволяет сблизить его со славянским «князь»²¹⁰. Частью или видом (*джинс*) славян были русы. Но носил ли и правитель русов тот же титул, книга Ибн Хордадбеха ответа не дает. Однако в сообщении, относящемся ко времени до 840 г., хорошо информированный ученый наделяет титулом «каган» только правителей тюрок, Тибета и хазар: «Цари (*мулук*) тюрок, Тибета и хазар – все они хаканы, за исключением царя карлаков, которого называют йабгу»²¹¹.

Таким образом, сообщения мусульманских авторов IX в. позволяют уже сделать определенные выводы о существовании в Восточной Европе некоего сильного политического образования. Важно, что русы не отделяются от славян. Русы или славяне активно участвуют в международной торговле, самостоятельно предпринимая довольно отдаленные путешествия.

1.4.2. Сведения «Анонимной записки»

К IX в. относится составление чрезвычайно ценной сводки данных о народах Восточной Европы, которую условно называют «Анонимной запиской». Содержащийся в ней рассказ об «острове русов» является первым в средневековой арабо-персидской литературе связным описанием различных сторон жизни русов, их отношений со славянами и другими народами²¹². Предположительным автором «Анонимной записки» мог быть Ибн Хордадбех или ал-Джайхани, являвшийся везиром при дворе Саманидов в Бухаре, также имевший доступ к архивом и составивший около 922 г. сочинение

²⁰⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 205.

²¹⁰ Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002. С. 49–50.

²¹¹ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку, 1986. С. 60.

²¹² Котовалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. С. 117.

географического характера, также не сохранившееся²¹³. Но труд ал-Джайхани, видимо, основывался на данных Ибн Хордабеха. Об этом прямо свидетельствует арабский географ X в. ал-Мукаддаси, ознакомившийся с оригиналом труда ал-Джайхани: «Я видел книгу его в семи томах в библиотеке Адуд ад-даула без заглавия; говорили, что это Ибн Хордабех. Я видел два сокращения в Нишапуре с заглавиями: одно как ал-Джайхани, другое – Ибн Хордабеха. Содержание их сходится, только ал-Джайхани немного добавил... Если ты посмотришь книгу ал-Джайхани, то найдешь, что он включил весь оригинал Ибн Хордабеха и основан на нем»²¹⁴. Тем не менее вопрос об авторстве «Анонимной записки» не может быть решен однозначно.

Чрезвычайно важно то обстоятельство, что именно к «Анонимной записке» восходят все упоминания в арабо-персидской литературе о кагане русов. Хотя оригинал этого текста не сохранился, он известен из многих источников. Наиболее близок ко времени составления «Анонимной записки» труд Ибн Русте «Дорогие драгоценности», составленный в виде энциклопедии в 903–913 гг.²¹⁵ Информация, приводимая Ибн Русте о русах и славянах, представляет чрезвычайную ценность, наряду с обстоятельными этнографическими зарисовками ученый останавливается и на вопросе о характере верховной власти. О русах Ибн Русте пишет следующее: «Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером... У них есть царь (*малик*), называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают...» Хакан русов обладает судебной властью: «И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым (они) препираются». В некоторой степени власть кагана ограничена жречеством: «Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их (русов) начальники». Характеристика русов Ибн Русте достаточно точно определяет образ жизни скандинавов-викингов: «И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям». И далее: «Они храбры

²¹³ Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГ 2001 г. М., 2003. С. 204–205.

²¹⁴ Цит. по: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 283.

²¹⁵ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 208.

и мужественны, и если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Победленных истребляют и (или) обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях»²¹⁶.

Не менее интересна информация Ибн Русте о славянах: «Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют “главой глав” (*pa'us ar-ruasa*), зовется у них свит-малик, и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем (наместником)». Следующая информация мусульманского ученого позволяет делать выводы о развитии налогово-даннической (полюдь) ²¹⁷ и судебной системы у славян: «Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в стране своей вора, то либо приказывает его удушить, либо отдаст под надзор одного из правителей на окраинах своих владений»²¹⁸.

Наиболее полная версия «Анонимной записки» сохранилась в составе книги персидского автора середины XI в. Абд ал-Хайй Гардизи «Краса повествований». Рассказ Гардизи о русах и славянах помещен в заключительной части его труда наряду с различными тюркскими народами, к которым автор причислил и ряд иноэтничных племен (население Тибета. Китая, славян, русов, алан и др.)²¹⁹. В целом информация Гардизи совпадает с данными Ибн Русте, но есть и разночтения, которые показывают, что они пользовались общими источниками²²⁰. Согласно Гардизи, остров русов располагается не в озере, а в море. Приводит персидский автор и численность населения острова – 100 тысяч человек. Гардизи уточняет информацию о соотношении власти жрецов и

²¹⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 303, 304.

²¹⁷ См.: Он же. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдь) // ДГ 1998 г. М., 2000. С. 403.

²¹⁸ Он же. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 294–295.

²¹⁹ Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке». С. 206.

²²⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 287.

правителя русов (*хакан-е рус*): «Есть у них знахари, власть которых распространяется и на их царей. И если знахарь возьмет мужчину или женщину, накинёт им на шею веревку и повесит, пока те не погибнут, и говорит “это указ царя”, – то никто не говорит ему ни слова и не выражает недовольства». Весьма ценное дополнение делает Гардизи по поводу финансового обеспечения правителя и его окружения: «И царь их взимает с торговли $\frac{1}{10}$. Всегда 100–200 из них ходят к славянам и насильно берут с них на свое содержание, пока там находятся. И там (у них) находится много людей из славян, которые служат (как рабы?) им (русам), пока не избавятся от зависимости (рабства?)...»²²¹. Рассказывая о славянах, Гардизи неоднократно указывает на их напряженные отношения с венграми: «И они (венгры) побеждают славян и всегда одерживают верх над славянами и рассматривают их (как источник) рабов. И венгры – огнепоклонники и ходят к гуззам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут в Рум (Византию) и продают». Информация об организации власти у славян в целом совпадает с сообщением Ибн Русте: «Их глава носит корону, и все они почитают его и повинуются ему, и первый из их глав (вождей?) зовется *свиег-малик*, а его заместитель – *свих*». Гардизи отмечает и существование у славян имущественной дифференциации: «Есть у них люди, которые имеют у себя 100 больших кувшинов медового напитка»²²².

Данные «Анонимной записки» были зафиксированы также в географическом трактате, написанном на персидском языке, «Худуд ал-Алам» (с араб. «Пределы мира»). В самой рукописи (найденной в конце XIX в.) этого труда указано, что работа над ним была начата в 982/983 г. по заказу одного мелкого правителя области Гузган (на территории соврем. Афганистана)²²³. В описании русов и славян анонимный автор целиком зависел от своих источников, поэтому практически не дал никакой новой информации²²⁴. В трактате читаем: «Страна (русов). На восток от нее – гора печенегов, на юг – река Рута, на запад – славяне, на север – ненаселенный север. Это большая страна, и народ ее плохого нрава, непристойный, нахальный, склонный к ссорам и воинственный... Царя их зовут хакан русов... Ежегодно они платят

²²¹ Там же. С. 305.

²²² Там же. С. 296.

²²³ Новосельцев А. П. «Худуд ал-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // ДГ 2000 г. С. 380.

²²⁴ Там же. С. 393–399.

одну десятую добычи и торговой прибыли государю. Среди них есть группа славян, которая им служит»²²⁵.

Аналогичную сведениям рассмотренных выше источников информацию приводит в своем энциклопедическом труде «Книга творения и истории» Мутаххар ибн Тахир ал-Мукаддаси (X в.): «Что касается русов, то они живут на острове нездоровом, окруженном озером. И это крепость, защищающая их от нападений. Общая численность их достигает 100 000 человек. И нет у них пашен и скота. Страна их граничит со страной славян, и они нападают на последних, поедают (и расхищают) их добро и захватывают их в плен»²²⁶. Информацию об острове русов повторяет и автор конца XI – начала XII в. Шараф аз-Заман Тахир ал-Марвази. В его труде «Природа животных» о русах есть лишь одно существенное дополнение, видимо, отразившее реалии более позднего времени: «И они народ сильный и могучий и ходят в дальние места с целью набегов, а также плавают они на кораблях в Хазарское море, нападают на корабли и захватывают товары»²²⁷.

Более самостоятельна информация анонимного персоязычно-го произведения «Муджмал ат-таварих» («Собрание историй»), написанного в 1126 г. В нем приводятся этногенетические предания об обретении русами (того самого острова) и славянами своей земли: «Рассказывают также, что Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался». В результате конфликта с Русом обрели земли славяне: «...И Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари и Хазар. Между ними началась ссора и сражение, и Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян»²²⁸. О кагане русов «Муджмал ат-таварих» сообщает не в связи с рассказом об «острове русов», а в другом контексте. Анонимный автор сообщает, что титул «каган» носят падишахи русов, хазар, токуз-огузов и Тибета. Список этот

²²⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 304–305.

²²⁶ Там же. С. 304.

²²⁷ Там же. С. 306.

²²⁸ Там же. С. 297.

совпадает со списком каганов у Ибн Хордадбеха, за исключением упоминания кагана русов. Наличие в списке кагана хазар требует отнести это известие ко времени до 965 г. Учитывая же, что оно восходит к «Анонимной записке», то датировать его можно второй половиной IX в.²²⁹

«Анонимная записка» была использована непосредственно или из других источников во множестве трудов мусульманских историков более позднего времени, но для реконструкции ранней истории восточных славян они имеют небольшое значение.

При анализе рассмотренных сообщений мусульманских ученых об острове русов наибольшей проблемой остается конкретно-историческая его локализация. Исследователи помещали его либо на севере Европы – в Скандинавии, в районе позднейшего Новгорода, на Верхней Волге либо на юге Восточной Европы – в Киеве, в Крыму, в Тмутаракани, в дельте Дуная²³⁰. Современным исследователем В. Я. Петрухиным обращено внимание на возможность отсутствия в рассказе об острове русов реальной исторической основы. Этот рассказ мог восходить к библейским «островам народов» или к античной легенде об «острове Туле» где-то на севере ойкумены²³¹.

У историков нет единого мнения по вопросу об интерпретации некоторых упоминаемых в тексте «Анонимной записки» терминов или имен собственных. Так, форма «свит-малик» не характерна для арабского языка: нормой должно быть «свит ал-малик». Поэтому в слове «малик» (м.л.к) видят часть имени правителя. Это имя может быть прочитано как Святополк (С.вит.б.л.к). Поскольку приведенные сведения, по мнению исследователей, относятся ко времени между 889 и 892 гг., то речь может идти о Святополке I Великоморавском (870–894)²³². Титул заместителя (халифа) правителя славян («супанедж») пытаются сопоставить с южнославянским термином «жупанич». Существует также мнение, что за данным титулом скрывается тюркский «срюбх», где срю – «войско», а бех – «начальник». В целом же этот титул означает воеводу киевских полян²³³. Что же касается обозначения в восточных источни-

²²⁹ Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. С. 118.

²³⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 212.

²³¹ Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии. С. 134.

²³² Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. 59.

²³³ Мнение Ф. Кмитовича: Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке». С. 215.

ках правителя русов титулом «каган», то эту информацию следует признать совершенно аутентичной применительно к IX в. – она находит подтверждение в западных источниках. В сочинениях мусульманских авторов, рассматривающих ситуацию X–XII вв., русские правители уже не наделяются титулом кагана. Хорошо информированный о ситуации в Восточной Европе, побывавший в 922 г. в Волжской Булгарии Ибн Фадлан в своей «Записке» («Рисале») называет правителя русов царем (*малик*). В сообщении арабского библиографа конца X в. ан-Надима, основанном на весьма точном свидетельстве, правитель русов также назван царем: «Мне сообщил один [человек], на рассказ которого я полагаюсь, что один из царей горы ал-Кабк отправил его к царю (*малик*) русов...» В среднеазиатском перечне «Разряды царей и прозвища царей этих разрядов» (XI в.) ал-Бируни каганами названы «цари тюрок [из] хазар и ту-гузгузов», русы не упомянуты вообще, славянские же правители титулуются князьями (*кназ*)²³⁴. Не используется титул каган при обозначении славянских правителей и в чрезвычайно популярном в арабо-персидской литературе X–XII вв. рассказе о трех «группах» русов – Куйабе, Славийи и Арсе (Артании).

1.4.3. Рассказ о трех группах русов

Общепризнано, что впервые рассказ о трех группах русов записал мусульманский географ ал-Балхи (род. ок. 850 г. – ум. в 30-х гг. X в.). Большую часть жизни он провел в округе города Балха (совр. Сев. Афганистан) и незадолго до своей смерти в начале 20-х гг. X в. написал географический труд «Карта климатов» («Сувар ал-акалим»). Это сочинение не сохранилось в подлиннике. Но около 930–933 гг. его обработал и несколько дополнил выходец из Южного Ирана ал-Истахри. В середине X в. ал-Истахри на основе предыдущей редакции составил новый труд, который по традиции назвал «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и стран»). Именно этот труд получил наибольшее распространение в мусульманской историографии, сохранились и его переводы на персидский язык. Продолжателем и учеником ал-Истахри являлся уроженец Северного Ирака Абу-л-Касим Ибн Хаукаль. В отличие от своего учителя Ибн Хаукаль много путешествовал, благодаря

²³⁴ Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси. С. 118–119.

чему смог пополнить информацию ал-Истахри более точными и современными данными. Известны две редакции труда Ибн Хаукаля, написанные в традиционном жанре «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» – одна составлена в 50–60-х гг. X в., а вторая около 977 г. Сведениями, взятыми либо у ал-Истахри, либо у Ибн Хаукаля, воспользовался анонимный автор «Худуд ал-алам» – и в этом труде можно обнаружить краткий вариант рассказа о трех группах русов. Наконец, этот рассказ был записан и знаменитым придворным географом сицилийского короля Рожера II ал-Идриси (в составе географического труда середины XII в. «Развлечение истомленного в странствиях по областям»)²³⁵.

В наиболее полном и непротиворечивом виде рассказ о трех группах русов представлен в труде Ибн Хаукаля: «И русов три группы. (Первая) группа, ближайшая к Булгару, и царь их в городе, называемом Куйаба, и он больше Булгара. И группа самая высшая (главная) из них, называют (ее) ас-Славийа, и царь их в городе Салау, (третья) группа их, называемая ал-Арсанийа, и царь их сидит в Арсе, городе их. И достигают люди с торговыми целями Куйабы и района его. Что же касается Арсы, то я не слышал, чтобы кто-либо упоминал о достижении ее чужеземцами, ибо они (ее жители) убивают всех чужеземцев, приходящих к ним...»²³⁶ В тексте ал-Истахри вторая группа русов ас-Славийа называется не самой высшей, а самой отдаленной. В тексте «Худуд ал-алам» город первой группы русов – Куйаа – назван ближайшим к мусульманам, приятным местом и резиденцией царя. Более поздний автор ал-Идриси добавляет царь ас-Славийа размещается в городе Славе, «и этот город на вершине горы». Уточняет ал-Идриси и информацию о городе третьей группы славян: «Город Арса красивый и (расположен) на укрепленной горе между Сдавой и Куйабой. От куйабы до Арсы четыре перехода, и от Арсы до Славии – четыре дня»²³⁷. В следующей фразе из текста ал-Идриси («И доходят мусульманские купцы из Армении до Куйабы») исследователи видят свидетельство того, что данные ученого восходят к рассказам купцов-мусульман²³⁸.

²³⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 313–315. В основу его рассказа было положено сообщение Ибн Хаукаля: Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 146.

²³⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 316–317.

²³⁷ Там же. С. 318.

²³⁸ Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 148.

По мнению исследователей рассказ о трех группах русов относится ко второй половине IX в. (точнее, к 50–80-м гг. IX в.)²³⁹. Анализ содержания и лексики (арабской и персидской) рассказа о трех группах славян позволил А. П. Новосельцеву сделать вывод, что здесь «речь идет о трех больших, расположенных в разных частях Восточной Европы территориальных объединениях, в состав которых входили, очевидно, настоящие племена восточных славян и других народностей, во главе которых стоял единый глава, именуемый в восточных источниках царь (*малик, надшах*)»²⁴⁰. Относительно идентификации упоминаемых в рассказе топонимов в науке существует абсолютная уверенность, что под Куябой скрывается Киев, а центр ас-Славийи – Салау, Слава – это предшественник Новгорода. В то же время существует множество точек зрения по поводу точного определения загадочной Арсы или Арты (Тмутаракань, Чернигов, Рязань, Ростов и т.д.). Что касается «странного» поведения жителей Арсы относительно иностранцев, в историографии дано довольно убедительное объяснение: эту легенду распространяли булгарские купцы, не желавшие проникновения в столь богатые пушниной места восточных купцов²⁴¹.

1.4.4. Оригинальные известия восточных авторов

Исследователи ранней истории восточных славян иногда используют информацию, приводимую в труде арабского ученого ал-Мас'уди «Промывальни золота и рудники драгоценных камней» («Мурудж аз-Захаб ва Ма'адин ал-Джаухар»). Путешественник и ученый-энциклопедист ал-Мас'уди (ум. в 956 г.) являлся одним из наиболее авторитетных арабских авторов X в. Он родился в Багдаде в начале X в. и был потомком сподвижника Мухаммеда по имени Мас'уд²⁴². Ал-Мас'уди был плодовитым автором, но многие его произведения не сохранились. Так, труд «Промывальни золота...» является сокращением двух других крупных утраченных сочинений ал-Мас'уди. Сам ал-Мас'уди сделал это сокращение ок. 947–948 гг., затем переработал его в 956–957 гг. В этом тру-

²³⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 320.

²⁴⁰ Там же. С. 319.

²⁴¹ Там же. С. 323.

²⁴² Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 220.

де неоднократно упоминаются славяне (*сакалиба*), но большей частью имеются в виду западные или южные славяне. Внимание исследователей привлекает прежде всего следующий отрывок из первой части труда арабского ученого: «...к их числу (принадлежит) племя, у которого в древности в начале времен была власть... Это племя называется велинияне, и за этим племенем, бывало, следовали в древности все племена славян, так как главный царь был у них и все их цари повиновались ему... Это племя – корень из корней славян, который почитается среди их племен, и у него была старая заслуга у них (славян). Потом распалось согласие между их племенами, исчезла их организация и их племена пришли в упадок...»²⁴³. Называет ал-Мас'уди и имя «главного царя» славян – это некий Мадж.к. Идентифицировать этноним и имя правителя с какими-либо реальными прототипами не представляется возможным. Только относительная омонимичность заставляет видеть в племени велинияне (точнее, влиана) волынян. Но восточнославянское племя волынян появилось относительно поздно и никогда не доминировало над всеми славянскими народами²⁴⁴. Гипотеза о подмене волынянами дулебов, их предков, не находит всеобщего признания специалистов. Современный исследователь Д. Е. Мишин предположил, что в данном фрагменте речь идет о венедах, а Мадж.к – это Карл Великий²⁴⁵. В другом месте своего труда ал-Мас'уди называет правителей сакалиба и первым из них – 'л.дир'а. Некоторые исследователи отождествляют этого правителя с киевским князем Диром, известным из русских летописей²⁴⁶. Но знатокам арабского языка такая трактовка кажется нереальной – перед иностранным именем не принято было ставить определенный артикль, да и знаки, стоящие перед «дир», не могут быть поняты как артикль ад-²⁴⁷.

К комплексу восточных источников принадлежит чрезвычайно любопытная запись армянского автора Зеноба Глака (VII–VIII вв.), которая, как предположил Б. А. Рыбаков, передает легенду об основании Киева: «Куар потроил город Куары и назван он

²⁴³ Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 70–71; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. С. 68.

²⁴⁴ Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. С. 66.

²⁴⁵ Там же. С. 67–68.

²⁴⁶ Лебедев Г. Славянский царь Дир // Родина. 2002. № 11–12. С. 24–26.

²⁴⁷ Там же. С. 68–69.

был Куарами по его имени. А Мелтей построил на поле том свой город и назвал его по имени Мелтей. А Хореан построил свой город в области Палуни и назвал его по имени Хореан. И по прошествии времен, посоветовавшись, Куар и Мелтей и Хореан поднялись на гору Каркея и нашли там прекрасное место с благорастворением воздуха, так как были там простор для охоты и прохлады, а также обилие травы и деревьев. И построили они там селение, и поставили они двух идолов: одного по имени Гисанея, другого по имени Деметра»²⁴⁸. Строительство городов тремя братьями – довольно распространенный сюжет. В действительности ли в данном фрагменте нашла отражение легенда о Кие, Щеке и Хориве или же сходство имен случайное, ответить однозначно невозможно.

Таким образом, восточные источники оказываются, несмотря на значительную сложность в интерпретации конкретных данных, весьма информативными в вопросе политического развития славян и русов в IX в. – мы обнаруживаем сведения и о геополитической и этнической ситуации, и о характере и функциях верховной власти, и о взаимоотношении последней с различными элитными группами (жречеством), и о формировании даннической и судебной системы, и, наконец, о «стиле жизни». Мусульманские источники позволяют сделать вывод о значительном присутствии скандинавов в Восточной Европе. Очевидно, что под русами («ар-рус») у арабо-персидских авторов скрываются именно скандинавы. Хотя это и «не всегда однозначно, а зависит от конкретных воззрений конкретного автора»²⁴⁹. Тем не менее в рассмотренных источниках можно обнаружить процесс постепенного переноса этнонима русь на славян. Так, русы превращаются в «вид славян».

Очевидны отрывочность и противоречивость сведений арабских авторов о государственном и племенном строе народов Европы. На первом плане в восточных источниках выступают этнические, а не государственные общности. Так, термин «малик» применяется арабскими авторами и к государям, и к племенным вождям²⁵⁰. Тем не менее некоторые сведения арабо-персидских авторов являются уникальными для освещения характера верховной власти в Восточнославянском регионе.

²⁴⁸ Цит. по: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 105.

²⁴⁹ Калинина Т. М. Термин «ахл ал-байт» (люди дома) в применении к обществу русов у Ибн Фадлана // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. М., 1992. С. 23.

²⁵⁰ Бейлис В. М. Арабские авторы IX – первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // ДГ 1985 г. М., 1986. С. 148.

Итак, иностранные источники по проблеме формирования восточнославянской государственности многочисленны и разнообразны. Они позволяют уточнить и существенно дополнить информацию древнерусских источников. Только комплексное использование всего многообразия источников даст возможность приблизиться к реконструкции государствообразующих процессов у восточных славян в IX в. Современный уровень исследований требует и обязательного учета накопленных уже в большом количестве археологических данных.

1.5. Ситуация в Восточной Европе накануне создания Древнерусского государства по данным археологии

1.5.1. Этническая ситуация в Восточной Европе накануне создания Древнерусского государства

Данные археологических исследований позволяют уточнить происходившие в восточнославянском обществе этнические, социально-экономические и даже политические процессы.

Накопленный археологическими исследованиями материал позволяет достаточно четко представить этническую карту в пределах ареала расселения восточных славян.

К IX в. этническая ситуация в Восточной Европе относительно устоялась: массового, тотального перемещения населения, как в ходе Великого переселения народов или Великой славянской миграции, уже не наблюдалось. Тем не менее миграционные процессы, как увидим, продолжались. Огромное значение в складывании этнического состава славянского населения южной части Восточной Европы сыграли носители черняховской культуры (III–V вв.). Археологами выяснено, что наиболее активную роль в ареале этой культуры играли славяне, в среде которых постепенно растворялся ираноязычный (скифо-сарматский) компонент²⁵¹. Данные палеоантропологии свидетельствуют, что значительная часть населения Южной Руси X–XII вв. (для нее характерна мезокrania при относительной узколицесте) восходит именно к группе носителей черняховской культуры, сложившейся в условиях ассимиляции скифо-сарматских

²⁵¹ Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 163, 172–178.

племен²⁵². Именно к черняховцам относится известный из письменных источников этноним анты.

Черняховская культура трансформируется в пеньковскую (V–VII вв. или даже конец IX в.)²⁵³, которая охватила большую часть территории современной Украины (кроме степного региона и западной ее части) и области далее на восток (включая побережье Дона и Донца). Ее носителями было славянское население – анты, в среду которых проникли переселенцы из более северных земель (киевская культура)²⁵⁴. О том, что носителями пеньковской культуры были именно славяне, доказывает прямая преемственность ее керамики с глиняной посудой славян VIII–IX вв. (горшки со слабопрофилированным верхним краем и овально-округлым туловом)²⁵⁵. В ареале пеньковской культуры, которая постепенно трансформировалась в сахновскую²⁵⁶, выделяют несколько локальных групп: верхнеднепровскую (хорваты), среднеднепровскую (тиверцы), южнобужскую (бужане?), днепровско-тясминскую и днепровско-орельскую (ранние уличи)²⁵⁷. Этнографических различий между перечисленными регионами археологи не отмечают. В рамках уже сахновской культуры эти локальные группы трансформировались в отдельные племенные группы. С конца IX в. на территорию расселения тиверцев проникают тюркские кочевники, в результате в X в. славянские поселения в южной части Поднестровья были покинуты. В то же время кочевниками были заняты днепровско-орельский и днепровско-тясминский регионы уличей²⁵⁸.

Севернее ареала пеньковской культуры в бассейнах Сейма и Десны до рубежа VII и VIII вв. проживало население, которое характеризуется колочинской культурой. В это время сюда с восточных областей (?) переселились большие массы нового населения, оказавшегося более активным. Пришлое население, а это были славяне, которые когда-то (в результате гуннского нашествия) заселившие земли Среднего Поволжья, ассимилировало

²⁵² Седов В. В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 34.

²⁵³ Но только в восточном ареале этой культуры: Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 2000. С. 47.

²⁵⁴ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 80–81.

²⁵⁵ Там же. С. 68.

²⁵⁶ Археологами принято также говорить о сахновской стадии в развитии пеньковской культуры.

²⁵⁷ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 38, 40.

²⁵⁸ Там же. С. 40–41.

прежних жителей. На рубеже VII–VIII вв. «поволжские» славяне по неизвестной причине²⁵⁹ покинули места своего обитания. Возникает новая археологическая культура – волынцевская (VIII в.). Она охватывает главным образом Подесенье с бассейном Сейма и верхние течения Сулы, Псла и Ворсклы, но проникает также и на правый берег Днепра. В ранних материальных следах, оставленных носителями волынцевской культуры, еще присутствуют пеньковские и колочинские материалы. Но эти элементы очень быстро стираются, и маркеры новой волынцевской культуры становятся доминирующими²⁶⁰. Это прежде всего специфическая керамика (гончарные лощеные сосуды с высоким прямым верхом, выпуклыми плечиками и усеченно-коническим низом). Вполне определенно носители волынцевской культуры – это известные по летописи северяне.

На юго-востоке (верхнее течение Северного Донца) ареал волынцевской культуры соприкасался с территорией салтово-маяцкой культуры (хазары). При этом археологи прослеживают довольно активные контакты между носителями этих культур: большое количество салтовских вещей обнаруживается на славянской территории, в волынцевская керамика проникает в степные районы²⁶¹. Волынцевское население проникает в район Верхней Оки, где постепенно инфильтруется в среду проживавших здесь племен мощинской культуры (балты – голядь?)²⁶². Археологами выявлено проникновение носителей волынцевской культуры также в бассейн воронежского течения Дона. Вследствие прилива новых групп славянского населения на обозначенных территориях появляется новая археологическая культура – боршевская (VIII–IX вв.; названа по исследованному в селе Боршево Воронежской области городищу). Верхнеокская группировка славян являлась основой летописных вятичей. В ее формировании основное значение имело переселение славян из Днепровского левобережья, поэтому не имеет никакой реальной основы

²⁵⁹ В. В. Седов предполагает, что миграция произошла вследствие давления на славян болгар. В середине VII в. болгары в степях Приазовья создали сильную конфедерацию – Великую Болгарию. В конце века она развалилась и отдельные группы болгарских племен стали расселяться в разных направлениях. Как известно, часть болгар проникла на Балканы, другая расселилась в волжско-камском междуречье. Под давлением какой-то группы болгар славяне и вынуждены были уйти из Среднего Поволжья (Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 193–196).

²⁶⁰ Он же. Древнерусская народность. С. 50–52.

²⁶¹ Он же. Славяне в раннем средневековье. С. 197.

²⁶² Там же. С. 261.

летописная запись: «радимичи бо и вятичи от ляхов»²⁶³. Пограничное положение славянских поселений в Подонье обусловило значительное внимание, которое было уделено их укреплению. Некоторые поселения были основаны на старых, скифских городищах, немало из них располагались на островах, городища были укреплены одним или двумя земляными валами с деревянными конструкциями²⁶⁴. Этноним проживавшего здесь населения не сохранился: когда составлялась летопись, славяне из этих мест под давлением кочевников (печенеги) уже вынуждены были переселиться в Рязанское Поочье²⁶⁵.

В конце VIII в., в том числе и в связи с переселением на Днепро-левобережье части населения с запада²⁶⁶, возникает роменская культура (IX–X вв.). В ареале роменской культуры наряду с селищами, не отличающимися от поселений предшествующего периода, обнаружено множество городищ. При этом на территории Подесенья неукрепленные селения часто располагались независимо от городищ и отличались большими размерами, чем те, которые обнаружены на юге и юго-востоке. На границе со Степью наблюдалась более высокая концентрация укрепленных городищ. Эти обстоятельства, видимо, обусловлены наличием реальной или потенциальной опасности со стороны соседей²⁶⁷.

В целом же во всех основных элементах волынцевская и роменская культуры совпадают. В то же время в роменском ареале распространяется новая погребальная обрядность – вместо захоронений в грунтовых могильниках в IX–X вв. постепенно распространяется курганный обряд²⁶⁸. Связано это было с миграцией населения с запада, из ареала луки-райковецкой культуры²⁶⁹.

Лука-райковецкая культура, охватившая лесостепную часть Правобережной Украины (от верхнего течения Западного Буга до правобережья Киевского Поднепровья), отмечается с начала VIII в. на территории, ранее характеризовавшейся пражско-корчакской культурой. Поселения, возникшие в рамках новой культуры, не отличаются от более ранних, но наблюдается рост

²⁶³ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 203–204.

²⁶⁴ Там же. С. 204.

²⁶⁵ Там же. С. 205.

²⁶⁶ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 104. 1961. С. 356–366.

²⁶⁷ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 200.

²⁶⁸ Там же.

²⁶⁹ Названа так по одному из исследованных поселений в урочище Лука при с. Райки на р. Гнилопять в Житомирской области.

их численности. Основным типом остаются неукрепленные поселения, но появляются городища торгово-ремесленного и, возможно, административного характера²⁷⁰. С VIII в. в ареале луки-райковецкой культуры начинает возрастать процент курганных захоронений, к X в. они полностью вытесняют захоронения в грунтовых могильниках²⁷¹.

В ареале расселения носителей луки-райковецкой культуры (их связывают с летописными дулебами) на протяжении VIII–IX вв. наблюдается становление отдельных племенных образований. Археологами выделены четыре крупных региона концентрации памятников, отдаленные друг от друга незаселенными лесными или болотистыми пространствами: 1) верховья рек Буга, Стири и Горыни (волыняне); 2) бассейны рек Тетерева и Ужа (древляне); 3) среднее течение Припяти, вокруг будущего Турова (дреговичи); 4) киевское поречье Днепра с Ирпенью и устьем Десны (поляне). Но для всего ареала луки-райковецкой культуры характерно этническое единство, подтверждаемое, в частности, находками в курганах волынян, древлян, полян и дреговичей полутораоборотных височных колец (небольшие провололочные кольца, концы которых на пол-оборота или несколько больше заходят на кольцо так, что получается полутораоборотная спираль)²⁷². Как отмечалось, полянам принадлежала совсем небольшая территория, ничто не указывает на их доминирующее положение в регионе южной части Восточной Европы. К тому же, по свидетельству археологических материалов, на рубеже VII и VIII вв. территория полян оказалась затронутой миграцией средневожских славян и стала частью территории волынцевской культуры²⁷³.

В X в. и роменская, и лука-райковецкая культуры трансформируются в древнерусскую культуру.

До определенного времени этнические процессы в лесной полосе восточноевропейской равнины происходили независимо от лесостепья Восточной Европы. До середины 1-го тыс. н. э. северные земли от побережья Финского и Рижского заливов на западе до Северного и Среднего Урала на востоке были заселены финно-угорскими племенами. Их экономика была основана на присваивающих формах хозяйственной деятельности, и в целом их развитие

²⁷⁰ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 45.

²⁷¹ Там же. С. 46.

²⁷² Там же. С. 47–50.

²⁷³ Он же. Славяне в раннем средневековье. С. 273.

протекало относительно спокойно²⁷⁴. Ситуация в рассматриваемом регионе радикально меняется с V в. Здесь формируются совершенно новые археологические культуры, связь которых с предшествующими не прослеживается²⁷⁵. Так, в районе озер Ильменя и Псковского прекращает развитие культура текстильной керамики, появляется новая культура псковских длинных курганов. В названии данной культуры отразилась наиболее характерная для них погребальная обрядность, причем она не была принесена новым населением, а зародилась уже на севере Восточной Европы²⁷⁶.

Переселенческий импульс исходил с территории Повисленья, но вместе со славянами в формировании культуры псковских длинных курганов приняли участие и западные балты, а также местные прибалтийские финны. Археологами прослежена значительная этническая пестрота в ранних псковских курганах, тем не менее славянский компонент оказался более активным. Однако однозначной трактовки культуры псковских длинных курганов как славянской в исторической литературе нет.

Достоверно славянской являлась сменившая ее культура новгородских сопок (VIII–IX вв.), возникшая в результате притока нового населения (ильменских словен) в восточной части ареала псковских длинных курганов. Нерешенным остается вопрос об исходной территории расселения носителей новой культуры (словен). Долгое время господствовавшее мнение о переселении славян в бассейн Ильменя с юга, из Поднепровья, не находит подтверждения. Данные археологии (наземное срубное домостроительство, конструкции оборонительных сооружений) свидетельствуют о связях Ильменского региона с Польско-Поморским. Близость ильменских словен с балтийскими славянами подтверждается и антропологическими данными. Однако нет данных об уходе из Повисленья населения в восточном или северо-восточном направлениях в VII в. или на рубеже VII–VIII вв. В. В. Седов предполагает, что племенная группа, известная позднее как словене новгородские, обрела новую родину на северо-западе Русской равнины в более раннее время, мигрируя в общем переселенческом потоке с начала V в.²⁷⁷ В IX–X вв. культура сопок постепенно трансформируется в древнерусскую культуру Новгородской земли²⁷⁸.

²⁷⁴ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 91.

²⁷⁵ Там же. С. 113.

²⁷⁶ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 213.

²⁷⁷ Там же. С. 245.

²⁷⁸ Там же. С. 372.

Несколько отличалась ситуация в Полоцком Подвинье, Смоленском Подноровье и в более восточных областях. Здесь пришлое население, появившееся одновременно с новым населением бассейнов озер Псковского и Ильменя, в основном не создавало новых поселений, а подселялось на уже существующие. Появление нового небалтского населения на обозначенной территории (тушемлинско-банцеровская культура)²⁷⁹ доказывается находками браслетообразных височных колец. Височные кольца совершенно не характерны для женских головных уборов балтских племен, поэтому их присутствие может служить маркером присутствия иноэтничного населения, для Восточной Европы – определено славянского. Особенностью территории Смоленского Подноровья и Полоцкого Подвинья было сравнительно более плотное (в отличие от Ильменско-Псковского региона) заселение ее балтскими племенами. При этом археологические данные свидетельствуют, что балты не покинули мест своего обитания в связи с появлением нового населения. В итоге в рамках тушемлинской (банцеровской) культуры наблюдался славяно-балтский симбиоз²⁸⁰.

Уже в VII в. славянское население (обнаруживаемое по браслетообразным височным кольцам) проникает в Волго-Окское междуречье. Эта территория была заселена несколькими волжско-финскими племенами (прежде всего, мерей). В VII в. здесь происходит принципиальное изменение в системе расселения. На смену небольшим городищам приходят неукрепленные поселения более крупных размеров; возрастает численность и плотность населения, ведущую роль в экономике начинает играть земледелие. Позднее, в IX–X вв., носители браслетообразных височных колец распространяются на еще большую территорию, на севере проникая до южных берегов Белого озера. Этноним данного населения не сохранился. Не исключено, что на него было распространено название финно-угорского племени – мери²⁸¹. Остается открытым вопрос о месте первоначального проживания носителей браслетообразных височных колец. Только некоторые фрагментарные находки в отдельных памят-

²⁷⁹ Названа по наиболее исследованному памятнику Тушемля на Смоленщине, в Беларуси эту культуру принято называть банцеровской по городищу Банцеровщина около Минска.

²⁸⁰ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 139.

²⁸¹ Он же. Славяне в раннем средневековье. С. 228; Он же. Конфедерация северно-русских племен в середине IX в. С. 245.

никах III–IV вв. позволяют предположить, что это регион бассейна Вислы²⁸².

В VIII–IX вв. на будущих Смоленской и Полоцкой землях формируется новая культура, наиболее характерной чертой которой было распространение длинных и удлиненных курганов. Появление и развитие здесь курганного обряда захоронений было обусловлено перемещением населения из ареала псковских длинных курганов. В свою очередь, это переселение было вызвано давлением со стороны носителей культуры новгородских сопков (словен): именно в начале VIII в. они занимают значительную часть области культуры псковских длинных курганов. Таким образом, культура длинных курганов охватила территории трех будущих древнерусских земель – Псковской, Смоленской и Полоцкой. Из письменных источников известно, что здесь расселился наиболее крупный восточнославянский племенной союз кривичей²⁸³. Смоленско-полоцкие курганы все же сильно отличаются от псковских длинных курганов, значительно отличается и содержащийся в них инвентарь. Поэтому ареал смоленско-полоцких длинных курганов выделяют в отдельную культуру. В свою очередь, внутри этого ареала выделены лишь незначительные отличия, не имеющие принципиального значения²⁸⁴.

Итак, расселившиеся на территории Восточно-Европейской равнины славяне к IX в. составляли четыре крупных племенных образования: северное (кривичи, словене, славяне-меря); юго-западное (воляняне, поляне, древляне и дреговичи), южное (хорваты, тиверцы, уличи), восточное (северяне, вятичи, радимичи, донские славяне)²⁸⁵. Каждую эту группу характеризует общность происхождения и сходство основного набора бытового инвентаря, женских украшений, жилищ, погребального обряда, т.е. тех признаков, которые определяют археологическую культуру. Объединение славянского населения Восточной Европы в рамках одного государства способствовало в дальнейшем складыванию единой древнерусской народности.

К IX в. территория Восточной Европы уже была хорошо освоена славянами, но и в это время здесь появляются новые переселенцы. Многочисленные находки женских украшений, гончарной керамики, железных ножей особого типа и т.д. говорят о крупной

²⁸² Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 229.

²⁸³ Там же. С. 231–232; *Он же*. Древнерусская народность. С. 142–143.

²⁸⁴ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 142.

²⁸⁵ *Он же*. Славяне в раннем средневековье. С. 525.

волне миграции славян IX–X вв. из Среднего Подунавья. К бесспорно дунайским предметам относятся найденные в южнорусских могильниках IX – начала XI в. украшения из серебряных и бронзовых проволочных колец с подвеской из полых шариков в виде грозди винограда и расположенных симметрично розеточек, также составленных из шариков зерни. Считается, что дунайское происхождение имели и ранние лучевые височные кольца, послужившие прототипами семилучевых и семилопастных украшений радимичей и вятичей, а также трапезиевидные подвески с точечным узором по нижнему краю. Последние хорошо представлены в ареале расселения смоленско-полоцких кривичей (Верхнеднепровско-Двинский регион) и в бассейне среднего течения Оки. На всей территории расселения восточных славян обнаружены типичные для подунайских славян ножи с волютообразными завершениями на рукоятях (видимо, предметы жреческого языческого культа) и крестики с изображением распятия моравского типа (еще до распространения христианства!). Дунайское происхождение имели и ряд других одиночных находок. Появление этих и других предметов является результатом не торговых операций, а именно миграций населения из Дунайских земель (прежде всего ремесленников – гончаров, ювелиров). Отток населения из Подунавья наблюдался и в более раннее время, в частности в связи с активизацией романского населения (волохов). В IX же веке славяне вынуждены были уйти из Подунавья в связи с разгромом венграми Великоморавской державы. В это время, по свидетельству археологии, славяне оставили все крупные поселения предгорного типа и более половины аграрных селений Великой Моравии²⁸⁶.

Из рассмотренной выше этнической ситуации в Восточной Европе накануне и в IX в. уже становится ясна значительная роль балтского и финно-угорского субстрата. Славяне не были автохтонным населением Восточной Европы. Большую ее часть еще до прихода славян заселили летто-литовские (балтские) и финно-угорские племена. Еще в бронзовом веке балтские племена, представленные культурой шнуровой керамики, расселились на территории от юго-восточного побережья Балтийского моря на западе до Среднего Поднепровья и верховьев Оки на юге и востоке²⁸⁷. Появившиеся начиная с V в. на этой терри-

²⁸⁶ Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. С. 531–551; *Он же*. Древнерусская народность. С. 183–204.

²⁸⁷ *Он же*. Славяне в раннем средневековье. С. 63.

тории славяне довольно быстро ассимилировали днепровских балтов. При этом процесс поглощения одним этносом другого, видимо, проходил мирным путем. На территории Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья в рамках тушемлинской (банцеровской) культуры наблюдался славяно-балтский симбиоз с общим домостроительством, керамическим материалом и погребальной обрядностью²⁸⁸. Именно влиянием балтского населения обусловлено появление диалектных различий в языке кривичей псковских и кривичей смоленско-полоцких. Если в этническом развитии первых большую роль сыграл прибалтийско-финский субстрат, то для вторых было характерно тесное взаимодействие с балтами. В итоге смоленско-полоцкий диалект первых веков 2-го тыс. н. э. стал основой севернобелорусского говора²⁸⁹.

Материалы гидронимии и памятники раннего железного века, характеризующиеся текстильной керамикой, позволяют очертить ареал расселения финно-угорских племен: на юге он достигал верховьев рек Великой, Ловати, Западной Двины и Волги, охватывая основную часть Волго-Окского междуречья²⁹⁰. Отношения пришлого, более активного славянского населения с различными финскими народами было неравнозначным, как неодинаковым был и уровень развития различных финских этнических групп (чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, ямь (емь), либь (ливы), угра (югра)). В экономике лесных аборигенов Севера – чуди заволочской и ее соседей – господствовал охотничье-рыболовецкий образ жизни при незначительной роли подсечного земледелия. Большое значение в хозяйстве финно-угров Поволжья имело скотоводство, которому сопутствовали охота, рыбная ловля, бортничество и другие лесные промыслы. Плотная сеть сельских поселений на благоприятных для обработки почвах побережий озер Неро и Плещеево косвенно свидетельствует о переходе летописной мери к пашенному земледелию. Земледелие и скотоводство составляли основу хозяйства населения северо-западных окраин будущей Новгородской земли. В то же время ремесло, прослеживаемое по археологическим находкам в ареалах расселения веси, мери

²⁸⁸ Седов В. В. Древнерусская народность. С. 139.

²⁸⁹ Там же. С. 261.

²⁹⁰ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997. С. 3.

и муромы, частично еще оставалось в рамках домашнего производства²⁹¹.

В конце 1-го тыс. н. э. некоторые финские группировки Восточной Европы втягиваются в систему международных торговых связей. Это обусловило появление имущественной дифференциации населения, хорошо прослеживаемой археологическими исследованиями. Так, присутствие в могильниках Приладжья и Муромщины мужских погребений с оружием и конским снаряжением наряду с дорогими престижными привозными вещами свидетельствуют о выделении зажиточной прослойки и военизированной племенной знати. Международные торговые артерии способствовали и консолидации населения. В конце IX в. в Приладжье возникает яркая курганная культура, носителями которой, видимо, была летописная чудь. Стимулом для развития этой культуры послужило проникновение в этот регион скандинавских торговцев – выходцев из Ладоги. В это же время торгово-ремесленные поселения возникают в Ярославском Поволжье (о них позднее). К международной торговле подключается и меря: на мерянском племенном центре – Сарском городище появляются скандинавские вещи. Материалы поселения Крутик конца IX – третьей четверти X в. говорят о вовлечении в систему международной торговли и веси²⁹².

Финно-угорское население сыграло определенную роль в формировании антропологического состава населения Северо-Восточной Руси. Более того, по мнению Т. И. Алексеевой, основу средневековых обитателей Волго-Окского треугольника «составляли ославяненные финно-угорские племена», при этом славянский элемент в их физическом облике был очень невелик²⁹³. Современные исследователи не разделяют этого мнения, указывая на справедливость вывода Алексеевой только по отношению к периферийному населению. Как бы то ни было, несмотря на региональные особенности в характере, динамике и интенсивности межэтнических контактов между славянами и финно-уграми, в результате произошла полная либо частичная ассимиляция старожильского населения²⁹⁴.

²⁹¹ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. С. 237.

²⁹² Там же. С. 237–238.

²⁹³ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 199.

²⁹⁴ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. С. 243.

1.5.2. Скандинавское присутствие в Восточной Европе

Археологические исследования древностей IX в. дают массу свидетельств **скандинавского присутствия в Восточной Европе**. Следы скандинавов хорошо прослеживаются в так называемых курганных некрополях второй половины IX – начала XI в. Среди них, безусловно, самым известным является *Гнездовский комплекс*, расположенный на Днепре возле современного Смоленска. Его составляют десять могильников, в которых насчитывается около четырех (пяти?)²⁹⁵ тысяч курганных насыпей²⁹⁶. На долю курганов второй половины IX – начала X в. приходится 6%, большинство же курганов (57%), причем наиболее крупных, относится к середине X в. В ранних курганах наиболее отчетливо проявляется полиэтничность гнездовского населения. По заключению исследователей Гнездовского комплекса, выходцы из Северной Европы здесь появляются во второй половине IX в. Несомненно скандинавскими являются погребение умершего в ладье, остатки погребального костра с железной гривной с молоточками Тора, захоронение в убранстве с парой скорлупообразных фибул. Но постепенно культурные различия в гнездовских курганах нивелируются, даже трупосожжение в ладье из этнического (скандинавского) превращается во второй половине X в. в социальное, становясь привилегией элитного слоя²⁹⁷. Насколько весомым было присутствие скандинавов в округе Гнездово, свидетельствуют следующие данные, приводимые российскими исследователями: среди 950 раскопанных захоронений скандинавскими можно считать примерно 50. Тем не менее археологические раскопки вполне определенно показали, что скандинавы в Гнездове появлялись не только как проезжие воины и купцы, но и как постоянные жители. К последней четверти X в. типичные элементы скандинавской культуры почти полностью исчезают²⁹⁸. В Гнездове обнаружено и большое торгово-ремесленное поселение (долгое время считалось, что это лишь некрополь Смоленска, расположенного на современном месте). Многолетние исследования Гнездовского комплекса позволили сделать вывод, что он был важным торгово-ремесленным и

²⁹⁵ Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. С. 138.

²⁹⁶ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX–XI вв. Л., 1978. С. 25–51.

²⁹⁷ Седов В. В. Славяне. С. 556.

²⁹⁸ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990. С. 31.

дружинным центром на важнейшем в стратегическом отношении отрезке днепровского пути и принадлежал к кругу европейских торговых поселений типа «виков»²⁹⁹.

Аналогичный Гнездовскому комплекс обнаружен в Ростовской земле – это поселения и курганы *Тимерево* близ Ярославля³⁰⁰. Тимеревский комплекс, датируемый тем же временем, что и Гнездовский, состоит из обширного могильника, двух курганных групп и двух поселений (одно превышает 10 га). К IX в. относится 15% исследованных насыпей; захоронения в них (по обряду кремации) бедны вещевыми находками. Обнаруженные в ряде курганов конструкции в виде круга, сложенного из камней, имеют параллели в Скандинавии. В погребениях X в. скандинавские вещи встречаются часто, однако, по мнению В. В. Седова, северноевропейские черты обрядности уже исчезают³⁰¹. Из наиболее интересных найденных в Тимереве вещей – серебряные ажурные биконические бусины из рубчатой проволоки. Их аналоги известны из погребений Северной Европы (Бирка, Аландские острова, Дания), обнаружены они также в кургане урочища Плакун около Старой Ладogi. Ярославские экземпляры – самая восточная находка этих бус. Датируются они IX в., возможно первой половиной³⁰².

Весьма интересны исследованные археологами женские погребения IX–X вв. В центральной части Тимеревского могильника в ходе экспедиции 1984–1985 гг. раскопано парное женское погребение. Близ деревянной камеры, в которой, собственно, размещалось погребение, найдены сожженные доски ладьи с заклепками, к востоку от ямы открыты остатки ладьевидной вымостки из камней. Довольно богатое захоронение женщины 30–45 лет находилось в южной части камеры (ему сопутствовали серебряная подковообразная фибула со спиральными концами, остатки золотого шитья от одежды, железные пружинные ножницы, бусы из горного хрусталя и т.д.). Во втором погребении девочки 11–13 лет, находившемся в северной части камеры, найдены две скорлупообразные овальные фибулы, дирхем-привеска с ушком, бусы и др. предметы, а также остатки отрубленной лапы медведя, на фалангу которой был надет перстень. Последнее обстоятельство связы-

²⁹⁹ Там же. С. 31, 40.

³⁰⁰ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 124–187.

³⁰¹ Седов В. В. Славяне. С. 557.

³⁰² Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 73.

вают с обрядом обручения с медведем, широко известным у народов Северной Европы³⁰³. Погребение датируется второй-третьей четвертью X в., что вынуждает пересмотреть вывод, сделанный В. В. Седовым. На протяжении IX–X вв. в Тимеревском центре население было смешанным, в нем обнаруживаются славянский, финно-угорский и скандинавский этнические компоненты; и только на втором этапе (XI–XII в.) налицо сложившийся этнический древнерусский массив³⁰⁴. Археологические материалы не дают оснований для вывода о том, что «в некрополе Тимерева, вероятно, похоронены в основном люди скандинавского происхождения, хотя находки, сделанные в некоторых могилах, говорят о том, что с женщинами финно-угорского происхождения пришельцы очень рано начали вступать в связь»³⁰⁵. Не может использоваться для доказательства то обстоятельство, что процент могил с трупосожжениями, в которых найдены черепаховидные фибулы, в Тимереве больше, чем в Бирке. Однако современный шведский историк Ингмар Янсон усматривает в кажущемся равномерном распределении скандинавских погребений Тимерево показатель отсутствия полиэтничности его населения³⁰⁶.

Еще один значительный некрополь с прилегающим поселением исследован в окрестностях Чернигова. Это могильник *Шестовицы*, функционировавший в X – начале XI в. (другое мнение – 900–960 гг.)³⁰⁷. Значительное число находок здесь скандинавских предметов дает основание некоторым исследователям видеть в поселении у некрополя Шестовицы лагерь скандинавских воинов и купцов³⁰⁸. О неоднородности этнического состава погребенных свидетельствуют предметы скандинавских типов, срубные гробницы, захоронения с конями. Несомненно, в некрополе Шестовиц, как и Гнездово и Тимерево, были погребены представители формирующегося дружинного сословия, в составе которого присутствовал скандинавский элемент, а также представители разных племенных образований славян, финно-угров, балтов, жителей Степи. Археологические материалы также подтверждают

³⁰³ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 74–75.

³⁰⁴ Там же. С. 83.

³⁰⁵ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси: 750–1200. СПб., 2000. С. 107.

³⁰⁶ Янсон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // ДГ 1999 г. М., 2001. С. 124.

³⁰⁷ Джаксон Т. Н. Рецензия на: Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000 // ДГ 2000 г. М., 2003. С. 390.

³⁰⁸ Там же.

мысль об активном участии воинов-дружинников в международной торговле. 34% древнерусских курганных захоронений с торговым инвентарем сопровождалось предметами вооружения³⁰⁹.

1.5.3. Происхождение восточнославянских городов

Складыванию государственной структуры сопутствовал процесс урбанизации. В науке существует несколько теорий происхождения восточнославянских городов: теория племенных центров, «замковая теория», теория «протогородов-вигов»³¹⁰. При этом важно дать определение самому понятию города. Признается, что невозможно дать унифицированного определения этой достаточно дифференцированной дефиниции, имеющей в реальности множество преломлений. Индивидуальность города определялась множеством факторов, при этом в зависимости от времени или места могли преобладать те или иные его функции или их сочетание. Среди функций города выделяют следующие: политико-административно-правовые (города – центры властных структур), военные (особенно важно для лесостепного пограничья), культурные, с учетом и религиозных и светских начал, ремесленные торговые, коммуникационные (возникающие на важнейших путях сообщения города поддерживают межобластные и международные связи)³¹¹.

Собственно, о городах восточных славян исследователи говорят только применительно к периоду существования Древнерусского государства – начиная с X в. Для начального периода урбанизации были характерны протогорода. По мнению В. В. Седова, протогорода «стали центрами кристаллизации нарождающегося военно-дружинного и торгового сословий, а также пунктами становления древнерусского ремесла». Основу населения протогородов, по мнению ученого, составляли главным образом представители того племени, на территории которого они возникли³¹². Протогорода отличаются от сельских поселений наличием укреплений, сосредоточением различных видов ремесел, социальным расслоением, участием в межплеменной и международной

³⁰⁹ Седов В. В. Славяне. С. 562.

³¹⁰ Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // ВИ. 1994. № 10. С. 46–51.

³¹¹ Там же. С. 51–52.

³¹² Седов В. В. Славяне. С. 563.

торговле, полиэтничностью³¹³. Наряду с превращением в города протогородов, являвшихся племенными центрами, исследователи обнаруживают и другие варианты развития городов из: 1) укрепленных станов, погостов, административных центров волости; 2) порубежных крепостей; 3) единовременно построенных по инициативе государственной власти центров³¹⁴.

Еще один возможный путь возникновения городов в Восточной Европе рассматривается в рамках уже упоминавшейся теории «протогородов-виков». В последние десятилетия особое внимание обращено на ряд топографически и функционально близких поселений, само существование которых было обусловлено участием в международной торговле и, что оказывается очень тесно связанным, в грабительских походах. Эти своеобразные торговые «фактории» по ряду признаков (расположение на пограничье, устройство на важнейших торговых путях, наличие укреплений, значительная площадь поселения, мобильность и полиэтничность населения, находки кладов куфических монет-дирхемов и импортных предметов роскоши) сближают с центрами, которые принято называть германским термином «вик». К числу наиболее известных виков относят Хедебю в Дании, Бирку на озере Меларен в Швеции, Колобжег и Волин на южном побережье Балтики и др.³¹⁵ В свою очередь вики оказали определенное воздействие на общественно-политическое развитие региона, в котором основывались. О ранних поселениях на Балтийско-Волжском пути современный российский исследователь Е. А. Мельникова писала: «Они возникают как стоянки для купцов и места торговли и обмена, которые притягивали к себе местную знать, заставляя ее сосредоточиваться в этих пунктах... Даже достаточно скромное по объему включение в крупномасштабную международную торговлю и перераспределение ценностей служило мощным источником обогащения знати и создавало условия для ее дальнейшего отделения от племени. Потребность в местных товарах для их реализации в торговле усиливала роль даней: изъятие прибавочного продукта требовалась теперь в количестве много большем, чем было необходимо для внутреннего потребления. Увеличение со-

³¹³ *Седов В. В.* Начало городов на Руси // Труды V международного конгресса славянской археологии. М., 1987. С. 17.

³¹⁴ *Куза А. В.* Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // Краткие сообщения института археологии АН СССР. М., 1984. Вып. 179. С. 3–11.

³¹⁵ *Даркевич В. П.* Происхождение и развитие городов древней Руси. С. 49.

бираемых даней влекло за собой усложнение потестарных структур в регионе и соответственно усиление центральной власти»³¹⁶.

Несомненна активная роль в создании вигов на территории Восточной Европы выходцев из Скандинавии. Более того, в отдельных случаях наблюдается скандинавская колонизация, при этом на севере Восточной Европы норманны опередили славян. Так, первыми поселенцами древнейшего русского города – Ладоги – были выходцы из Северной Европы. По археологическим данным, Ладога была основана в начале 750-х гг., а импульс продвижения славян в этом регионе дал себя знать только к концу 760-х гг.³¹⁷ Природные условия района Ладоги–Волхова, способствовавшие сохранности органических остатков, позволяют с помощью дендрохронологии достаточно точно датировать историю поселения. Развитие Ладоги не раз прерывалось какими-то бедствиями, видимо, связанными с борьбой за обладание этим ключевым пунктом в системе связей Скандинавии с Востоком между славянами, местным финно-угорским населением и скандинавами. За первый век существования Ладоги в ней трижды (в 750, ок. 840 и ок. 860 г.) полностью или частично менялось население³¹⁸. Около 860 г. в Ладоге появляется небольшая группа постоянно проживающих выходцев из Скандинавии, оставивших расположенный на противоположном берегу Волхова обособленный курганный могильник (13 насыпей). Сам город при этом делится на детинец и предградье. Позднее, на рубеже IX–X вв., в Ладоге сооружается древнейшая на Руси каменная крепость, тогда же появляется регулярная уличная застройка и целый ремесленный квартал³¹⁹. Уже на первом этапе своего развития (750–800-е гг.) «Ладога становится международной пристанью, важнейшим пунктом караванной и местной торговли и сама выступает в роли организатора этой торговли»³²⁰. Об этом свидетельствуют полиэтнический состав населения Ладоги, выявленный уникальный производственный комплекс, а также обнаруженные клады монет

³¹⁶ Мельникова А. Е. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГ. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 29.

³¹⁷ Кузьмин С. Л. Малые дома Старой Ладоги VIII–IX вв. (культурная принадлежность домостроительной традиции) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989. С. 34–35.

³¹⁸ Джаксон Т. Н. Рецензия. С. 384–385.

³¹⁹ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 53.

³²⁰ Мнение А. Н. Киричникова цит. по: Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 53.

(четыре клада куфического серебра и один – западноевропейских монет, в том числе древнейший на Руси клад дирхемов, младшая монета в котором чеканена в 786 г.)³²¹.

Значительной проблемой является локализация летописного Новгорода. Древнейшие слои, исследованные археологами на месте современного Новгорода Великого, датируются второй четвертью X в. Только в середине X в. появляются уличные настилы, Новгород приобретает устойчивую усадебную застройку и системы уличного благоустройства, что позволяет называть его городом. Но в более раннее время Новгорода не существовало³²². Возникновение самого термина «Новгород» относят к 1044 г., когда были сооружены дубовые укрепления детинца. Новое укрепление получило название в противовес предшествующим городкам, которые обзавелись своими локальными укреплениями. По мнению В. Л. Янина, на месте Новгорода первоначально располагалось три разноэтничных поселения, которые позднее превратились в три новгородских предела – Людин, Неревский и Славенский концы³²³. Но какой же Новгород имели в виду летописцы, рассказывая о событиях IX–X вв.? По мнению Е. Н. Носова, при описании этих событий «летописцы лишь проецировали новый топоним, появившийся в середине XI в.» на какое-то другое поселение. Общепризнано, что таким поселением являлось так называемое Городище, или Рюриково Городище³²⁴. Известно, что позднее, в XII–XV вв., в нем находилась резиденция князя, приглашаемого в Новгород. Археологические исследования Е. Н. Носова показали, что активное заселение Городища началось в середине IX в., когда появившиеся здесь жилые комплексы с самого начала приобрели явно выраженную аристократическую окраску и характеризовались наличием очевидной «скандинавской вуали». При том, что в наиболее ранних слоях собственно Новгорода находки скандинавских вещей незначительны, в Городище скандинавские предметы прямо указывают на присутствие выходцев из Северной Европы (амулеты с руническими заклинаниями).

³²¹ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 54. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 81–82.

³²² Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 70–71.

³²³ Там же. С. 70–72, 75.

³²⁴ Носов Е. Н. Новгородский детинец и Городище (К вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский исторический сборник. Л., 1995. Вып. 5 (15). С. 16.

Заметное затишье в жизни Городища наблюдается в начале XI в., затем в последней четверти XII в. происходит бурный расцвет³²⁵. Из письменных источников известно, что как раз в начале XI в. Ярослав Владимирович перенес княжескую резиденцию в город на торговую сторону на свободное место в Славенском конце, где возникло Ярославово дворище³²⁶.

Из городов, в которых, согласно летописной «Варяжской легенде», сели приглашенные князья, вполне определенно существовал в середине IX в. лишь Изборск. Долгие годы раскопки Изборского городища осуществлял В. В. Седов. По заключению ученого, Изборск в течение VIII–IX вв. являлся «племенным центром одной из групп кривичей»³²⁷. Археологические исследования позволили выделить три этапа в истории Изборска: первый датируется VII/VIII – серединой X в.; второй начинается с середины X в., когда здесь создается детинец со стеной из двух рядов бревенчатого частокола; на третьем этапе с конца XI в. – это уже каменная крепость³²⁸. Уже на раннем этапе своей истории Изборск не был рядовым поселением, что доказывается наличием площади, служившей, вероятно, для вечевых сборов и культовых празднеств. Поселение явно выполняло административно-политические функции, являясь племенным центром одной из крупных группировок кривичей. Важно, что на раннем этапе в Изборске ни в домостроительстве, ни в культурных элементах, ни среди вещевых материалов не обнаружено признаков скандинавского присутствия³²⁹.

Что касается Белоозера, то нижняя хронологическая граница его городского центра определяется X в., хотя среди обнаруженных в ходе раскопок на городище (в 18 км от современного Белоозерска) вещей ряд из них относится к более раннему времени³³⁰. Выяснено, что в IX в. Белоозера еще не было, археологически город прослеживается только с X в.³³¹

Советскими и современными украинскими археологами хорошо изучены древности Киева, тем не менее единого мнения по

³²⁵ Янин В. Л. Средневековый Новгород. С. 73–74.

³²⁶ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 50.

³²⁷ Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИИ. М., 1975. Вып. 144. С. 71.

³²⁸ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 45.

³²⁹ Седов В. В. Становление Изборска: Как возник древнейший город на Псковской земле // Родина. 2002. № 11–12. С. 45.

³³⁰ Там же. С. 61.

³³¹ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 81.

вопросу древнейшей истории столицы Древнерусского государства не существует. Поселение на Старокиевской горе возникло еще в VI в., его основали носители пражской культуры. Именно его считали историческим ядром города. Однако в этом поселении отсутствуют черты, выделяющие его из числа обычных земледельческих поселков. Здесь не обнаружены ни ремесленные, ни дружинные комплексы. Поэтому, учитывая подсечный характер земледелия, поселение ожидал в скором времени перенос на новое место. Видимо, еще в VI в. это поселение прекратило существование. Исследователями зафиксированы отдельные следы жизнедеятельности славянского населения конца VII – начала VIII в. вне будущей площадки городища, но и они прерываются с появлением под Киевом кочевников. В VIII в. на площадке городища возникает поселение волынцевской культуры, основанное переселенцами с Левобережного Днепра. Но в первой трети IX в. волынцевское поселение сгорело (погибло в результате штурма?). Только в конце IX в. небольшая группа носителей роменской культуры заняла террасу на склоне Старокиевской горы, ниже городища. К IX в. относится появление на соседней Замковой горе поселения, относящегося к луки-райковецкой культуре³³². По мнению некоторых исследователей, именно на Замковой горе располагался в X в. княжеский град. С конца IX в. начинает формироваться древнерусский курганный могильник на Старокиевской горе. В центре древнейшего городища было возведено языческое требище (Перуну?), предположительно с сооружением которого было связано строительство новой ограды по периметру городища³³³. В конце IX в. заселяется и киевский Подол. Крайне интересен тот факт, что для древнейших слоев Подола характерны исключительно срубные постройки с глиняными печами, аналогичные домостроительству Новгорода, Старой Ладogi, Полоцка. Эти черты проявляются уже в древнейшем обнаруженном срубе (дендродата 887 г.). Привнесенный новый тип наземных срубных жилищ позволил заселить территорию Подола, ежегодно заливаемую селями и паводками. Свидетельства раннего освоения Подола доказывают его важность как торгово-портового (видимо, сезонного) поселения на ключевом пункте пути «из варяг в греки»³³⁴.

³³² *Комар А.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. Т. IV. Київ, 2005. С. 119–124.

³³³ Там же. С. 135.

³³⁴ Там же. С. 133–134.

Чрезвычайно интересны зафиксированные археологами следы военного конфликта первой трети IX в., в результате которого было уничтожено старокиевское городище (волынцевской культуры). В киевском рву был обнаружен скелет с наконечниками стрел в теле, пожары с человеческими жертвами обнаружены на Битицком городище, недавно найден клад и два обгоревших человеческих черепа в волынцевских жилищах Андрияшевки. Эти события связывают с началом проникновения в Среднее Поднепровье скандинавов-русов и образованием Русского каганата³³⁵.

В западной историографии относительно значения Киева в IX в. существует представление, что это время для будущей столицы является одним из наименее интересных периодов в истории этой издревле заселенной местности. «Урбанистический» этап истории Киева датируется 880-ми гг. Только к середине X в. Киев превращается в важный городской центр. Важно также отметить полное отсутствие в Киеве и на всем Среднем Поднепровье скандинавских находок ранее X в.³³⁶

С загадочной Арсой мусульманских источников часто связывают обнаруженное около Ростова так называемое Сарское городище. Это городище первоначально возникло как племенной центр финно-угорского племени меря, затем в период активного славянского освоения края стало протогородом и в итоге превратилось в феодальный замок, уступив ведущую роль в регионе Ростову. В ходе раскопок на Сарском городище была обнаружена богатейшая коллекция вещей. Многие из этих вещей (датируемые VII–IX вв.) прикамского происхождения, но в большинстве все же являются продукцией сарских ремесленников-литейщиков-ювелиров. С IX в. прослеживаются связи этого региона со Скандинавией, в X в. они достигают своего пика. Находки на Сарском городище предметов северноевропейского и восточного происхождения позволили исследователям сделать вывод, что «торговая роль пункта перерастала узкоместное значение: купцы северогерманского Запада везли сюда оружие, украшения и разного рода мелочь... Вряд ли меньшее значение имела торговля с Востоком...»³³⁷. На Сарском городище обнаружен уникальный франкский меч, на котором обнаружено клеймо и надпись «LUN FECIT», т.е. «Лун сделал». Эта и другие находки подтверждают роль Сарского городища как опорного пун-

³³⁵ Там же. С. 136.

³³⁶ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 66.

³³⁷ Мнение Д. Н. Эдинга. Цит. по: Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 89.

кта в системе Великого Волжского пути³³⁸. Даже западные исследователи признают, что в Сарском городище норманны (русы), в отличие от Тимерева, составляли только очень небольшую часть населения³³⁹. Лишь две находки, датируемые VIII – первой половиной IX в., имеют скандинавское происхождение. Но они не дают возможности сделать вывод, связаны ли они с первым проникновением скандинавов в земли Волго-Окского междуречья или же являются результатом торговых контактов³⁴⁰.

По вопросу возникновения восточнославянских городов в исторической науке давно существует теория «парных» центров. К числу «парных» центров относят Рюриково городище и Новгород, Гнездово и Смоленск, Тимерево и Ярославль, Шестовицы и Чернигов, Сарское городище и Ростов. Второй город в таких «парах» находится недалеко от первого и, в отличие от него, хорошо известен по летописным источникам. Первоначально историками «парность» понималась как прямая преемственность, как «перенос» города. Позднее крупные поселения возле древнерусских городов стали восприниматься как особые лагеря варяжских отрядов, вмещавшие и купцов, и нанятых варяжских воинов. В последние десятилетия распространено мнение, что «пары» состоят из торгово-ремесленных поселений (трактуемых как протогорода), ориентированных на внешние связи, и «новых» городов (упоминаемых в летописи), опирающихся на местную экономическую основу и являющихся центрами тянувшихся к ним сельских территорий. При этом характерно параллельное существование на определенном отрезке времени двух составляющих «пары». Этому явлению находят и североевропейские параллели. Согласно другой точке зрения «пары» состояли из «погостов» («станов для князя и княжеской дружины, наезжавшей для собирания дани») и «племенных центров». «Рядом с племенными центрами, где сильна была местная знать, на жизненно важных для Древнерусского государства путях, привлекавших разноплеменных воинов, торговцев и ремесленников, появляются новые центры, ориентированные на обслуживание внешних связей Руси, феодализировавшейся дружины, на сбор дани и т.д.»³⁴¹. Но археоло-

³³⁸ Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. С. 89.

³³⁹ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. С. 75.

³⁴⁰ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 6.

³⁴¹ Медьникова Е. А., Петрухин В. Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // ДГ 1985 г. М., 1986. С. 99–108.

гические материалы не позволяют считать «племенные центры» древнее «княжеских погостов»³⁴².

1.5.4. Археологические данные о внутриполитической ситуации в Восточнославянском регионе

Археологические материалы дают возможность дополнить и соотнести с ними данные письменных источников по внутренней истории восточнославянских предгосударственных образований. Так, раскопки в Старой Ладогe показали, что сильный пожар разрушил этот город приблизительно в 860 г. Этот пожар российские историки стали рассматривать в связи с междоусобными войнами, последовавшими согласно ПВЛ после изгнания варягов³⁴³. Новейшие археологические исследования позволили уточнить дату пожара: оказалось, что это бедствие в Ладогe произошло между 863 и 870 гг. Соответственно, дата призвания Рюрика была историками отодвинута на несколько лет. Примерно в то же время пожар уничтожил и Рюриково городище, причем в истории Городища это был поворотный пункт. Первоначально (с середины IX в.) Городище представляло собой укрепленное поселение, расположенное на вершине холма, становящегося островом в разлив Волхова. Позднее расширяется площадь поселения, изменяется планировка. Обнаруженный археологами маленький клад из семи аббасидских монет, тронутых огнем, и другие данные позволили датировать пожар временем немного позднее 867 г. (с помощью углерода-14 – ок. 880 г., плюс-минус 20 лет). Следы разрушений обнаружены и на других поселениях в бассейне Волхова и Ладоги: в Городище на Сясе, Холопьем Городке, Новых Дубовиках, Любшанском городище, некоторые из которых не были восстановлены, а другие значительно сократили площадь. Таким образом, разрушения коснулись всех поселений региона Ладоги–Рюрикова городища³⁴⁴.

Археология дает ценную информацию об обстоятельствах развития юга будущей Руси. Кроме уже рассмотренных данных, важной представляется информация о построенных на границе с ареалом славянской волынцевской культуры хазарских кре-

³⁴² Джаксон Т. Н. Рецензия. С. 387–388.

³⁴³ Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. М., 1980. Вып. 160. С. 27.

³⁴⁴ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 69.

постей. О строительстве византийскими инженерами Саркела известно и из письменных источников. Археологическими исследованиями выяснено, что в 30–40-х гг. IX в. по берегам реки Тихая Сосна (правый приток Дона) и в верховьях Северного Донца было построено еще семь крепостей (это городища Алексеевское, Верхнеольшанское, Верхнесалтовское, Колтуновское, Красное, Маяцкое и Мухоудеровское). Эти крепости имели отчетливую геометрическую планировку, а по периметру – стены, сложенные из обработанного камня или кирпича. К этому же типу принадлежал и Саркел. Как выяснено исследователями, эти крепости не имеют генетической связи с местным фортификационным строительством. В то же время на северо-западных рубежах Хазарского каганата были существенно реконструированы и некоторые старые укрепленные пункты (например, Дмитриевское городище). Некоторые обстоятельства (в руинах каменной стены обнаружен глиняный сосуд, не свойственный местной культуре) позволяют утверждать, что в строительстве и реконструкции крепостей участвовали пришлые мастера³⁴⁵. Таким образом, все отмеченные факты укрепления границы Хазарией свидетельствуют о серьезной опасности, которую каганат видел со стороны северо-запада, а именно со стороны волынцевской культуры. Именно ареал волынцевской культуры рассматривается некоторыми исследователями в качестве гипотетического «Русского каганат». В то же время ареал волынцевской культуры VIII–IX вв., синтезировавшей славянские и степные традиции, совпадал с территорией племен, которые, согласно летописи, платили дань хазарам и были освобождены обосновавшимся в Киеве Олегом³⁴⁶.

Итак, археологические материалы существенно дополняют данные письменных источников. Тем не менее они не застрахованы от произвольной интерпретации в угоду той или иной концепции. Только комплексное использование равновидовых источников, при учете всех имеющихся фактов (а не игнорировании неудобных, не вписывающихся в схему данных) возможно наиболее объективное освещение происходивших в восточнославянском обществе процессов государственного строительства. При этом наиболее сложной проблемой, на которую продолжают оказывать влияние вненаучные факторы, остается роль скандинавов в политическом развитии Древней Руси. В последнее время

³⁴⁵ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 5–6.

³⁴⁶ Петрухин В. Я. История славян и руси в контексте библейской традиции. С. 101.

вслед за западными исследователями несколько пересматривается роль скандинавов. Шведский историк Ингмар Янсон следующим образом выразил свою мысль на этот счет: «Скандинавам часто приписывалась ограниченная роль либо торговцев, либо воинов, княжеских дружинников, или же тех и других. Когда где-либо среди археологических находок обнаруживались изделия скандинавского образца, они рассматривались как свидетельство полиэтничности данного места, связанной с полиэтничностью государства. По-моему, археологические данные говорят о более многочисленной группе скандинавов и об их вовлеченности в значительно более широкую сферу деятельности, чем указывалось выше. Таким образом, есть все основания называть движение скандинавов не только на запад, но и на восток переселением»³⁴⁷. Но даже если и признать значительную роль скандинавского переселения (в какой-то мере оно, несомненно, присутствовало), нет оснований видеть в норманнском элементе решающую роль в складывании государственных институтов на славянской территории Восточной Европы.

³⁴⁷ Янсон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // ДГ 1999 г. М., 2001. С. 122.

РАЗДЕЛ 2

ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ РЕГИОНЕ

2.1. Историография проблемы

2.1.1. Проблема образования Древнерусского государства в трудах дореволюционных историков

Осмысление проблемы образования Древнерусского государства и тесно с ней связанных вопросов о характере и эволюции института верховной (княжеской) власти обнаруживаем уже в первых восточнославянских исторических сочинениях. Так, древнерусский летописец делит князей на праведных и неправедных. Князь, принадлежащий к первому типу, любит суд и правду, заботится о надлежащем устройстве административных и судебных учреждений, назначает справедливых наместников и судей. Князь же второго типа не заботится о правде, проводит время в веселии и предоставляет действовать вместо себя своим корыстным советникам, как правило, молодым и неразумным. Вопрос о том, как бог может допустить к власти неправедных князей, решается летописцем всецело в рамках религиозно-нравственного мировоззрения эпохи. Злых и лукавых князей бог дает за грехи народа¹. Подобные идеи характерны и для других древнерусских памятников. Так, в «Слове о судиях и властелех», приписываемом митрополиту Кириллу (ум. 1281 г.), утверждается, что бог поставил князей вместо себя быть пастухами и стражами людей и оберегать стадо людское от волков². Одним из

¹ Вальденберг В. Понятие о тиране в древнерусской литературе в сравнении с западной // Известия по русскому языку и словесности. 1929. Т. II. Кн. 1. С. 214–215.

² Православный собеседник. 1864. Ч.1. С. 368–374.

ключевых моментов в Начальной русской летописи (и ее поздней переработке – Повести временных лет), а также в первых чешской (Козьмы Пражского) и польской (Галла Анонима) хрониках является идеологическое обоснование княжеской власти³. Важно, что и в западно- и в восточнославянской версии происхождения княжеской власти делается акцент на ее роли, как силы, гарантирующей установление и соблюдение общественного порядка⁴. Подобно русскому летописцу западнославянские хронисты настаивают на богоизбранности верховных правителей. Козьма Пражский доказывает, что избрание Пржемысла чехами – акт необратимый и власть его потомков над чехами никем не может быть оспорена. Для Галла же Пясты – «естественные господа» поляков, и за то, что поляки «не сохранили верности» тем, они были наказаны нашествием чехов и крестьянским восстанием⁵. Настойчивость, с которой хронисты отстаивают эту мысль, свидетельствует о сложности отношений правителей и крепнущей знати. Основная идея Галла и Козьмы сводится к следующему: знать должна верно служить верховному правителю, но и последний должен решать все вопросы, советуясь со знатью, и щедро награждать вельмож⁶.

В российской историографии XVII – начала XIX в. господствовала мысль, что в Древней Руси было «правление монархическое, самодержавное», правда, относительно Новгорода часто делалось исключение⁷. Начало монархии большинство русских историков обозначенного периода видело в призвании Рюрика, хотя некоторые относили его к более раннему времени (Кий, Аскольд). Относительно реального характера княжеской власти, однако, единодушия не было. Так, если для В. Н. Татищева (и ряда других историков XVIII века – М. М. Щербатова, А. Л. Шлецера, Г. З. Байера, И. Васильева, Е. Филиповского, Г. П. Успенского) власть древнерусских князей была однозначно

³ *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Образование государства и формирование общественно-политической идеологии в славянских странах // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 208.

⁴ *Флоря Б. Н.* Представления об образовании государства и его основных функциях в русском и западнославянском летописании // Раннефеодальные славянские государства и народности. София, 1991. С. 45.

⁵ *Флоря Б. Н.* Формирование государственности и зарождение политической мысли у славянских народов // Очерки истории культуры славян. М., 1995. С. 269.

⁶ *Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Образование государства... С. 213.

⁷ *Пузанов В. В.* К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии // Славяно-русские древности. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995. С. 204.

неограниченной⁸, то по мнению И. Н. Болтина, И. П. Елагина, А. Н. Радищева власть эта была умеренной, «срастворенной» с властью вельмож и народа⁹. Подобную позицию занимал и Н. М. Карамзин, считавший, что князь делился властью с дружиной, а также с «гражданами» (вече), что не могло быть «в державах строгого, неограниченного единодержавия»¹⁰. Но тем не менее, «Вся земля русская была, так сказать, законною собственностью великих князей...»¹¹. В соответствии с уровнем развития исторической науки своего времени Н. М. Карамзин рассматривал функции княжеской власти неизменными, только как административно-судебные и военные¹².

Для российской историографии XVIII – начала XIX в. было свойственно тесно связывать появление элементов монархической власти с образованием государства¹³.

На дальнейшее развитие историографии проблем политической истории восточных славян огромное влияние оказала философия Г. В. Ф. Гегеля. По схеме ученого развитие человеческого общества шло в направлении от семьи, через «гражданское общество» к государству. При этом государственность развивалась независимо от внутренних процессов, происходящих в самом «гражданском обществе». В политическом отношении период «гражданского общества» соответствовал периоду «патриархальных отношений», который уже вышел «за пределы связи, существующей благодаря кровному родству»¹⁴. Современник Гегеля профессор Дерптского университета И. Ф. Г. Эверс первым применил его схему к истории Древней Руси¹⁵. По Эверсу отдельные большие семейства, или роды поселялись «на одном известном пространстве земли» и объединялись между собой «потомком одного общего начальника

⁸ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.: Л., 1963. С. 363, 366. Т. 2. М.: Л., 1964. С. 260. Прим. 359. Т. 4. С. 427. Прим. 226.

⁹ *Пузанов В. В.* К вопросу о княжеской власти. С. 206.

¹⁰ *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. I / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: Наука, 1989. С. 163.

¹¹ Там же. С. 164.

¹² *Свердлов М. Б.* Последействие // *Карамзин Н. М.* История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III. М., 1991. С. 712.

¹³ *Свердлов М. Б.* Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // *Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы.* М., 1992. С. 62–63.

¹⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. VIII. М.: Л., 1935. С. 40–41.

¹⁵ *Ewers I. P. G.* Das älteste Recht der Russen in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dorpat und Hamburg, 1826 - *Эверс И. Ф. Г.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. / Пер. с нем. И. Платонова. СПб., 1835.

племени для взаимной защиты против иноплеменников»¹⁶. Такие объединения могли, по мнению ученого, расходящегося в этом с Гегелем, стать со временем основой для примитивных государств, которые «суть не что иное, как соединения отдельных, бывших дотоле совершенно свободными, родов или больших семейств, под владычеством одного общественного главы»¹⁷. В то же время первые примитивные государства не являлись результатом внутреннего развития общества, а были только «делом необходимости», чтобы защитить себя от внешней опасности¹⁸. Во главе такого государства становился князь, чья власть «утверждалась на том же основании, на каком и власть главы семейства»¹⁹. Но часть своих прежних прав удерживают главы племен, а семейства и роды «все еще продолжали представлять в себе одно независимое целое»²⁰. Эти старые порядки устраняются постепенно законодательной властью, когда начинает «образовываться тесно соединенное во всех частях своих целое государство в собственном смысле этого слова»²¹.

В России второй половины XIX в. относительно происхождения и характера верховной власти господствовала теория «родовых отношений», блестяще сформулированная С. М. Соловьевым (1820–1879). Древней формой общественных отношений славян, как, впрочем, и других европейских народов, согласно Соловьеву, был родовой строй, к моменту призвания варяжских князей уже разлагавшийся. Именно приверженность восточных славян родовым связям препятствовала выделению из их среды собственных князей, почему они и были призваны извне. Но после утверждения княжеской власти родовые отношения не исчезли. Объединившая Русь норманская династия сама усвоила основы родовых связей, которые легли в основу междукняжеских отношений и порядка наследования княжеских столов²². Княжеский род, по Соловьеву, совместно владел русской землей. Старший генеалогически князь выступал по отношению к другим князьям «в отца место», при этом он не мог «считать себя полновластным владельцем родовой собственности, располагать ею по произволу, он был только

¹⁶ Эверс И. Ф. Г. Древнейшее русское право. С. 351, 352.

¹⁷ Там же. С. 8.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 355.

²⁰ Там же. С. 2.

²¹ Там же. С. 229.

²² Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 403–404.

совладельцем с младшими родичами и распоряжал волостями сообща с ними»²³. Что касается наследования верховной власти (великокняжеского престола в Киеве), согласно ученому действовал так называемый лестничный принцип наследования, при котором каждый член княжеского рода «при известных условиях мог достигать старшинства, получать стол киевский, который, таким образом, находился в общем родовом владении»²⁴. Важно, что С. М. Соловьев обнаруживал родовые отношения во всем славянском регионе: «В Западной, латино-германской Европе господствовали в это время феодальные отношения..., в других славянских странах между старшим князем и меньшими господствуют те же самые отношения, какие и у нас на Руси...»²⁵. Описывая конкретные примеры междукняжеских взаимоотношений на Руси, исследователь широко сопоставляет их с историей Польши и Чехии²⁶.

Выдающийся историк В. О. Ключевский (1841–1911) развил тезис С. М. Соловьева о совместном владении Древней Русью всем родом князей Рюриковичей, при этом он построил стройную (но в целом искусственную) схему «лестничного восхождения» князей на престолах восточнославянских земель²⁷. В лекциях Ключевского была изложена оригинальная концепция русской истории, в которой во главу угла были поставлены колонизационные процессы, весьма подробную характеристику получил характер власти первых древнерусских князей, их функции²⁸. С критикой идеи родового владения князей Русью в X–XII вв. выступил А. Е. Пресняков. По мнению исследователя, в основе владения волостями «лежало отношение семейного владения», при этом право на княжение приобреталось наследованием по отцу. Это было отчинное право²⁹. Исследователь указывал также на несостоятельность применения к наследованию верховной власти в Киевской Руси какой-то однозначной схемы³⁰.

Таким образом, дореволюционными историками были предложены интересные подходы к объяснению сущности верховной

²³ Соловьев С. М. История отношений между русскими князьями Рюрикова дома. М., 1847. С. 13, 19–20.

²⁴ *Он же*. Сочинения: В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. ., 1993. С. 319.

²⁵ Там же. С. 314.

²⁶ Там же. С. 329–331.

²⁷ Шапиро А. Л. Историография. С. 540.

²⁸ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 130–140 (Лекция X).

²⁹ Шапиро А. Л. Историография. С. 643.

³⁰ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 22, 33, 34, 36.

власти Древней Руси, являвшейся персонификацией института государства. Нарботки историков «старой школы» не утратили своего значения и в наши дни.

2.1.2. Советская историография проблемы генезиса Древнерусского государства

С 1917 г. на территории бывшей Российской империи развитие исторической науки пошло по одному унифицированному пути. Безусловное господство получила марксистская концепция общественного развития, отдававшая приоритет рассмотрению социально-экономической истории. В рамках марксистской концепции одним из основных компонентов является идея о смене общественно-экономических формаций, основанных на определенном способе производства. Экономические отношения принадлежат базису, тогда как государство и право – к надстройке, а следовательно последние всецело зависят от экономической структуры общества, полностью ею определяются, хотя и обладают определенной самостоятельностью. Государство же возникает в силу ряда социально-экономических причин: общественного разделения труда, появления прибавочного продукта и частной собственности, а затем классовой дифференциации общества. Именно эти изменения взрывают родовой строй³¹. Двумя основными отличительными чертами государства – «продукта общества на известной ступени развития» – по Энгельсу являются «разделение подданных государства по *территориальным делениям*» и «учреждение *публичной власти*»³². «Эта особая публичная власть, – писал Ф. Энгельс, – необходима потому, что самодействующая вооруженная организация населения сделалась невозможной со времени раскола общества на классы»³³. Подавлять недовольство угнетенного, эксплуатируемого класса государство (а, следовательно, и верховная, публичная власть) и призвано: «Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного,

³¹ *Кашанина Т. В.* Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы: Учебное пособие. М., 1999. С. 77.

³² *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения: В 3-х т. Т. 3. М., 1985. С. 362.

³³ Там же. С. 362–363.

экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»³⁴.

Изложенные тезисы были положены в основу понимания советскими историками процессов политического развития славянских государств. В первые годы становления советской исторической школы в России продолжали работать историки предшествующего периода (А. Е. Пресняков (1870–1929), С. Ф. Платонов (1860–1933), М. А. Дьяконов (1855–1919)), но безусловную поддержку властей получили историки-марксисты. Доминирование марксистской историографии сделало невозможным проявление инакомыслия, многие годы советская историческая наука развивалась в направлении приложения жесткой догматической схемы на исторический материал, речь могла идти лишь о некотором уточнении этой схемы, но никак не выход за ее рамки. Среди негативных последствий глобальных изменений в общественном строе восточнославянского региона для развития исторической науки можно также назвать разрыв преемственности с прежними работами буржуазных историков, а также изоляцию советской науки от достижений западного мира.

Крупнейшей фигурой в советской исторической науке был и остается Б. Д. Греков (1882–1953), начавший разрабатывать проблемы древнерусской истории еще в дореволюционный период³⁵. Концепция социально-экономического и политического развития Древней Руси, сформулированная ученым, стала официальной версией древней истории. Исходя из марксистского тезиса об обеспечении государством интересов господствующего класса, греков полагал, что древнерусский князь в своей деятельности «осуществлял прежде всего интересы растущего класса бояр»³⁶. Киевский князь в работах и Грекова, и других советских историков представляется послушным орудием в руках бояр. «Они [бояре. – ТСН] шли вместе со своим вождем, великим князем, потому что иначе в данный период их существования они не могли достигнуть своих целей, т.е. укрепиться в своих позициях. Это для данного момента единственно возможная форма политического господства знати,

³⁴ Там же. С. 364.

³⁵ Шапиро А. Л. Историография. С. С. 600–602.

³⁶ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 306. См. также: Греков Б. Д. Князь и правящая знать в Киевской Руси // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. 1939. № 32. С. 5–38.

но в то же время эта могущественная знать являлась и залогом силы князя киевского»³⁷. Пока не наступил период феодальной раздробленности, «период усиления независимости магнатов, роста политического значения горожан и ослабления княжеской власти», киевский князь являлся «признанным главой государства». «Но это не самодержец. Он представитель правящей знати, признающей над собой власть великого князя в своих собственных интересах, разделяющей с ним власть»³⁸. В целом Греков указывал на невозможность оценить власть князя как однозначно неизменную на протяжении существования Древнерусского государства («она изменялась в связи с изменениями в базисе, ее породившем») и власть эта росла, «пока ее рост был в интересах господствующих классов»³⁹. Важно, что Греков не ограничивался древнерусской проблематикой и доказательство своих тезисов обращался к юго- и западнославянским правовым отношениям. Анализ феодальной польской «Книги правды» (Польская правда) Винодольского и Полицкого статута дает ученому доказательства общей сущности и функций княжеской власти во всем славянском регионе: «... она [княжеская власть. – ТСН] помогла укрепить землевладельческому феодальному классу, укрепила за ним право на землю, узаконила его привилегии, т.е. помогла созданию на местах богатой и властной феодальной аристократии, которая стала уже тяготиться своим подчиненным положением по отношению к князю»⁴⁰. Весьма показателен набор функций славянского князя, по представлению ученого: «Оберегать интересы феодалов, прежде всего укреплять их власть над землей и людьми, на ней сидящими, поддерживать выгодный феодалам порядок – это значило оберегать внутренний мир, предохранять от всяческих нарушений установленный порядок, которому всегда могли угрожать попавшие в зависимость от феодалов крестьяне и другие категории населения, так или иначе попадавшие в ту же зависимость»⁴¹.

Б. Д. Греков не сомневался в том, что Древняя Русь IX–XI вв. была раннефеодальным государством. В то же время в советской исторической науке, начиная с 30-х гг. все сильнее раздавался голос тех ученых, которые ранний период в истории Древней Руси (IX–X вв.) относили к так называемому дофеодальному периоду⁴².

³⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. С. 306–307.

³⁸ Там же. С. 307.

³⁹ Там же. С. 309.

⁴⁰ Греков Б. Д. Избр. труды. Т. I. М., 1957. С. 352.

⁴¹ Там же. С. 357.

Наибольшее развитие эта идея получила в трудах С. В. Юшкова. В период IX–XIII вв. ученый выделял две формы государства: варварское (IX–X вв.) и раннефеодальную монархию. Варварскому государству соответствовал дофеодальный период, в котором «имела место борьба трех укладов: первобытнообщинного (патриархального), рабовладельческого и феодального, причем, чем дальше, тем больше, получил значение феодальный уклад»⁴³. Что касается верховной власти в «варварском» Древнерусском государстве, то в это время «еще не образовалось феодальной монархии, в которой отношения между великими и местными князьями определялись бы отношениями развитого вассалитета-сюзеренитета»⁴⁴. Юшков, при этом, не сводит функции великого киевского князя к защите интересов феодализирующей знати: «В основном он был военным вождем, организатором военных сил. Для того, чтобы организовать военные силы и собрать необходимые средства, он принимал деятельное участие в сборе полюдьа. Поскольку полюдье собиралось товарами... князья должны были принимать меры к охране караванов, везущих эти товары в Византию». Непосредственно, по мнению ученого, великий князь управлял только Киевской землей и его юрисдикция распространялась только на «княжих людей»⁴⁵. В раннефеодальной монархии ее глава – «первый среди равных» крупных феодалов. «Он только верховный сюзерен», «его функции ограничены иммунитетными дипломами и феодальными договорами. Его деятельность направляется так называемой феодальной курией... Для решения наиболее важных вопросов созываются съезды феодалов». Наряду с термином «раннефеодальная монархия» у Юшкова по отношению к Киевской Руси времен Владимира и Ярослава Мудрого используется термин «феодальная империя» в связи с полиэтничностью государства⁴⁶.

С новых позиций тему отношений вече и князя, обстоятельно рассмотренную в дореволюционной историографии В. И. Серге-

⁴² *Темушев С. Н.* Переход от первобытности к феодализму в славянском регионе // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х т. Т. I. Мн., 2000. С. 124–128.

⁴³ *Юшков С. В.* К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук. 1947. Вып. X. С. 54; Журнальный вариант: ВИ. 1946. № 7. С. 45–65.

⁴⁴ *Он же.* К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве. С. 59.

⁴⁵ Там же. С. 51.

⁴⁶ *Юшков С. В.* К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века // ВИ. 1950. № 1. С. 72–74, 79–80. *Он же.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.: Л.: 1939. С. 166–167, 176.

евичем⁴⁷, изложил М. Н. Тихомиров. Ученый трактует эти взаимоотношения в связи с борьбой горожан за свои «вольности». Горожане «стремились сажать на стол только угодных им князей», заключая с последними «ряд» на вечевых собраниях. «Соглашение с киевлянами, - по мнению Тихомирова, - начинает являться одним из необходимых условий для утверждения князя в Киеве»⁴⁸.

Всю свою жизнь изучению древнерусской истории посвятил Б. А. Рыбаков. Политическое развитие Древней Руси ученый рассматривал в динамике. Рассуждая о времени Владимира и Ярослава, он пишет о «единой Киевской Руси как первичной политической форме», о «единой державе Руси», о «раннефеодальной монархии», «раннефеодальной империи», «единой автократической империи». Эта «возрастная, временная политическая форма, особенно необходимая в условиях постоянной внешней опасности для содействия первичным процессам феодализации». После смерти Ярослава Мудрого, по мысли Рыбакова, «произошел разрыв между продолжавшими развиваться производительными силами и политической формой, временно затормозившей нормальное развитие класса феодалов». Возрождение феодальной монархии при Святополке, Мономахе и Мстиславе лишь «несколько поправило дело». «Нужны были иные масштабы государства, иная структура феодального организма», поэтому на смену автократической империи в XII в. пришли феодальные «княжества-королевства, которые были «вполне сложившимися государствами» с «суверенными государями» во главе⁴⁹. Рыбаков значительно углублял, модернизировал феодальные отношения и феодальный характер княжеской власти находил едва ли не с самого момента возникновения этого института. При этом он считал, что «система вассалитета естественно вырастала из племенного строя и начала оформляться еще в пору интеграции племен»⁵⁰. Еще более модернизировал древнерусскую действительность В. Т. Пашуто, детально рассмотревший характер таких политических институтов, как собор, совет при

⁴⁷ *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867: *Он же.* Русские юридические древности. 2-е изд. СПб., 1900. Т. 2.

⁴⁸ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. Изд. 2-е, доп. и пер. М., 1956. С. 197–200, 219.

⁴⁹ *Рыбаков Б. А.* Первые века русской истории. М., 1964. С. 83, 147–150: *Он же.* Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1966. С. 574–577.

⁵⁰ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 276.

князе, снем, вече, ряд, подручничество, кормление, местничество, вассалитет, княжеский суд. Так, ученый считал, что местничество «существовало и пронизывало княжеско-боярскую жизнь в Древней Руси, чрезвычайно развиты были и другие элементы феодальных отношений»⁵¹. Относительно периода так называемой феодальной раздробленности ученый выдвигает интересную мысль о том, что «и после Мономаха на Руси сохранялась общерусская форма правления, при которой киевский стол стал объектом коллективного сюзеренитета наиболее сильных князей»⁵². Другой ведущий специалист по древнерусской истории Л. В. Черепнин считал, что лишь со времени Владимира есть основания говорить о раннефеодальной монархии («единовластию») на Руси, до этого власть киевского князя конкурировала с властью других княжеских «родов»⁵³. О складывании сюзеренитетно-вассалитетных связей исследователь пишет только применительно к XII в.⁵⁴.

Таким образом, в рамках советской исторической школы был сформулирован особый взгляд на природу княжеской власти в Древней Руси, тесно увязанный с теорией классовой борьбы и развитием феодальных отношений. В то же время, в советских исследованиях практически не уделялось внимания элементам пережиточности, патриархальности в междукняжеских отношениях, не учитывалась специфика восточнославянского региона, однозначно толковались функции верховной власти. Крайне негативной также представляется тенденция советских историков искусственно удревнять период становления Древнерусского государства и развитие в нем феодальных отношений⁵⁵.

Подводя итог развитию историографии советского периода в направлении исследования проблемы формирования государственности и связанной с этим процессом складывания верховной власти, нельзя не отметить негативные стороны марксистской теории, долгое время определявшей характер исследований различных областей жизни человеческих обществ. Отрицательной стороной можно признать уже само доминирование только одной концепции, с которой

⁵¹ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В., Шушарин В. П., Шапов Я. Н. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1955. С. 53.

⁵² Там же. С. 76.

⁵³ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // ИЗ. 1972. 89. С. 359.

⁵⁴ Там же. С. 364–365.

⁵⁵ Свердлов М. Б. Образование Древнерусского государства // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 64.

исследователи подходили к изучению славянских или любых других обществ. Работа историка по сути сводилась к поиску доказательств уже сформулированных теоретических обобщений. Кроме того, марксистское понимание образования государства, выделения публичной власти не учитывало многих важных факторов – политических, идеологических (религиозных), психологических. Нельзя также игнорировать военные факторы. «Надо помнить и то, – отмечает Т. В. Кашанина, – что человек – биологическое существо и ему так же, как и всем живым свойственно чувство самосохранения: объединение с себе подобными под началом единого координирующего центра многократно повышает способность противостоять как силам природы, так и другим, конкурирующим человеческим общностям»⁵⁶. Некоторые отмеченные факторы нашли отражение в буржуазной исторической науке дореволюционной России и в довоенных славянских государствах, но наиболее пристальное внимание к ним приковано в современной историографии.

2.1.3. Современная историческая наука о проблеме образования Древнерусского государства

После крушения социалистического строя и распада Советского Союза произошла радикальная смена исследовательской парадигмы и исследовательских приоритетов, затронувшая обществоведческие дисциплины и среди них прежде всего историю. В методологическом плане это касалось в наибольшей степени ликвидации монополии марксистской концепции. Из марксистского инструментария, приложимого и к интересующей нас теме, наибольшей критике подверглись классовый подход и формационная теория с ее детерминизмом исторического процесса и жесткой пятичленной схемой развития человечества. Никакие политические, вненаучные факторы не могут воспрепятствовать современному исследователю применять в своей деятельности любые методы и теории познания, философские системы и исследовательские приемы. В современных условиях высшим критерием научного исследования становится принцип объективности⁵⁷.

⁵⁶ Кашанина Т. В. Происхождение государства и права. С. 79.

⁵⁷ Волков В. К. Российское славяноведение: вчера, сегодня, завтра (К 50-летию Института славяноведения и балканистики РАН) // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 24.

К 1992 г. российскими учеными подготовлен сборник «Власть и политическая культура в средневековой Европе». В предисловии к данному сборнику его ответственный редактор доктор исторических наук Е. В. Гутнова отмечала те моменты, которые ранее не привлекали внимание ученых или решались слишком однозначно: «Среди них – вопросы институциональной истории. Кажалось бы, давно и хорошо изученные сами по себе, средневековые политические институты оказались в исследованиях историков изолированными от характера социальной политики государства, от органов местного управления, опиравшегося на широкий базис разнообразных корпоративных институтов, пронизывавших все феодальное общество. Вместе с тем не получил достаточного освещения и вопрос об известной самостоятельности все более усложнявшегося аппарата власти, формировавшегося нередко в особую корпорацию»⁵⁸. Обращение непосредственно к рассмотрению института верховной власти в средневековой Европе было важным шагом на пути становления современной исторической школы. Одна из статей сборника обращалась

Новое поколение российских исследователей в последнее время непосредственно обращается к рассмотрению института верховной княжеской власти, условия и различные аспекты ее функционирования⁵⁹.

Всестороннему анализу в современной историографии подвергаются вопросы становления государственности восточных славян. Наиболее значимой представляется полемика М. Б. Свердлова и И. Я. Фроянова, отстаивающих различные точки зрения о путях становления феодализма в Древней Руси⁶⁰. В отличие от М. Б. Свердлова, И. Я. Фроянов считает, что Киевская Русь выступает не в форме раннефеодальной монархии, а в виде

⁵⁸ Власть и политическая культура в средневековой Европе. Ч. 1. М., 1992. С. 9.

⁵⁹ Рогов А. И. Образ идеального правителя в памятниках раннесредневековой восточно- и южнославянской гимнографии // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века. М., 1990. С. 22–24; Рогов В. А. К вопросу о развитии княжеской власти на Руси // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии. Сб. научных трудов. М., 1984. С. 51–75.

⁶⁰ Пузанов В. В. О спорных вопросах изучения генезиса восточнославянской государственности в новейшей отечественной историографии // Средневековая и новая Россия. Сб. научных статей. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб., 1996. С. 148–167. Свердлов М. Б. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 65. Пузанов В. В. К вопросу о княжеской власти и государственном устройстве в Древней Руси в отечественной историографии // Славяно-русские древности. Вып. 2. Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995. С. 210.

самоуправляющихся земель-волостей, во главе со старшим городом (городом-государством), при этом роль и функции князя однозначно определить невозможно⁶¹. Огромное значение имеет монография М. Б. Свердлова «Становление феодализма в славянских странах»⁶², в которой автор впервые в новейшей исторической науке рассматривает общественно-политическое развитие всего славянского региона. В работах А.А. Горского рассматриваются важные проблемы развития восточнославянского общества в раннесредневековый период⁶³. Раннесредневековой историей восточнославянского региона углубленно занимается и В.Я. Петрухин⁶⁴. В ряде статей А. В. Назаренко, активно использующего сравнительно-исторический метод, рассматривает проблему престолонаследия в Древней Руси⁶⁵. Еще более широко использует сравнительно-исторический метод Ю. М. Кобищанов, проанализировавший такое характерное для ранней истории Древней Руси явление, как полюдь⁶⁶.

Проблемы формирования древнерусской государственности и политического развития Древней Руси остаются в поле зрения

⁶¹ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1974. С. 118–149 и др. *Он же.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.: СПб., 1995. Его же. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. *Он же.* Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. *Свердлов М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. *Он же.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX веков. СПб., 1996.

⁶² *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.

⁶³ *Горский А. А.* О переходном периоде от доклассового общества к феодальному у восточных славян // СА. 1988. № 2. С. 116–131. *Он же.* Древнерусская дружина. М., 1989. *Он же.* Русь в конце X – начале XII века: территориально-политическая структура («земли» и «волости») // ОИ. 1992. № 4. С. 154–161. *Он же.* Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X в. // ВИ. 1999. № 8. С. 43–52.

⁶⁴ *Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Норманны и варяги. Образ викинга на западе и на востоке Европы // Славяне и их соседи. М., 1990. С. 14–17. *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI вв. М.: Смоленск, 1995. *Он же.* «Начало русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999. С. 220–226. *Он же.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I. (Древняя Русь). М., 2000. С. 13–401.

⁶⁵ *Назаренко А. В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X–XI вв.) // ДГ 1985 г. М., 1986. С. 149–157. *Он же.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации (типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. Т. I. М., 2000. С. 500–519.

⁶⁶ *Кобищанов Ю. М.* Полюдь и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 135–158. *Он же.* Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

и украинских историков. Ведущим украинским исследователям Н. Ф. Котляру и П. П. Толочко принадлежит ряд работ, затрагивающих косвенно или непосредственно проблему становления верховной власти в восточнославянском регионе⁶⁷.

Таким образом, в современной историографии анализ генезиса, функций и сущности института верховной власти в славянских государствах занимает существенное место в исторических исследованиях. Заметно (что чрезвычайно важно) изменение отношения к сущности княжеской власти, уже нет однозначной трактовки этого института, как защитника интересов господствующего класса. Отмечается, что целью политики князя является «забота о *всех* своих подданных и регулирование противоречий между ними»⁶⁸. Вполне закономерно связывается образование института наследственной княжеской власти со становлением прочных основ государственности. При этом указывается на важность учета всех факторов, явлений древнерусской жизни для создания целостной картины исторического развития славянских обществ, невозможность игнорирования одних факторов в угоду другим. «Актуален теперь, - отмечает М. Б. Свердлов, - не поиск одной определяющей черты в формировании Древнерусского государства, а выявление всей системы факторов, изученных на основе всех исторических фактов»⁶⁹. Целый комплекс проблем, связанных с институтом верховной власти – значение внешнеполитических акций в укреплении власти внутри государства, значение коронации, развитие титулатуры, становление наследственной власти и принципы наследования, смысл легенд и призвании князей, культы святых князей, идеологическое обоснование власти, отношение правящей династии к управляемой ею стране, функции правителя и его монополии (регалии),

⁶⁷ Котляр Н. Ф. Города и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1986. № 12. С. 74–90. *Он же*. «Отчина» и «деди́на» в летописи (как отражение этнической и социальной психологии в средневековье) // Славяне и их соседи. М., 1990. С. 20–22. Его же. Джерела складання та форми феодального землеволодіння в Давній Русі // УІЖ. 1984. № 2. С. 27–37. *Он же*. Север или юг (к вопросу о возникновении древнерусской государственности) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 29–32. *Он же*. Древнерусская государственность. СПб., 1998. Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992: *Он же*. Образ держави і культ володаря в Давній Русі // *Mediaevalia Ukrainica: ментальність та історія ідей*. Т. III. Київ, 1994. С. 17–46.

⁶⁸ Флоря Б. Н. Формирование государственности и зарождение политической мысли у славянских народов. С. 266.

⁶⁹ Свердлов М. Б. Образование Древнерусского государства (историографические наблюдения). С. 66.

формирование княжеской (государственной) администрации, роль княжеской дружины в укреплении власти правителя и становлении государственности и др. – нашел отражение в современных исследованиях.

Для современной исторической науки характерно комплексное использование письменных, фольклорных, археологических, этнографических и лингвистических источников, широкое применение метода сравнительно-исторического анализа. Изменилась и методика работы с традиционными письменными источниками, что «означает прежде всего более глубокое проникновение в смысл описываемых летописцами событий, открытие новых граней в летописных повествованиях, дано, казалось бы, полностью исследованных, в конечном счете – увеличение информации, извлекаемой современным ученым из летописей»⁷⁰. Поскольку значительного расширения круга письменных источников по истории раннесредневекового периода нельзя предвидеть, этот подход приобретает особое значение⁷¹. Необходимо также отметить, что к интереснейшим выводам приходили и дореволюционные историки, более активное использование их наследия может оказаться весьма перспективным.

2.2. Понятие государства и его генезис в славянском регионе

2.2.1. Понятие государства

Общепринятое, можно сказать классическое, понятие государства включает в себя три ключевых элемента: население, территория, объединенные общей властью⁷². В рамках марксистской концепции акцент был сделан на классовом, репрессивном характере государства и, соответственно, государственной власти. «ГОСУДАРСТВО, – согласно энциклопедическому определению Ф. М. Бурлацкого, – основной институт политической системы классового общества, осуществляющий управление обществом, охрану его экономической и социальной структуры; в классово антагонистических обществах находится в руках экономически господствующего класса (классов) и используется им прежде всего

⁷⁰ Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. М., 1988. С. 5–6.

⁷¹ Пузанов В. В. К вопросу о княжеской власти. С. 211.

⁷² Ловмянский Г. Происхождение славянских государств // ВИ. 1977. № 12. С. 182.

для подавления своих социальных противников»⁷³. В современной науке в определении понятия государства больший акцент сделан на властных отношениях. Так, по мнению английского ученого Роберта П. Вольфа, государство есть «группа людей, которая правит, издает законы, управляет социальными процессами и вырабатывает правила для социальных групп на определенных территориях и в пределах определенных границ». При этом, «кем бы ни был тот, кто издает закон, отдает команды и заставляет подчиняться им всех живущих на данной территории, он является государством»⁷⁴.

Всякое государство имеет две общие характерные черты: 1) использует силу с целью добиться подчинения своим командам; 2) претендует на право командовать и право подчинять, т.е. на то, чтобы быть легитимным. Легитимность, т.е. законность предполагает признание само собой разумеющимися и, главное, оправданными с правовой точки зрения, поступки того или иного лица или организации. Эта характеристика государства представляется наиболее важной, поскольку позволяет установить четкое различие между бандой грабителей и государственным аппаратом. Дело в том, что на ранних стадиях развития этот самый «аппарат» очень напоминал именно банду, т.к. состоял из небольшой группы хорошо вооруженных людей с главарем во главе. В отличие от «простой» банды, требованиям которой подчиняются по принуждению, под угрозой применения оружия, государственному органу с какого-то момента начинают подчиняться добровольно. Правитель претендует на право подчинять себе своих подданных. Если те не оказывают сопротивления, то, судя по всему, они не просто привыкли подчиняться, но и признают право государственных структур диктовать им свои условия. Это, собственно, и обеспечивало правителям возможность с помощью небольших вооруженных отрядов подчинять себе большие группы людей, которые чаще всего были достаточно хорошо вооружены и вполне могли отстоять свое право не подчиняться требованиям, которые они не признавали законными.

Основная функция государства, особенно на ранних этапах существования, заключается в защите интересов своих граждан, или подданных. Если этого не учитывать, то становится совер-

⁷³ Бурлацкий Ф. М. Государство // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 123.

⁷⁴ Вольф Р. П. О философии / Пер. с англ. под ред. В. А. Лекторского и Т. А. Алексеевой. М., 1996. С. 403, 142.

шенно непонятным, как «народные массы» могли мириться с существованием аппарата, который осуществляет насилие над ним? Необходимо согласиться с тем, что всякое государство решает некие задачи, имеющие значение для каждого из тех, над кем оно стоит. Смириться с насилием над собой человек может лишь в том случае, если он понимает, зачем оно нужно. Т.о., изначально государство – хотя бы декларативно – защищает интересы не только господствующей социальной группы (класса), но также общества в целом и каждого из своих граждан (или подданных) в отдельности. Другой вопрос в том, насколько эффективно оно это осуществляет.

Итак, государство это закономерный возникший на определенной стадии исторического развития орган управления, обеспечивающий целостность социального организма, его нормальное функционирование и воспроизводство, защиту от внешней и внутренней опасности.

Вопрос о происхождении государственной власти, который вполне обоснованно можно свести к вопросу о возникновении государства, долгое время в советской историографии решался всецело в рамках марксистской концепции. Вопрос о происхождении семьи, социальной (классовой) дифференциации общества и государства получил обстоятельное освещение в работе Ф. Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”. Согласно мысли ученого, в каждой общине “существуют с самого начала известные общие интересы, охрану которых приходится возлагать на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества: таковы – разрешения споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; наконец, на ступени первобытно-дикого состояния – религиозные функции... Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, в других – столкновение интересов между отдельными общинами, группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей... отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода орга-

нах...”⁷⁵. Далее ученый подчеркивает, что государство «есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходима сила, которая бы умеряла столкновения, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».

Марксистское понимание сущности государства, как главным образом репрессивной структуры, а также убежденность в прямой и жесткой зависимости между такими явлениями, как формация, классовое общество, государство, приводили к характеристике государственной власти, как отвечающей прежде всего интересам господствующего класса (в феодальном обществе, соответственно, феодальным землевладельцам). Государство, по мысли советских историков-марксистов, не может существовать вне одной из первых классовых формаций – рабовладельческой или феодальной. Отсюда идет столь заметная в советской историографии тенденция искать элементы феодализма с момента зарождения государственности и стремление как можно более удревнить господство феодальных отношений⁷⁶. При этом возникала значительная проблема в характеристике периода, предшествовавшего образованию феодального государства, для которого были предложены различные обозначения: “дофеодальный”, “протофеодальный”, “предфеодальный”, “полупатриархально-полуфеодальный”⁷⁷. Эти обозначения не только не несут, по мнению Л. В. Черепнина, позитивного содержания и

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 184. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы философии. 1965. № 10.

⁷⁶ Довженко В., Брайчевский М. О сложении феодализма в Древней Руси // ВИ. 1950. № 8. С. 63. Довженко В. И. Землеробство в древней Руси до середины XIII ст. Киев, 1961; Брайчевский М. Ю. Про початкову форму феодальної експлуатації Київської Русі // Вісник Академії УРСР. 1959. № 4. С. 64. Довженко В. И. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972. С. 92–106.

⁷⁷ Темушев С. Н. Переход от первобытности к феодализму в славянском регионе // Теоретико-методологические проблемы исторического познания. Материалы к международной научной конференции. В 2-х т. Т. 1. Мн., 2000. С. 124–128.

не дают сущностной характеристики периода⁷⁸, но и изначально задают направление развития общества в сторону феодализма, хотя в нем самом могут в равной мере наблюдаться различные социально-экономические уклады⁷⁹, и лишь ряд обстоятельств, важнейшим из которых можно считать “международный фон”⁸⁰, предопределяют путь дальнейшего развития.

Определяющим признаком феодализма в советской историографии было признано существование государственной или частновотчинной собственности на землю, при которых у непосредственных производителей посредством внеэкономического принуждения отчуждался прибавочный продукт. Но в славянских государствах, в том числе и на Руси, княжеское индивидуальное землевладение возникает сравнительно поздно⁸¹, по крайней мере, уже после оформления государственности. Поэтому многими историками (М. Б. Свердлов, А. А. Горский и др.) основной акцент сделан на существование государственной собственности на землю, изначально в форме так называемого “окняжения”. Однако “окняжение” земель – присоединение к основному ядру Древнерусского государства новых территорий и распространение на них верховной власти киевского правителя – не означает перехода к князю верховной собственности на эти земли, которые еще долго остаются собственностью племени⁸². По мнению современных исследователей, и полюдь, аналогичные примеры которого мы находим во многих предгосударственных и раннегосударственных обществах⁸³, не несет в себе элементов ни феодализма, ни рабовладения, поскольку возникает при первобытнообщинном строе в связи с функциональной дифференциацией общества (выделение вождей, жрецов и т.п.) и укрепляется в связи с возникновением социальной

⁷⁸ Черетин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черетин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972. С. 145.

⁷⁹ Юшков С. В. К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук. 1947. Вып. X. С. 37–87.

⁸⁰ Барг М. А. Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973. С. 32.

⁸¹ Черетин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности. С. 155, 157–159.

⁸² Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // ДГ 1992–1993 годы. С. 18.

⁸³ Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.

дифференциации общества⁸⁴. Таким образом, представляется невозможным отнести раннегосударственные славянские объединения к феодальной формации. Возникает необходимость поиска принципиально иной, отличной от марксистской, схемы развития обществ, вышедших из первобытного состояния.

Проблемы политического развития ранних обществ получили всестороннее рассмотрение в рамках одного из направлений в этнологии, для обозначения которого в европейской и американской науке используется термин “политическая антропология”. Советский ученый Л.Е. Куббель предлагает называть эту этнографическую субдисциплину “потестарной и политической” или же “потестарно-политической” этнографией⁸⁵. Это направление на Западе активно развивалось еще в 50–60-е гг.⁸⁶, у нас же получило импульс только в последнее время. Некоторые выводы, к которым пришли политантропологи, позволяют устранить обнаруживаемую несостоятельность марксистской концепции в характеристике переходного периода от родоплеменного строя к феодальному. Прежде всего, государство рассматривается в политической антропологии не как репрессивная машина, в рамках которой государственная власть является выражением интересов господствующего класса, а как система, обеспечивающая жизнедеятельность общества, как единого политического организма. Основными признаками государства называются: наличие отчужденной от народа власти, функции которой выполняются особой системой органов и учреждений; наличие права, закрепляющего систему норм, которые обеспечивают функционирование общества; наличие территории, на которую распространяется государственная власть⁸⁷. Таким образом, государство понимается как институционно оформленная социально-политическая система, обеспечивающая функционирование общества⁸⁸. К приведенным выше признакам

⁸⁴ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований. С. 18. См. также: Темушев С. Н. Переход от первобытности к феодализму в славянском. С. 124–128.

⁸⁵ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 241–277.

⁸⁶ В следующей статье содержится уничтожающая критика данного направления: Кейзеров Н. М., Мальцев Г. В. Современные буржуазные теории происхождения политической власти // СЭ. 1974. № 6. С. 148–160.

⁸⁷ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований. С. 19.

⁸⁸ Service E. R. *Origins of the State and Civilization. The Process of Cultural Evolution*. N.Y., 1975. P. XII–XIII; см. также: Cohen R. Introduction // *Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution* / R. Cohen and E.R. Service. Philadelphia, 1978. P. 1–21.

добавляют также наличие постоянно функционирующей системы налогообложения, естественно вытекающей из необходимости содержания институтов власти⁸⁹.

2.2.2. Внутренние и внешние факторы генезиса государства

Основным процессом, приводящим к становлению государства необходимо считать процесс социальной дифференциации, стратификации общества, который в советской исторической науке принято было называть классовообразованием. Основным содержанием процесса классовообразования являются: «разложение первобытного эгалитаризма; постепенное появление отдельных лиц, групп, прослоек и слоев, занимавших различное положение в производстве, распределении, общественной и религиозной жизни; развитие имущественного неравенства, различных форм внутренней и внешней зависимости и эксплуатации; прогрессирующее общественное разделение труда, формирование слоя, контролирующего производство и распределение, руководящего обществом, и его дальнейшее превращение в господствующий класс, тем или иным способом узурпирующий совокупный прибавочный продукт»⁹⁰.

Необходимой предпосылкой социальной дифференциации было появление регулярного прибавочного продукта, отличие которого от избыточного продукта заключается в большей стабильности и гарантированности, меньшей зависимости от экологической обстановки⁹¹. Эта точка зрения, хотя и доминирует в том числе и в западных исследованиях, тем не менее не является единственной. Так, по мнению Ю. Харнера ограниченность ресурсов является более фундаментальным фактором в эволюции социальной структуры⁹². Как бы то ни было, именно в развитии производства необходимо искать ту грань, которая позволила перейти на новую стадию развития общества. Без развития сферы производства

⁸⁹ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований. С. 19. Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 245–246.

⁹⁰ Хазанов А. М. Классовообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 125.

⁹¹ Там же. С. 127, 129.

⁹² Harner M. J. Population pressure and the social evolution of agriculturists // Southwestern Journal of Anthropology / 1970. Vol. 26. №1. P. 71.

невозможно было бы выделение особой руководящей прослойки, освобожденной от непосредственной деятельности, связанной с этой сферой. При этом “любое производство на любом уровне своего развития нуждается в регулировании”⁹³.

Этнологами на материале большого числа древних и современных обществ выделяется несколько этапов формирования государственных структур от эгалитарного (первобытнообщинного) и ранжированного к стратифицированному и, наконец, классовому общественному устройству, которым соответствует определенная потестарно-политическая структура⁹⁴. Показателем социального развития таких обществ выступает не социальная или имущественная, а функциональная дифференциация⁹⁵. Ее появление определяет становление “ранжированного” (или “племенного”) общества, характеризующегося тем, что “число статусов повышенной ценности ограничено так, что далеко не все, обладающие способностью занимать данный статус, имеют его”⁹⁶. В рамках ранжированного общества начинают зарождаться первые потестарные и потестарно-политические структуры. Еще в эгалитарном обществе выделяется вождь, на новом же этапе наблюдается иерархия вождей, возникшая в силу соподчиненности территориальных образований различного уровня: местных, областных и т.д. Каждый вождь на своем уровне выполняет общие социальные, политические, экономические и религиозные функции, обеспечивающие жизнь общества⁹⁷. В отличие от государственной организации, права и обязанности вождей одного уровня идентичны, но расширяются при переходе на следующий уровень. Формирование потестарно-политических структур напрямую увязывается с перераспределением избыточного продукта, доступ к которому обеспечивает выделение и укрепление института вождей и формирование племенной аристократии. Важнейшим отличием политического устройства ранжированного общества является выделение центральной власти, обособленной от массы

⁹³ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография. С. 257.

⁹⁴ Fried M. The Evolution of Political Society. N.Y., 1967. *Idem*. On the Evolution of Social Stratification and the State // Culture in History. Essays of P. Radin. N.Y., 1960. P. 713–731. Service E. R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective. N.Y., 1971. The Evolution of Social Systems / J. Friedman, M. J. Rowlands. L., 1978.

⁹⁵ Черных Е. Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 250.

⁹⁶ Fried M. The Evolution... P. 109.

⁹⁷ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований. С. 20.

населения, стоящей над внутриобщинным управлением и сосредоточивающей выполнение различных функций, гл. о. контроль над распределением избыточного продукта, поддержание экономических и социальных структур, сложившихся в обществе, организацию общественного труда⁹⁸.

Каким же образом в рамках стабильного эгалитарного общества появляется новый институт вождя, в корне противоречащий первобытному демократизму. Лидерство вообще присуще человеческому обществу с самого начала его существования и своими истоками оно восходит к сообществу стадных млекопитающих⁹⁹. Но в человеческом обществе лидерство имеет совершенно иной характер¹⁰⁰, обусловленный необходимостью осуществлять в нем руководство по координации производства, социальной и духовной жизни и т.д.¹⁰¹ Вообще, исходным пунктом возникновения властных отношений послужила потребность в регулировании функционирования общественного организма. "Такая потребность, несомненно, ощущалась уже на самых ранних стадиях эволюции человеческого общества. В ее основе лежит необходимость обеспечить прежде всего функционирование того или иного объединения людей как самовоспроизводящейся единицы, в частности распределение имеющихся в распоряжении естественных ресурсов, которое бы позволило данной группе сохраняться и обеспечивать нормальное биологическое воспроизводство своего численного состава"¹⁰². Власть, которая изначально имеет тенденцию к персонификации, в этом смысле присутствует в человеческом обществе с самых древних времен и ее задачи в целом не меняются. "Это, во-первых, сохранение целостности данного социального организма, противодействие любым внешним и внутренним факторам, угрожающим такой целостности. Во-вторых, обеспечение нормального функционирования этого организма. Обе задачи находятся в теснейшей взаимосвязи и немыслимы одна без другой"¹⁰³. В эгалитарных обществах положение лидера, которого в этнологической литературе принято называть предводителем, основана еще только на престиже,

⁹⁸ Там же. С. 20–21.

⁹⁹ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы. С. 149.

¹⁰⁰ *Sahlins M.* The Social life of Monkeys Apes and Primitive Men // *Readings in Anthropology*. NY, 1968. Vol. II. P. 193.

¹⁰¹ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы. С. 149–150.

¹⁰² Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография. С. 245.

¹⁰³ Там же.

который легко может быть оспорен другим лицом. Предводительство еще не предполагает власти авторитета – побуждения других к желаемым действиям без применения силы или угрозы ее применения¹⁰⁴ – и тем более принудительной власти. С началом процесса общественной стратификации функции предводителей становятся гораздо более сложными и разнообразными. В этнологии за некоторыми предводителями подобного типа закрепилось название “бигмен” (*big man* – “большой человек”). “Авторитет и высокий статус, влекущие за собой соответствующее влияние на общественные дела, бигмен не наследует, а приобретает в первую очередь путем умелого использования своего богатства, его перераспределением с целью привлечения к себе последователей и сторонников. Последние, в свою очередь, способствуют увеличению богатства и авторитета своего предводителя”¹⁰⁵. Бигмен – еще неформальный лидер, возглавляющий отдельные центры редистрибуции, т.е. осуществляет контроль над распределением своеобразного общественного страхового фонда для помощи малоимущим, расходования на общественные нужды и т.д., формирующегося за счет передачи соплеменниками части прибавочного продукта¹⁰⁶. Усложнение, дифференциация социальной организации с необходимостью приводила к формализации руководства, при этом многие структурные подразделения общества приобретали своих предводителей, статус и авторитет которых зависел от их личных качеств и поступков. По мысли А. М. Хазанова, формальные предводители были непосредственно связаны с так называемой корпоративной собственностью на землю, возникающей при переходе к производящему хозяйству. Важнейшей функцией формальных предводителей как раз становится охрана прав собственности, что способствует постепенному возникновению и развитию наследственного принципа¹⁰⁷.

Проблема возникновения наследственности статуса предводителя признается одной из самых сложных в политической антропологии. Но в целом указывают на решающее значение сочетания “первобытного ламаркизма” (вера в способность передачи по наследству благоприобретенных признаков) со своеобразным “первобытным дарвинизмом” (верой в то, что близкие

¹⁰⁴ См.: Там же. С. 247–248.

¹⁰⁵ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы. С. 150.

¹⁰⁶ Там же. С. 150, 130.

¹⁰⁷ Там же. С. 152–153.

родственники и потомство индивида разделяют присущие ему особенности)¹⁰⁸.

Как бы то ни было статус и ранг предводителя, чья власть постепенно превращается в наследственную, растет там, где для нормального функционирования общества или даже для его выживания важную роль играют совместные работы, внешние обстоятельства (враждебное окружение, натиск соседей) стимулируют внутреннюю интеграцию и т.д., т.е. там, где повышается роль организаторской функции¹⁰⁹.

Постепенно в обществе в силу ряда обстоятельств начинает утверждаться редистрибуционная система (своеобразный общественный фонд, куда отдельные семьи отдают часть прибавочного продукта), чье постоянное и бесперебойное функционирование, видимо, чрезвычайно важное на ранних этапах развития человечества, еще всецело зависевшего от природных условий, требует централизованное руководство ею. Наследственный принцип в замещении руководящей должности при этом впервые получает прочную экономическую и социальную основу. На первых порах социальной стратификации новое положение вождя отнюдь не влекло за собой его значительное имущественное отличие от соплеменников. «От вождей по-прежнему ожидали щедрости, помощи, всевозможных раздач и пиров. И несмотря на то что средства для этого вождь черпал уже не только из своих личных доходов, но и из общественных фондов, подобное поведение способствовало укреплению его позиций»¹¹⁰. Тем не менее постепенно имущественное положение вождей начинает все более отличаться от рядовых общинников. Вожди и их близкое окружение освобождается от участия в непосредственном производстве и определенную долю совокупного прибавочного продукта присваивает под предлогом «расходов на предводительство». Сам доступ к управленческо-организационной деятельности означал и доступ к перераспределению общественного продукта. «...такое перераспределение открывало возможности относительно быстрого и устойчивого повышения авторитета, престижа и социального статуса лиц, осуществлявших организационно-управленческие функции, а вслед за этим – и тех общин, семейных или соседских, к которым последние принадлежали»¹¹¹. Здесь еще

¹⁰⁸ Там же. С. 154.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 158.

¹¹¹ История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988. С. 194.

нельзя говорить о принудительном характере присвоения, функции предводителя были жизненно необходимы обществу, которое добровольно поощряло эту общественно полезную деятельность. Однако, помимо внутренних форм социальной дифференциации существовал еще внешний путь (рабство и данничество)¹¹², которые еще более способствовали возвышению вождя и формированию слоя аристократии.

По мере углубления социальной стратификации структура общества приобретает тройкий вид: верхний слой составляет наследственная аристократия, средний – рядовые свободные полноправные члены общества, нижний – неполноправные индивиды и группы, подчиненные аристократии¹¹³. Социальная организация при этом приобретает все более многоступенчатый и иерархизированный вид.

Эти непосредственно стоящие на пороге государственности постестарно-политические структуры в политической антропологии получили наименование *chiefdom* – “вождество”¹¹⁴. Сам термин, признаваемый современными учеными наиболее приемлемым для обозначения рассматриваемых догосударственных структур¹¹⁵, включает в себе акцент на роль института вождя. По определению Э. Сервиса, это “промежуточная форма, вырастающая из эгалитарного общества и предшествующая всем известным примитивным государствам”¹¹⁶. Главными отличиями вождеств являются централизованное управление и наследственный иерархический статус. В современной исторической науке принято считать такой политический строй универсальным в период разложения родоплеменного строя. Стадиально он предшествует как рабовладельческим, так и феодальным государствам¹¹⁷.

В вождествах получение избыточного продукта достигалось различными путями – увеличением производительности труда, участием в обмене и торговле, военной деятельностью – но именно этот последний из названных путей получил наиболее яркое выражение. В случае удачи он позволял максимально быстро на-

¹¹² См.: Там же. С. 201–206, 209–212.

¹¹³ Там же. С. 160–161.

¹¹⁴ Сам термин предложен К. Обергом: *Oberg K. Indian Tribes of Northern Matto Grosso*. Washington, 1953.

¹¹⁵ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы. С. 161.

¹¹⁶ Service E. R. *Origins...* P. 15–16. См. также: *Chiefdoms: Power, Economy and Ideology* / T. Earle. Cambridge, 1991.

¹¹⁷ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований. С. 21.

ращивать прибавочный продукт, и, что также важно, значительно усилить авторитет вождя. По своим функциональным истокам статус вождя предполагал в первую очередь руководство военной деятельностью, при этом сохранялись и другие элитарные статусы (старейшин, жрецов). “Концентрация власти в руках вождей вела к еще большей “военизации” политических институтов, поскольку общество было ориентировано на военный способ добывания прибавочного продукта”¹¹⁸. Этим обстоятельством объясняется повсеместное возрастание военной активности при переходе от вожеств к государству¹¹⁹. Именно это обусловило широкое распространение в отечественной науке обозначения, вслед за Л. Морганом, рассматриваемого периода эпохой военной демократии¹²⁰.

Остановимся подробнее на проблеме значения войны в процессе стратификации общества (классообразования). Война, как особое социальное явление, оказывает многогранное и значительное влияние на развитие обществ, особенно это характерно для ранней истории человечества. Война способствует своеобразному отбору тех групп, которые обладают более сильной и централизованной организацией. При этом такие общества стремятся чаще прибегать к военным акциям, которые, в свою очередь, находят соответствующий “ответ” в подвергаемых внешним воздействиям обществах. Войны могут вызывать концентрацию населения, способствующую укреплению централизованной системы управления. Ослабление кровнородственных и укрепление территориальных связей и, в целом, разложение традиционных общественных структур также вызывались войнами. И, наконец, успешные войны укрепляли позиции руководящего слоя не только в престижном, но и в материальном отношении¹²¹. Указывается также на решающую роль войн в формировании или, по крайней мере, определении конкретной специфики некоторых ранних государств. При этом различают войну-грабеж, характерную для раннего этапа классового образования, и войну-завоевание, особенно характерную для заключительной стадии общественной стратификации¹²².

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности... С.212–216. *Turney-High H. Primitive War. Its Practice and Concepts.* Columbia Univ., 1971. *The Anthropology of War* / J. Haas. Cambridge, 1990.

¹²⁰ Хазанов А. М. «Военная демократия» и эпоха классового образования // ВИ. 1968. № 12. С. 87–97. Косвен М. О. К вопросу о военной демократии // Проблемы истории первобытного общества. М.: Л., 1960. С. 241–260.

¹²¹ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы. С. 138–139.

¹²² Там же. С. 139.

Однако, сколько бы ни был важным внешний фактор в социальном развитии обществ, нельзя ни в коей мере сводить все процессы к нему одному. Необходимо учитывать сочетание внутренних и внешних условий, дополняющих друг друга. Попытки объяснить развитие государственности лишь одним фактором ведут к одностороннему преувеличению его роли и опровергаются сравнительным материалом¹²³. “Так, выдвижение внутреннего экономического развития как доминирующего условия для возникновения процессов образования государства входит в противоречие с существованием ряда обществ, где возможности увеличения прибавочного продукта не только не привели к становлению развитого стратифицированного общества и государства, но не использовались вообще, и общество ограничивалось простым воспроизводством. Повышенная военная активность – повсеместный спутник процессов образования государства – также не ведет автоматически к его возникновению”¹²⁴.

Первоначально формируясь в рамках однородного этнически организма – племени, вождество постепенно включает в свой состав другие племена на основе конфедерации, завоевания или подчинения в форме обложения данью. “В этих условиях неравенство социальных статусов в доступе к использованию и присвоению избыточного продукта вызывало нарастание социальной и имущественной (в дополнение к функциональной) дифференциации, закрепление которой в иерархии статусов характеризует следующий этап общественного развития – стратифицированное общество”¹²⁵. Дифференцированность власти является важнейшей характеристикой этого общества, непосредственно стоящего на пороге государственности. По словам М. Фрида, “раз существует стратификация, то предпосылки государственности уже созданы и действительное формирование государства уже началось”¹²⁶. В этот период резко возрастает роль центральной власти. Сохраняющиеся основные функции предшествующего времени упорядочиваются и дифференцируются. В деятельности по руководству обществом в этот период

¹²³ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований. С. 19.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. С. 21.

¹²⁶ Fried M. The Evolution... P. 185. См. также: *Idem*. The State, the Chicken, and the Egg: or, What Came First? // Origins of the State. P. 49–68.

выделяют три основные функции: организационно-управленческую, задачей которой является регуляция его социальной и производственной жизни, религиозно-идеологическую, т.е. обеспечение благополучия общества со стороны сверхъестественных сил, идеологическое освящение единства и социальной стабильности, частично также накопление и использование полезных знаний, и, наконец, военную¹²⁷. При этом наряду с перераспределением возникает организованный сбор прибавочного продукта (в форме фиксированных даней). Одной из основных функций государства становится охрана складывающейся территории, на которую распространяется власть правителя¹²⁸. Особенностью политической системы зарождающегося государства является формирование органов управления центральной власти из представителей военной организации – княжеской дружины. Она наряду с чисто военными функциями – подчинение новых территорий и их интеграцию в государственную систему, охрану “своей” территории и организация завоевательных и грабительских походов – осуществляет сбор прибавочного продукта и его перераспределение и непосредственное управление¹²⁹. Особая роль военной организации (славянской “дружины”) позволила ряду англо-американских антропологам назвать такой тип государства “военным” (military), Е. А. Мельникова считает более уместным термин “дружинное” государство¹³⁰.

В современной науке уже не усматривают классового характера в социальной стратификации ранних государственных образований. Социальная стратификация здесь основывается на отношении к прибавочному продукту, а не к средствам производства. При этом наблюдается нерасчлененность различных укладов: патриархального с родовыми и территориальными общинами, рабовладельческого (патриархальное рабство) и феодального¹³¹. Отмечаемый этнологами универсализм древнейшей формы государства переживали в своей истории все народы.

Окончательный переход к политическому обществу означал появление власти нового типа, не связанной с массой населения в

¹²⁷ Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы. С. 163.

¹²⁸ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегогосударственных образований. С. 22.

¹²⁹ Горский А. А. Древнерусская дружина. М, 1989.

¹³⁰ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегогосударственных образований. С. 22.

¹³¹ Там же.

реализации властной воли¹³². Последнее было возможно только при наличии характерных черт новой власти, экономических, социальных и организационных. Во-первых, экономической основой новой власти становилась постоянно функционирующая система налогообложения. “Но отделение власти от народа, равно как и бесперебойное функционирование системы налогообложения в качестве экономической основы политической власти, были бы немыслимы, если бы их не обеспечивала специализированная часть складывавшегося аппарата управления – специализированная в первую очередь на принуждении, на подавлении сопротивления актам власти внутри самого своего общества.”¹³³ Это превращение внутреннего подавления в самостоятельную функцию власти и знаменовало, по мнению некоторых исследователей, появление государства. При этом военный персонал (дружина), непосредственно подчиненный вождю, составлял ту силу, которая могла быть направлена и для регулирования внутренних отношений. Третьей важнейшей характеристикой нарождающегося государства называется переход от родоплеменного деления к территориальному. Важно то, что территориальное деление в основе административной структуры способствовало усилению власти вождя-князя и резко ослабляло влияние традиционной родоплеменной знати. Итак, важнейшими характеристиками нарождающейся государственности являются:

1. Превращение различных, изначально не институционализированных способов изъятия прибавочного продукта (отчуждения) в постоянно функционирующую систему налогообложения;

2. Возникновение независимой от основной массы населения публичной власти, располагавшей специализированным аппаратом внутреннего подавления;

3. Переход к территориальному делению этноса вместо родоплеменного¹³⁴.

Таким образом, развитие института власти вождя, в славянском регионе – князя, является ключевым фактором в эволюции эгалитарного (первобытного) общества к государственности. Формирование публичной власти было напрямую связано с политическим развитием общества, и сила этой власти была залогом не только нормального его функционирования, но и условием существования.

¹³² Там же. С. 244.

¹³³ Там же. С. 245.

¹³⁴ Там же. С. 244–247. См. также: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 160–164.

2.3. Восточная Европа в IX в.: этническая ситуация и геополитическое положение

2.3.1. Народы и государства Восточной Европы в IX в.

В IX в. огромные пространства Восточной Европы оказались заселены славянами. Немногочисленное местное балтское и финно-угорское население, попавшее в ареал славянского расселения, очень скоро было интегрировано в восточнославянское общество, постепенно утрачивая свои антропологические и культурные особенности. Быстрое продвижение славян и заселение ими земель, отнюдь не пустующих, обуславливало и насильственный характер вытеснения местного населения.

Но на периферии аборигенные племена были в меньшей степени затронуты славянской экспансией и часто принимали активное участие в истории восточноевропейского региона. В составе оформившегося в конце IX в. Древнерусского государства насчитывают 22 разноразличных народа. В Повести временных лет среди народов «колена Афетова», «иже дань дают Руси», названы: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, ямь (емь), либь (ливы) – финно-угры; литва, зимигола (зимегола), корсь (куршы) – балты или летто-литовские племена, и какая-то загадочная норома.¹³⁵ Упомянуты также более отдаленные заволочская чудь и угра (югра). В более поздних источниках встречаются водь, ижора, корела и мещера, обитавшие на уже освоенной славянами территории. В отношениях с этими и другими балтскими и финно-угорскими племенами восточные славяне были более активными, подавляя их в политическом и идеологическом отношении, хотя в культурном отношении они мало отличались от кривичей или словен¹³⁶. Тем не менее, в отличие от западноевропейской экспансии более позднего времени, физически уничтожившей целые народы («крестовые походы» против язычников славян и балтов), отношения соседних племен со славянами не вели к ломке их этнической структуры. В Прибалтике эстонские области позднее объединятся в «Чудскую землю», а интеграция литовских племен приведет в итоге к созданию мощного государства. В Поволжье консолидируются мордва, черемисы (мари); севернее пермь и печора образуют народ коми;

¹³⁵ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 10.

¹³⁶ Седов В. В. Племена восточных славян, балты и эсты // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 183.

сохранятся и более отдаленные племена – лопари, самоеды, угра (ханты-манси)¹³⁷.

Восточнее славянского расселения в волжско-камском междуречье соперником славян в подчинении поволжских племен и в то же время важным торговым партнером выступала Волжская Булгария. Это государство было осколком «Великой Булгарии» – военно-политического объединения первой половины VII в. в Приазовье, которое не смогло устоять под напором воинственных соседей, прежде всего Хазарского каганата. Тюрко-болгары, не желавшие покориться хазарам, ушли на запад. Подчинение ими славян на Балканах привело к возникновению Дунайской Болгарии – уникального государства, в котором были синтезированы два принципиально разных жизненных уклада: оседлый, земледельческий славянский и кочевой болгарский¹³⁸. Разошлись судьбы и болгар, оставшихся в Северном Причерноморье и Приазовье. Часть из них расселилась в Среднем Поволжье, потеснив проникших сюда ранее славян. Но надежные источники свидетельствуют о том, что славянское население сохранилось в пределах Волжской Булгарии. В начале X в. волжские болгары решили освободиться от власти хазар, для чего стали вести переговоры с багдадским халифом ал-Муктадиром (908–932). Для упрочения союза болгары готовы были принять ислам. В 931 г. в Волжскую Булгарию из Багдада было отправлено посольство Сусана ар-Расси, секретарем при котором был Ибн Фадлан. Ибн Фадлан в своей «Записке» зафиксировал интереснейшие данные о собственно Волжской Булгарии, до которой он добрался в 922 г., и народах Восточной Европы¹³⁹. В сочинении арабского путешественника население Среднего Поволжья представляется полиэтническим. Военная и политическая элита государства происходила из племени болгар (как и сам хан Алмуш), в то время как основное население было славянским (ас-сакалиба). Болгарского хана Ибн Фадлан называет «царем сакалиба», а подвластную ему территорию – страной Сакалиба¹⁴⁰.

Однако безусловно доминировал в IX в. в районе Северного Кавказа, Поволжья и Северного Причерноморья Хазарский кага-

¹³⁷ *Рябинин Е. А.* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. СПб., 1997. С. 5.

¹³⁸ *Литавин Г. Г.* К проблеме становления болгарского государства // *Литавин Г. Г.* Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999. С. 193–217.

¹³⁹ *Древняя Русь в свете зарубежных источников.* М., 1999. С. 213–215.

¹⁴⁰ *Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002. С. 254.

нат. Хазары – изначально кочевое племя в прикаспийских степях Северного Предкавказья – впервые зафиксированы источниками в начале VI в., тогда они серьезно беспокоили своими набегами персидское государство Сасанидов и даже захватили Грузию, Албанию и Армению. Во второй половине VI в. хазары оказались в составе Тюркского каганата и продолжили войну с Ираном уже в составе могущественного объединения (инициатором войны называют византийского императора). Междоусобицы в Тюркском каганате в итоге привели к его развалу. Именно в это время (30-е гг. VII в.) возникает «Великая Булгария», создают свое государство и этнически очень близкие болгарам хазары. В войне с болгарами хазары выходят победителями. Преследуя врагов хазары продвинулись почти до Дуная, захватив не только приазовские степи, но и Северное Причерноморье и часть степного Крыма. К началу VIII в. Хазарский каганат, представляющий собой объединение нескольких кочевых племен, уже охватывал степи и предгорья современного Дагестана и Прикубанья, приазовские степи, частично степи Северного Причерноморья и большую часть Крыма с приморскими городами (Херсонес по соглашению с Византией остался в подчинении Константинополя)¹⁴¹.

Важнейшей внешнеполитической задачей Хазарии стало подчинение Закавказья, где она столкнулась с арабами. Молодой, пассионарный этнос арабов, объединенный монотеистической религией, совершал широчайшие завоевания на Ближнем Востоке. Общая расстановка сил в регионе Кавказа и Передней Азии по отношению к предыдущему времени не изменилась, единственно арабы заменили персов. Но если Византийской империи после 718 г. удалось отразить арабский натиск, то для Хазарии войны с арабами стали едва ли не губительными. Есть сведения о том, что дважды (в 737 и 825 г.) хазары вынуждены были принимать ислам¹⁴². Однако наибольший интерес исследователей в истории Хазарского каганата вызывает то обстоятельство, что в качестве государственной религии в нем был принят иудаизм. Произошло это при кагане Обадии приблизительно на рубеже VIII и IX вв. В результате этой акции Обадия, по словам арабского историка и географа ал-Мас'уди (ум. 956), «стали стекаться к нему иудеи из разных мусульманских стран и из Рума»¹⁴³. Однако археологи

¹⁴¹ Плетнева С. А. Хазары. М., 1986. С. 13–23.

¹⁴² Вернадский Г. В. Древняя Русь. М.: Тверь, 1996. С. 296.

¹⁴³ Цит. по: Плетнева С. А. Хазары. С. 63.

совершенно не находят следов иудаизма ни в одном из памятников, оставленном хазарами¹⁴⁴. Видимо, эта религия стала достоянием небольшой части хазарской элиты. Появление иудеев и иудаизма в Хазарии, если не вызвало, то только усилило междоусобную борьбу в государстве. Внутренние и внешние затруднения привели к утрате контроля над причерноморской степью. Под давлением печенегов верные союзники хазар венгры (угры) вынуждены были откочевать на запад. К концу IX в. печенеги полностью овладевают степью вплоть до Дуная¹⁴⁵. В культурном отношении печенеги были гораздо ниже прежних соседей славян с юга, что, впрочем, компенсировалось их особой свирепостью. По свидетельству Константина Багрянородного, когда византийцы попытались направить венгров против печенегов те ответили: «Сами мы не ввяжемся в войну с пачинакитами, так как не можем воевать с ними, – страна их велика, народ многочислен, дурное это отродье»¹⁴⁶. Печенеги появились в причерноморских степях в тот момент, когда хазары теряли свои позиции и на славянских землях.

Об отношениях славян и хазар в IX в. содержится информация в древнерусских летописных сводах (в Начальном своде, обнаруживаемом в Новгородской Первой летописи младшего извода, подобные сведения отсутствуют). Так, оказывается, что поляне, северяне и вятичи вынуждены были платить дань хазарам «по белой веверице от дыма»¹⁴⁷ еще до появления на юге варягов (по летописной хронологии в 859 г.). Из последующих событий (885 г.) становится ясно, что и радимичи платили дань хазарам («по щелягу»)¹⁴⁸. Возможно подчинение славянских племенных союзов осуществлялось хазарами постепенно. Ликвидация зависимости восточнославянских племен от хазар несомненно связана с деятельностью Олега в конце IX в. Как раз в это время внимание хазар было отвлечено борьбой с Дербентом, ставшим самостоятельным эмиратом¹⁴⁹, а также произошедшими переменами в Степи. Но не

¹⁴⁴ *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.: Иерусалим, 2000. С. 217.

¹⁴⁵ *Толочко П. П.* Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999. С. 54.

¹⁴⁶ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991. С. 45; В другом переводе: «какое-то порождение дьявола». *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000. С. 147.

¹⁴⁷ *Каштанов С. М.* Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А. И. Хорошкевич. М., 2003. С. 57–71. В последней публикации ПВЛ неверно: «по беде и веверице от дыма» (С. 12).

¹⁴⁸ Повесть временных лет. С. 14.

¹⁴⁹ *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 192–193.

так давно в научный оборот был введен документ, который косвенно свидетельствует о присутствии хазарских чиновников в Киеве еще в первой половине X в. Это так называемое Киевское письмо. Документ этот найден недалеко от Каира, написан он еврейским шрифтом, и из его содержания становится ясным, что составлен он еврейской общиной Киева для задолжавшего члена этой общины Мар Яакова бен Р. Ханукки с просьбой к другим «святым общинам» не отказать в благотворительности. В конце документа хазарским руническим письмом проставлена резолюция: «я читал». Первый исследователь Киевского письма Норман Голб датирует его X веком¹⁵⁰. Скептически к такой датировке и следующим за ней выводом о хазарском контроле над полянским союзом в это время относятся даже в западной историографии¹⁵¹.

Однако присутствие хазар на территории полян в более раннее время подтверждает найденный в Киеве могильник салтовского типа¹⁵². Еще более яркие следы присутствия хазар обнаружены на территории северян (волынцевская культура) – это остатки юртообразных жилищ на крупнейшем городище у с. Битица на р. Псел. Эти и другие археологические памятники позволяют сделать вывод о том, что под контролем хазар находились ключевые пункты, дававшие им власть над лесостепью Восточной Европы¹⁵³.

2.3.2. Южные и западные соседи восточных славян

Среди данников хазар не названы самые южные «племена» – уличи и тиверцы. Нет сведений и о подчинении их западными соседями – венграми. Эти славянские племена были настолько сильными, что их не смог покорить и Олег. Под 885 г. в Повести временных лет читаем: «И бе обладая Олег поляны, и древляны, и северяны, и радимичи, а съ уличи и теверцы имяше рать»¹⁵⁴. Но противостоять «свирепым» печенегам уличи и тиверцы не смогли. Обеспечив свое полное господство в степях Северного Причерноморья печенеги очень скоро начали беспокоить Византию. В 896 г.

¹⁵⁰ Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.: Иерусалим, 1997. С. 15–64.

¹⁵¹ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. С. 145.

¹⁵² Карьер М. К. Древний Киев. М.: Л., 1958. Т. I. С. 137.

¹⁵³ Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ 1999 г. М. 2001. С. 138.

¹⁵⁴ Повесть временных лет. С. 14.

в союзе с болгарами они нанесли поражение византийцам и еще более расширили свои владения.

В Дунайской Болгарии или так называемом Первом Болгарском царстве только к концу века завершился процесс слияния протоболгарской и славянской аристократии, тогда же были окончательно ликвидированы остатки самостоятельности Славиний, вошедших в состав государства. Уже в первой половине IX в. среди населения Болгарии стало господствовать христианство. В 865 г. этой религии был придан статус государственной, ближайшим следствием чего стало укрепление власти болгарского правителя¹⁵⁵. Болгария стала претендовать на гегемонию на Балканах, что привело к затяжной войне с Византийской империей, особенно острой на рубеже IX–X вв. Временный успех в этой войне позволил царю Симеону (893–927) в 925 г. провозгласить себя «василевсом», «царем, цесарем и самодержцем всех болгар и ромеев».

«Василевсом ромеев» называл себя правитель Византийской империи. Столица этого государства – Константинополь – была построена императором Константином I (306–337) на месте древнегреческой колонии Византий в 324–330 гг. Столица империи (пока формально единой), именуемая Новым Римом, получила название по имени создателя, а возникшее после официального разделения Римской империи в 395 г. новое государство – по названию древней колонии¹⁵⁶. Периоды упадка Византии сменялись расцветом, Очередной экономический подъем греческих городов в IX в. создал спрос на сырье, вывозимое в том числе и с территории Восточной Европы¹⁵⁷. Это в свою очередь определило важность торгового маршрута, получившего название «путь из варяг в греки». В IX в. Византия оставалась верна своей политике замирения и подчинения «варваров» посредством миссионерской деятельности. Но в новокрещенных землях сказывалась негибкость политики греков, которые вместе с христианством насаждали свое политическое господство. С «невозможностью организовать Византию за пределами ее самой»¹⁵⁸ связано то обстоятельство, что церковная организация первого собственно славянского государства – Великой Моравии – была подчинена Риму.

¹⁵⁵ *Литавин Г. Г.* Византийская система власти и болгарская государственность // *Литавин Г. Г.* Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999. С. 224–225.

¹⁵⁶ *История Европы.* Т. II. М., 1992. С. 85.

¹⁵⁷ *Литавин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 23.

¹⁵⁸ *Иванов С. А.* Византийское миссионерство. М., 2003. С. 177.

Время существования Великоморавской державы – ее расцвет и падение – целиком укладывается в IX век. Моравским князьям Ростиславу (846–870) и Святополку (871–894) удавалось объединять своей властью значительную территорию и противостоять германскому натиску¹⁵⁹. Но государственная структура Великой Моравии оставалась непрочной, о чем свидетельствует сохранение в отдельных землях (чешских, вислянских, лужицких) местных династий¹⁶⁰. В конце IX в. восточнофранкский (германский) король Арнульф в борьбе со Святополком решил воспользоваться кочевой ордой венгров. Под ударами венгров к 906 г. Великоморавская держава распалась. Но и Германия, объединенная в X в. саксонской династией, получила в лице венгров, обосновавшихся в Паннонии, упорного и надоедливой противника.

В развитии Великоморавской державы можно найти несомненные аналогии в эволюции политической структуры позднейшего Древнерусского государства. Еще большее сходство обнаруживаются с развитием Древнепольского государства. О государстве в висло-одерском междуречье можно говорить только со второй половины X в. К этому времени стал доминировать полянский племенной союз (княжение) с центром в Гнезно, правитель которого Мешко (ум. 992 г.) упрочил свое положение престижными династическими браками (так, его сестра вышла замуж за венгерского великого князя Гейзу¹⁶¹). Испано-еврейский путешественник X в. Ибрахим ибн Йа'куб писал, что страна Мешко «самая большая из их [славян] стран»¹⁶².

Письменные источники, которые позволили бы проследить процесс складывания Древнепольского государства, практически отсутствуют¹⁶³. Археологические же материалы говорят о том, что различные области висло-одерского междуречья развивались неравномерно. Наиболее существенные находки обнаруживаются либо в землях, богатых природными ресурсами и плодородными почвами, либо на пересечении транзитных торговых путей¹⁶⁴. Видимо, еще в первой половине I тысячелетия н.э. начинают форми-

¹⁵⁹ *Тржешттик Д., Достал Б.* Великая Моравия и зарождение чешского государства // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 91–94.

¹⁶⁰ *Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 82–84.

¹⁶¹ *Королюк В. Д.* Древнепольское государство. М., 1957. С. 129.

¹⁶² *Monumenta Poloniae Historica. Nova series.* T. I. Kraków, 1949. S. 50.

¹⁶³ *Свердлов М. Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 85–86.

¹⁶⁴ *Hensel W.* U źródeł Polski średniowiecznej. Wrocław-Warszawa-Gdańsk, 1974. S. 269.

роваться большие политические группировки в форме территориальных союзов¹⁶⁵. Предполагается, что во главе этих группировок стоял «князь», главной функцией которого была организация сил для противостояния внешнему давлению. В то же время в этот период главным условием прочности этих рыхлых образований была харизма его предводителя. В VI–IX вв. на территории современной Польши формируется ряд политических объединений, опирающихся на комплекс укрепленных городов¹⁶⁶. Исследователи предлагают называть эти объединения «племенными» княжествами или даже «племенными» государствами¹⁶⁷. В силу ряда обстоятельств, в том числе и внешнеполитических, политическим центром, собирающим польские земли, стал в период с середины IX до середины X в. племенной союз полян¹⁶⁸.

2.3.3. Викинги в Западной и Восточной Европе

IX век для большей части населения Европы прошел в постоянном страхе перед набегами организованных грабителей. В итальянском городе Модена жители возносили молитвы к святому Джеминьяно: «Против стрел венгерцев будь нашим защитником», в северной же Франции сложили молитву: «От свирепых норманнов, что опустошают наши царства, избави нас, Господи»¹⁶⁹. Исследователи говорят о настоящем шоке, который испытали жители западноевропейских городов в связи с немотивированной жестокостью норманнов, выходцев из Скандинавии, букв. «людей Севера» (данов, свеонов, ётов, норвежцев)¹⁷⁰. После распада Франкской империи (843 г. – верденский раздел)¹⁷¹ организовать защиту населения оказалась неспособна и государственная власть, не говоря уже об отдельных феодалах. «Все бегут», – записал около 862 г. монах Эрменгер¹⁷².

¹⁶⁵ Ibid. S. 271–272.

¹⁶⁶ Wojciechowski Z. Państwo polskie w wiekach średnich. Dzieje ustroju. Poznań, 1948. S. 3–4.

¹⁶⁷ Коралюк В. Д. Древнепольское государство. С. 83.

¹⁶⁸ Tymieniecki K. Początki państwa Polan // Przegląd Historyczny. 1959. Z. 1. S. 23.

¹⁶⁹ Блок М. Феодалное общество. М., 2003. С. 49.

¹⁷⁰ Гельмольд: «Войско норманнов было собрано из сильнейших среди данов, свеонов, и норвежцев», Эйнхард: «Даны и свеоны, которых мы зовем норманнами», Адам Бременский: «Даны и свеоны и прочие народы за пределами Дании историками франков все зовутся норманнами». Стрингольм А. Походы викингов. М., 2002. С. 26.

¹⁷¹ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 48–49.

¹⁷² Блок М. Феодалное общество. С. 62.

«Люди Севера» в разных странах были известны под разными именами: во Франции, как собственно норманны, в Англии – датчане, в Ирландии – финнгалл («светлые чужеземцы» – норвежцы) и дубгалл («темные чужеземцы» – датчане), в Германии – аскеманны, в арабской Испании – ал-урдуманийун¹⁷³, в Византии – варанги, на Руси – варяги. На родине они звались викингами¹⁷⁴. Предполагают, что это название происходит от глагола «vikja» – «уходить на сторону, сворачивать» и обозначало человека, покинувшего родину и ушедшего пиратствовать в море¹⁷⁵. Существует и множество других мнений об этимологии этого понятия. Важно также отметить, что в скандинавских странах «viking» могло означать и занятие, причем, вовсе не незаконное и потому осуждаемое. Земледелец легко на лето или несколько сезонов уходил в «viking», чтобы потом вернуться к своему прежнему занятию¹⁷⁶. «Варяга» русских источников связывают с древнесеверным «vaг» – «клятва, присяга, договор, соглашение», и производным от него «vбgingr» – «союзник, член корпорации». Термин «варяг», как впрочем, и «викинг» не имел этнического значения. Так, для арабов «варяг» – это воин-купец с побережья Балтийского моря¹⁷⁷. Название выходцев со Скандинавии некоторое время могло подменяться и термином «русы». В источниках различного происхождения (в том числе и в Повести временных лет)¹⁷⁸ русы напрямую отождествляются со скандинавами (даже точнее – свеонами)¹⁷⁹ (к этому вопросу еще вернемся). Со временем термин «русы» прочно утвердился за восточнославянским населением, но западноевропейские авторы, случалось, путали русов с «северными людьми». Епископ Кремоны Лиутпранд (X в.) писал: «Есть некий народ, живущий в северной части, который по физическим признакам греки называют русами, а мы по положению местности называем норманнами»¹⁸⁰.

¹⁷³ Калинина Т. М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // ДГ 1999 г. М., 2001. С. 200.

¹⁷⁴ Гуревич А. Я. Викинги // Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. I. М.: СПб., 1999. С. 82.

¹⁷⁵ Он же. Походы викингов. М., 1966. С. 80–81.

¹⁷⁶ Зимек Р. Викинги: миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов // ДГ 1999 г. С. 18.

¹⁷⁷ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. Прим. 65. С. 371.

¹⁷⁸ Повесть временных лет. С. 13. «Сиде бо ся зваху тѣи варязи русь, яко се друзии зъвутся свие, друзии же урмане, анъглыне, друзии гъте, тако и си».

¹⁷⁹ В Бертинских анналах: Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 288.

¹⁸⁰ Цит. по: Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002. С. 282.

Начало эпохи викингов традиционно связывается с событием 8 июня 793 г., хотя разбойничьи нападения «люди Севера» совершали и раньше. В этот день «язычники» обрушились на монастырь св. Кутберта на о. Линдисфарн (у восточного побережья Англии). Монахи были убиты, имущество богатейшего и наиболее почитаемого в Англии монастыря разграблено¹⁸¹. Говорят, св. Кутберт уже в следующем году призвал небесную кару на разбойников-викингов: их суда были разбиты бурей¹⁸². Но с 793 г. нападения викингов становятся постоянными. С жестокостью «свирепых норманнов» знакомятся все более отдаленные города и монастыри Европы. По судоходным рекам викинги проникают и вглубь континента. Дважды подвергался разграблению Париж (кстати, чтобы обойти крепость, викинги вытащили корабли на сушу). Не спасли крепкие стены множество других европейских городов: Кельн, Руан, Нант, Орлеан, Бордо, Лондон, Йорк¹⁸³. На некоторое время они подчиняют Англию¹⁸⁴. Кроме богатых городов викингов особо интересовали монастыри и церкви, в которых «наивные» христиане сознательно сосредотачивали богатства. Не имея возможности противостоять набегам, христиане все чаще прибегают к практике откупа. Сбор денег для викингов, чтобы те прекратили грабежи или отправились грабить в другое место, становится государственной политикой, к которой прибегают правители западноевропейских государств. В итоге сбережения Запада постепенно перетекают в Скандинавию¹⁸⁵.

Причины чрезвычайной активности скандинавов видят прежде всего в социально-экономических процессах, происходивших в их обществе. Социальное расслоение, разрушение родового строя привели к появлению племенной аристократии – хёвдингов, и руководителей общин – «могучих бондов». В условиях, когда еще не было создано государственного аппарата, дающего стабильное материальное обеспечение верхушке общества за счет основной массы населения, производящего блага, военно-грабительские мероприятия и международная торговля были едва ли не единственными, хотя и рискованными, возможностями получить значительное богатство. Возможно, свою роль сыграло и увеличение населения в Скандинавии, что привело к нехватке земель для земледелия и

¹⁸¹ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. С. 39.

¹⁸² Спринггольм А. Походы викингов. С. 27–28.

¹⁸³ Блок М. Феодалное общество. С. 26.

¹⁸⁴ Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 93–95.

¹⁸⁵ Блок М. Феодалное общество. С. 26–27.

скотоводства, а следовательно к обеднению населения¹⁸⁶. Намного ранее эпохи викингов благодаря развитию торговли жители Севера смогли познакомиться с более развитыми и богатыми странами, но выступать равными партнерами с ними «норманны» не могли. Куда эффективнее было силой отобрать у народов, опередивших викингов в культурном развитии и производстве материальных благ, их богатства. Привезенная домой добыча позволяла вождям вести привычный образ жизни, одаривать своих дружинников, устраивать для них пиры¹⁸⁷. Это обеспечивало престиж в обществе, а также особое положение и в потустороннем мире. Богатство, находящее выражение в серебряных и золотых монетах, дорогих тканях, ювелирных украшениях и т.п., имело значение не само по себе, а как способ повышения своего веса в обществе. К тому же Слава, добытая в удачном или несчастливом, но все же боевом, походе являлась основанием для воспевания скальдами в сагах. Простых людей заставляла покидать родные места не только перенаселенность, но и существовавший обычай родовой мести. Избежать ее можно было отправившись в поход за море или переселившись на новое, отдаленное место¹⁸⁸.

Грабеж европейских городов и монастырей – это только одна из форм широкой экспансии викингов. От грабежа викинги перешли к более «цивилизованным» формам контактов с европейскими народами: взимании дани-откупа, завоевание территории, позднее – наем на военную службу (в том числе и на Руси). О существовании перенаселения свидетельствуют многочисленные примеры колонизации захваченных и пустующих территорий. Дальнейшее развитие получила и международная торговля. В Скандинавии появляются крупные торговые центры Нидарос, Каупанг (Норвегия), Бирка, Орхус (Швеция) и Хедебю (древняя Дания, соврем. Германия, Шлезвиг), находки на территории которых свидетельствуют о самых широких торговых связях. Но в Западной Европе роль скандинавов в торговле была незначительной¹⁸⁹.

Различные формы экспансии викингов были применимы и по отношению к Восточной Европе, но грабить здесь было нечего. Не было крупных торговых центров, вообще больших городов и

¹⁸⁶ Гуревич А. Я. Викинги. С. 100.

¹⁸⁷ О пирах см.: Стригинский А. Походы викингов. С. 611–625. О значении пиров в восточнославянском государстве см.: Фроянов И. Я. Престижные пиры и дарения в Киевской Руси // Советская этнография. 1976. № 6. С. 39–46.

¹⁸⁸ Блок М. Феодалное общество. С. 46.

¹⁸⁹ Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 91.

монастырей, которые становились естественными местами богатства. Относительная малочисленность и рассеянность населения лишала легкой возможности приобрести рабов¹⁹⁰. Но через Восточную Европу проходили очень важные торговые пути, которые выходили на богатейшие рынки Востока (о торговых путях ниже). А кроме того в лесных областях восточнославянского севера и в поволжских регионах было то, что могло заинтересовать восточных купцов – пушные звери, пчелиные бортники и т.д. Таким образом, чтобы разбогатеть, в Восточной Европе викинг-пират должен был превратиться в варяга-купца, что, впрочем, не исключало применение им более привычного разбоя.

Уже в середине VIII в. недалеко от впадения р. Волхов в Ладожское озеро возникает скандинавское поселение – Ладога (в 1704 г. выше по течению Волхова была построена Новая Ладога, поэтому по отношению к прежнему поселению принято применять эпитет Старая). Город получил свое имя от финского названия Волхова – *Alode-jogi, т.е. «Нижняя река». Скандинавы называли его Aldeigjuborg. Первоначальное финское название Ладоги подтверждает вывод, сделанный и археологами, о том, что славяне не участвовали в строительстве этого поселения. Они появились в этих местах на пару десятилетий позже¹⁹¹. В Ладогу, а затем и далее вглубь территории Восточной Европы проникали главным образом выходцы из Швеции, но археологические материалы свидетельствуют и о присутствии здесь норвежцев¹⁹².

Ладога была не только крупным торговым, но и ремесленным центром. Здесь находились косторезные, бронзолитейные и стекольные мастерские, работавшие на экспорт¹⁹³. Изделия скандинавских ремесленников (особенно примитивные стеклянные бусы) вряд ли могли заинтересовать потребителей на Востоке и в Западной Европе. Предназначались они, несомненно, для обмена у местного населения на меха (одна зеленая стеклянная бусина равнялась по стоимости шкурке куницы или одному дирхему)¹⁹⁴.

¹⁹⁰ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. С. 39.

¹⁹¹ Джаксон Т. Н. Austr и Gårdum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. С. 105–107.

¹⁹² Стальберг А. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и Древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения // ДГ 1999 г. С. 93–115.

¹⁹³ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 192.

¹⁹⁴ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. С. 81.

Позднее несомненные следы скандинавского присутствия обнаруживаются все далее на восток и юго-восток вдоль Великого Волжского пути. Спорным остается вопрос о том, кого следует называть основателями Рюрикова Городища (предшественника Новгорода), Тимерёва и Михайловского (оба близ Ярославля). Существует мнение, что это были «преимущественно скандинавские поселения, возникшие, кажется, на пустом месте»¹⁹⁵. Однако серьезные археологические исследования показывают, что население этих и других торгово-ремесленных поселений, которые пытаются приписать исключительно скандинавам, было разноэтничным, а норманнские погребения и вещи появляются не в момент их возникновения¹⁹⁶. Бесспорно, скандинавы проникают в уже существовавшие поселения, которые находились на чрезвычайно важном торговом пути, и основной их задачей являлось участие в торговле. Присутствие скандинавов хорошо прослеживается также в материалах Сарского городища (на берегу Ростовского озера, ныне – оз. Неро), основанного финноязычным населением (мера) еще в VI–VII в.¹⁹⁷ Позднее (первая половина X в.) с появлением торгового пути «из варяг в греки» в его ключевых пунктах также фиксируются очень четкие скандинавские следы (Гнёздово-Смоленск, Шестовицы близ Чернигова и др)¹⁹⁸.

Скандинавы-варяги в большинстве случаев не являлись создателями торговли, а пользовались уже существовавшими путями и центрами. Контроль над центрами торговли и в целом над торговыми путями давал значительные выгоды. И скандинавы спешили этим воспользоваться. Можно утверждать, что и восточные славяне также стремились к приобретению ведущих позиций в ключевых пунктах. И возможностей для этого у них было больше. Славянская миграция в Восточной Европе не идет ни в какое сравнение с проникновением скандинавов, сколько бы ни преувеличивали ее некоторые западные историки¹⁹⁹. Однако варяги немного

¹⁹⁵ Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. С. 79.

¹⁹⁶ Седов В. В. Славяне. С. 557: *Он же*. Конфедерация северно-русских племен в середине IX в. // ДГ 1998 г. С. 240–249.

¹⁹⁷ Седов В. В. Славяне. С. 286, 391–393; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 206–207.

¹⁹⁸ Петрухин В. Путь из варяг в греки. Становой хребет Древнерусской державы // Родина. № 11–12. 2002. С. 56–57; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 222–229.

¹⁹⁹ Янссон И. К вопросу о полиэтничных общностях эпохи викингов // ДГ 1999 г. С. 122.

опередили славян²⁰⁰, особенно, что касается освоения Великого Волжского пути.

Чтобы приобрести богатство в Восточной Европе скандинавы вынуждены были принять участие наряду с торговой в контрольной деятельности и в итоге интегрироваться в состав местного общества²⁰¹. Из «перелетных птиц», приобретающих серебряные монеты и возвращающихся домой в Швецию²⁰², они превращаются в верных дружинников древнерусских князей, признав полное доминирование в восточнославянском регионе нового государственного образования²⁰³. Но произойдет это позже. А в середине IX в. для норманнов еще характерна форма экспансии, заключающаяся в завоевании и подчинении местного населения. В Новгородской первой летописи читаем о ситуации на севере Восточной Европы: «...Словене свою волость имели, а Кривичи свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владыше; а Чюдь своимъ своимъ родом; и дань даяху Варягомъ от мужа по белеи веверици; а иже бяху у них, то ти насилье деяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. и въсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами собе и города ставити»²⁰⁴. Вероятно, эту ситуацию иллюстрирует также следующий отрывок из сочинения Ибн Русте (начало X в.): «Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги. У них есть царь, называемый хакан русов. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян...Единственное их занятие – торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям». О том, что «русы» в данном сочинении именно скандинавы говорит еще один фрагмент: «Но на коне смелости не проявляют, и все свои набеги

²⁰⁰ Хлевов А. А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 77.

²⁰¹ Носов Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне: ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 61.

²⁰² Франклин С., Шепард Д. Начало Руси. 750–1200. С. 73.

²⁰³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Норманны и варяги. Образ викинга на западе и на востоке Европы // Славяне и их соседи. Этно-психологический стереотип в средние века: Сборник тезисов. М., 1990. С. 14–17.

²⁰⁴ НПЛ. Рязань, 2001. С. 106.

и походы совершают на кораблях»²⁰⁵. Информацию Ибн Русте позаимствовал персидский историк XI в. Гардизи, добавивший, что численность жителей на «острове русов» составляла 100 тыс.²⁰⁶ Комментатор этого и схожих сообщений восточных источников А. П. Новосельцев предположил, что загадочный «остров русов» располагался где-то на севере Восточной Европы²⁰⁷. Применяемый по отношению к правителю русов титул «хакан» заставлял исследователей искать подвластную ему территорию гораздо южнее. Предлагалась придунайская и таманская локализации²⁰⁸. Весьма ценным представляется мнение об отождествлении «острова русов» с шведским торговым городом Бирке, очень тесно связанным с Ладогой и вообще торговлей по Великому Волжскому пути. Бирка действительно находилась на острове (Бьёркё)²⁰⁹. Возможно, более поздние восточные авторы понимали под «островом русов» Скандинавию в целом²¹⁰, поскольку тот оказывался окруженным морем²¹¹. Информация письменных источников о «насилиях» скандинавов в середине – второй половине IX в. дополняется археологическими данными о сожжении целого ряда поселений в северорусском регионе, причем поселение на месте будущего Изборска было разрушено агрессорами, носившими оружие североευропейского типа²¹².

Сбор дани с подчиненных племен приобретал все большее значение по мере расширения участия скандинавов в международной торговле. Не случайно дань взималась «белыми веверицами» – мех более всего интересовал восточных купцов. Увеличение сбора дани требовало создания неких потестарных (властных) структур в тех обществах, которые подверглись принуждению со стороны скандинавов²¹³. В итоге это станет одной из причин возникновения

²⁰⁵ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // ДГ 1998 г. С. 303–304.

²⁰⁶ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 305.

²⁰⁷ Там же. Восточные источники. С. 309, 313.

²⁰⁸ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 342–358. Вернадский Г. В. Древняя Русь. М.: Тверь, 1996. С. 283.

²⁰⁹ Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ 1999 г. С. 135. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 118.

²¹⁰ Петрухин В. Я. О «Русском каганате» в начальном летописании поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4. С. 79.

²¹¹ У того же Гардизи и других: Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 305–307.

²¹² Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 69.

²¹³ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. С. 29.

центральной власти. Но не главной: в восточнославянских племенах существовали и внутренние противоречия, которые требовали урегулирования.

Протяженный торговый путь представлял собой не просто дорогу, по которой двигались купцы. Его функционирование приводило к возникновению поселений, обслуживающих путешественников, пунктов, контролировавших опасные участки, мест для торговли с местным населением и сбора дани. Таким образом торговый путь, вовлекая окружающие территории в сферу своего функционирования, играл консолидирующую роль²¹⁴. Скандинавы-варяги, судя по всему, стремились взять торговые пути Восточной Европы под свой контроль.

2.3.4. Торговые пути Восточной Европы

Европу можно представить в виде полуострова, с трех сторон окруженного водой. Совершенно естественно возникла необходимость в установлении прочной связи на узком перешейке суши, к счастью густо пересеченного водными артериями²¹⁵. Обнаружение пути, связывающего средиземноморский и балтийский регионы, давало серьезный импульс товарообмену между ними и значительные выгоды тому, кто его контролировал. В 770-х годах скандинавами был открыт Великий Волжский путь. Он связал Северное и Балтийское моря с Каспийским морем, Британию и Голландию с Ираном и Ираком.

Основной маршрут этого пути был следующим: из Балтийского моря в Финский залив, далее по реке Нева, Ладожскому озеру, реке Волхов, озеру Ильмень; к истоку Волги вел т.н. «Селигенский путь» по рекам Поле, Явони, озеру Селигер и реке Селижаровке; дальнейший путь пролегал собственно по Волге и Каспийскому морю. От южного побережья Каспия шла сухопутная дорога до города Рея, называемого «торговым центром мира»²¹⁶, и дальше до

²¹⁴ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе. С. 27. См. также: Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. 27. С. 14–28.

²¹⁵ Хлевова А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997. С. 76.

²¹⁶ У Ибн ал-Факиха: «этот город есть складочное место всего мира»; Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 291.

Багдада. С севера на юг весь путь занимал 2 месяца, на обратную дорогу требовалось больше времени. В целом купцы за год могли совершить не более одного полного путешествия по Великому Волжскому пути²¹⁷.

С торговым маршрутом по Волге были тесно связаны т.н. пушной путь по Каме, пути по Вятке, Оке, Клязьме, Которосле, Мсте. Балтийское море связывала с истоком Волги и река Западная Двина. Самостоятельное значение имел Донской путь, который сближался с Волжским у города Калач в месте, называемом «переволока». У арабо-персидских авторов IX–X вв. не всегда разделялись нижнее течение Волги (Алила-Итиля) и участок Дона от излучины до устья, которые могли называться «рекой славян»²¹⁸.

Поскольку арабские купцы не проникали севернее Булгара, столицы Волжской Булгарии, да и в этом городе бывали редко из-за ограничительной политики Хазарского каганата, то в восточных сочинениях содержатся очень смутные представления о значительной части Великого Волжского пути. Отношение какой-то части Волги к русам привело к тому, что в арабо-персидских географических сочинениях X в. появился гидроним «Русская река» (нахр ар-рус), обозначавший Волгу или ее приток²¹⁹. Об активном использовании русами Волжского пути в северной его части имеются данные у целого ряда восточных авторов: у выше цитированного Ибн Руста, Гардизи и Ибн Фадлана, но в целом информация крайне поверхностна. Существует мнение, что исламское государство и арабские купцы оказывали давление на географов с целью засекречивания чрезвычайно выгодного торгового пути²²⁰.

Прекрасным индикатором торговых путей являются находки монет. Основной денежной единицей Восточной Европы с конца VIII до начала XI вв. был арабский серебряный дирхем (стандартный дирхем – ок. 2,9–3,0 г)²²¹. Утверждению дирхема в качестве международной валюты способствовала стабилизация ситуации на Ближнем Востоке. В 749 г. к власти пришла династия Аббасидов, представители которой жестоко расправились с соперниками (да-

²¹⁷ Кирпичников А. Великий Волжский путь // Родина. 2002. № 11–12. С. 59.

²¹⁸ Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // ДГ 1998 г. С. 129.

²¹⁹ Там же. С. 130–131.

²²⁰ Поляк А. Н. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 80–81.

²²¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 121.

же прах умерших халифов был выброшен из могил). В 762–763 гг. халиф ал-Мансур (754–775) построил новую столицу Багдад. Уже через несколько десятилетий он превратился в крупнейший город мира с населением в четверть миллиона человек. Разумная национальная и религиозная политика привела к примирению в рамках государства Аббасидов арабов с другими народами, прежде всего иранцами. Из арабской империи Халифат превратился в исламское государство²²². В то же время мусульмане «добровольно» отказываются от завоеваний (еще в 737 г. прекратилась арабо-хазарская война). Для объяснения этого служила теория «отсталости», «варварства» незавоеванных стран. В историко-географических трактатах наиболее принижался культурный уровень севера, где было встречено наиболее сильное сопротивление²²³. Уровень развития восточной цивилизации в это время действительно был выше европейских государств, за исключением, пожалуй, Византии. Халифат мог выставить на международный рынок первоклассную ремесленную продукцию, при этом огромные доходы двора халифа, исчислявшиеся даже не десятками, а сотнями миллионов дирхемов²²⁴, позволяли вести внушительную дальнюю торговлю. На вновь построенном в Багдаде монетном дворе была развернута чеканка высококачественных серебряных дирхемов (только со второй трети X в. арабский дирхем утрачивает свою стабильность)²²⁵. Из-за активного обмена на меха, рабов и т.д. дирхемы постепенно оседают (в том числе в виде кладов) в Европе. Но до X в. отток серебра из Халифата компенсировался добычей на многочисленных рудниках.

В Восточной Европе многочисленные клады дирхемов IX в. обнаружены в бассейне Оки, в Левобережье Днепра по Десне и Сейму, а также на берегах Волхова. Первые две области находок кладов арабского серебра находятся на территории северян, вятичей и радимичей. Это прямо говорит о том, что подчиненные хазарам славяне, оказывается, не слишком были обременены данью и были способны накапливать богатства, видимо, благодаря участию в торговле²²⁶. На территории Старой Ладogi обнаружен клад и отдельные монеты, чеканенные в 749–788 гг., и даже одна монета, созданная в прежней

²²² История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М., 1995. С. 125.

²²³ Поляк А. Н. Восточная Европа IX–X вв. в представлении Востока. С. 81.

²²⁴ От 350 до 400 млн., включая стоимость натуральных поставок: История Востока. Т. 2. С. 127.

²²⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 121.

²²⁶ Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь. С. 139–140.

столице Халифата Дамаске в 699/700 г. В начале IX в. количество кладов в бассейне Волхова увеличивается. Именно через Ладогу проходило основное торговое движение в страны Балтийского региона и от трети до половины всех попавших на Русь в IX–X вв. дирхемов реэкспортировалось в Европу²²⁷. Более чем в 1 500 кладах Балтики обнаружено около 150 000 арабских монет (в Швеции – 60 тыс.)²²⁸. Попадали они в этот регион по Великому Волжскому пути. Все известные исследователям поселения IX в. на северо-западе Руси располагались на реках и озерах, образовывавших торговую магистраль, или на ее ответвлениях²²⁹.

Более конкретные сведения приводят восточные авторы о Донском пути. Путь от низовьев Дона по нижней Волге и далее на юг Каспия в произведении персидского географа Ибн Хордадбеха (ум. ок. 912 г.) «Книга путей и стран» (30–40-е гг. IX в.) называется традиционным путем купцов-русов²³⁰. Вопрос о том, кто имеется в виду в данном случае под русами, нельзя решить однозначно²³¹. Вполне вероятно, это норманны²³², но в то же время, несомненно, слой купечества в Восточной Европе формировался не по этническому принципу, и наряду со скандинавами в международную торговлю включились и собственно славяне, которые в итоге вытеснили первых. В Джурджане, на южном побережье Каспийского моря купцы русы продавали все свои товары, но иногда на верблюдах они следовали до Багдада, где переводчиками им служили славянские рабы (евнухи). Купцы-русы вынуждены были платить десятину византийским и хазарским властям. В Багдаде, где они выдавали себя за христиан, т.е. тех, кто признавал единого бога, с них взималась более умеренная плата (джизья)²³³. Этот фрагмент

²²⁷ Кирпичников А. Великий Волжский путь. С. 63.

²²⁸ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона. С. 77, 82.

²²⁹ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (Постановка проблемы) // ДГ 1992–1993 гг. С. 28.

²³⁰ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 291; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 206. Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов. С. 128; Она же. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. С. 113.

²³¹ Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX в. – первой половины X в. (полюдь). С. 22.

²³² Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 8.

²³³ Калинина Т. М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГ. 1991 г. М., 1994. С. 215–216; Она же. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. С. 118.

был несколько преобразован в труде Ибн ал-Факиха «Книга стран» (903 г.). Вместо купцов-русов здесь фигурируют славяне, которые «от славянских окраин» добираются до Румийского моря и, уплатив десятину императору, следуют к Самкаршу (Таматарха) иудеев, чтобы затем вернуться в «Славонию». Другой маршрут проходил от «моря славян» по «реке славян» до «хазарского рукава», где уплачивалась десятина, и далее на юг Каспия²³⁴. Предполагают что под «морем славян» подразумевается Балтика²³⁵. При этом Ибн ал-Факих считал, что славяне – население Византии, причем последняя охватывает территорию «от Антиохии до Сицилии и от Константинополя до Апулеи»²³⁶.

И в «Книге путей и стран» Ибн Хордадбеха, и в «Книге стран» Ибн ал-Факиха фрагмент о торговле русов и славян расположен рядом с рассказом о торговле евреев-рахданитов (ар-разанийя). Торговые пути еврейских купцов проходили от Африки, Испании и Франции через Суэц и Красное море или Антиохию на Евфрате до Индии и Дальнего Востока. Рахданиты – досл. с персидского «знающие дорогу»²³⁷ – благодаря караванной торговле от Испании до Китая могли сосредоточить в своих руках огромные капиталы. Основным товаром рахданитов были рабы. Но вряд ли можно говорить о монополии еврейской торговли на этом маршруте и в Восточной Европе, а тем более о сговоре рахданитов с норманнами²³⁸. Если верить восточным авторам, путь рахданитов действительно иногда пролегал через Восточную Европу («позади Византии» или «позади Армении»), где в Хазарии они могли чувствовать себя вполне свободно. Но внутри восточнославянских земель торговля находилась в руках купцов-русов, и об этом дают совершенно ясное представление те же источники²³⁹.

Торговые пошлины стали главной статьей дохода Хазарского каганата, контролировавшего ключевой пункт Великого Волжского пути. В 30-е гг. VIII в. после поражения в войне с арабами столица Хазарии была перенесена из Самандара в устье Волги,

²³⁴ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 291.

²³⁵ Калипина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. С. 114.

²³⁶ Она же. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах. С. 217–218.

²³⁷ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001. С. 65.

²³⁸ Согласно Л. Н. Гумилеву именно рахданиты являлись скупщиками награбленного викингами и более того – их «разведчиками и проводниками» в Западной Европе: Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992. С. 167–171.

²³⁹ Калипина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. С. 111–113.

где возник город Атиль (Итиль)²⁴⁰ (точное его местонахождение неизвестно)²⁴¹. Международная торговля способствовала расцвету и Волжской Булгарии. Ал-Истахри и Ибн Хаукаль (X в.) упоминают о дороге Итиль–Булгар, как об обычном наезженном маршруте: вверх по Волге нужно было плыть 2 месяца, а вниз – 20 дней²⁴². В первой половине X в. возникает прямой торговый путь из Булгара в Киев, о чем позволяют судить фрагменты из трудов тех же авторов²⁴³. Применительно к XI–XII вв. этот маршрут хорошо прослежен археологически: вдоль всей трассы сохранились остатки торговых факторий²⁴⁴. В X в. активно функционирует и другой сухопутный торговый маршрут из Булгара в Среднюю Азию (Хорезм и Хорасан)²⁴⁵, вдоль которого также обнаружены караван-сарай и колодцы X–XI вв.²⁴⁶ О том, что пушнина привозится в Булгар из земли славян и далее переправляется в Хорезм или Хорасан непременно отмечают восточные авторы X в.: Ибн Хаукаль, Ал-Мас'уди, ал-Мукаддаси²⁴⁷. Путь из Булгара в Хорезм был, несомненно, известен и в IX в. Так, Ал-Йа'куби (ум. 897 г.) в своем рассказе о Хорезме упоминает об изготавливаемой там одежде из мехов, который мог быть привезен только из Восточной Европы²⁴⁸. Некоторые данные позволяют говорить и об обратном потоке товаров. Ибн Русте и вслед за ним Гардизи писали о том, что русы пользуются «соломоновыми мечами». Местом их производства был, предположительно, Хорасан²⁴⁹. Именно по сухопутному пути из Хорезма через плато Устюрт, земли гузов и башкир в Булгар двигался с посольством в 922 г. Ибн Фадлан²⁵⁰.

²⁴⁰ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории западной Евразии. С. 67–68.

²⁴¹ Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. С. 194.

²⁴² Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов. С. 129.

²⁴³ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 316–317.

²⁴⁴ Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов. С. 132.

²⁴⁵ Хорезм – юго-восточнее Аральского моря, Хорасан – южнее Хорезма, восточнее Каспийского моря. Завоеваны арабами во второй половине VII – начале VIII в. История Востока. Т. 2. С. 117, 122.

²⁴⁶ Поляк А. Н. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока. С. 79.

²⁴⁷ Калинина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. С. 116–118. Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов. С. 133.

²⁴⁸ Калинина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. С. 116.

²⁴⁹ Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов. С. 133.

²⁵⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 213–214.

Возможно, уже в IX в. существовал еще один торговый маршрут, называемый в современных исследованиях «путем из немец в хазары»²⁵¹. Предполагают, что проходил он через Киев, далее вниз по Днепру, вверх по Дунаю до Баварской восточной марки, где находилось местечко под названием *Ruzamarcha*. «Раффельштеттенский устав» начала X в. свидетельствует о приходе в Восточную Баварию для торговли славян «от ругов или богемов». «Путь из немец в хазары» оказывается составной частью трансевропейской торговой магистрали Кордова–Южная Франция–Восточная Бавария–Русь–Хазария. Позднее в связи с появлением в Паннонии венгров западный торговый путь поменял направление (Киев–Краков–Прага)²⁵². Предположение о функционировании торгового пути из Среднего Поднепровья в Западную Европу соотносится со сведениями Ибн Хордадбеха о европейском маршруте работоторговцев рахданитов.

Появление новых и активизация старых маршрутов в конце IX – первой половине X в. связывается с торговой блокадой Хазарского каганата. В 80-х гг. IX в. согласно древнерусским источникам в Киеве захватывает власть князь Олег, он освобождает от дани хазарам племена северян и радимичей. Реакция Хазарии не замедлила себя ждать: приток серебра в Восточную Европу и далее в Скандинавию прекращается. Возможно, осложнения в торговле с восточными странами возникло также из-за происходивших изменений в Степи – приходом новых кочевников-печенегов²⁵³. Только в 910-е годы поток серебра с Востока благодаря новым путям возобновился²⁵⁴. Но изменились как число кладов (в сторону увеличения), так и их состав. Большая часть дирхемов, найденных в кладах Восточной Европы в X в., относится к саманидской чеканке²⁵⁵. Держава Саманидов (от имени родоначальника династии Саман-худа) возникла в Средней Азии в самом начале X в. Ее столица находилась в Бухаре. Саманидский правитель носил титул эмира, тем самым подчеркивая формальную

²⁵¹ Назаренко А. В. «Путь из немец в хазары» и первые века древнерусской истории // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1988. С. 56. Калинина Т. М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах. С. 217.

²⁵² Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 71–112.

²⁵³ Франклин С., Шенард Д. Начало Руси. 750–1200. С. 97.

²⁵⁴ Петрухин В. Путь из варяг в греки. Становой хребет Древнерусской державы. С. 54. Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии. С. 140. Петрухин В. Я. О «Русском каганате» в начальном летописании поисках и недоразумениях в новейшей историографии. С. 82.

²⁵⁵ Франклин С., Шенард Д. Начало Руси. 750–1200. С. 103.

зависимость от багдадского халифа. Но возникшее в процессе распада Аббасидского халифата государство Саманидов проводило вполне независимую внутреннюю и внешнюю политику²⁵⁶.

Первый кризис с поступлением восточного серебра в конце IX в. стал одной из причин формирования нового торгового пути, справедливо называемого «становым хребтом Древнерусского государства» – т.н. «пути из варяг в греки». Главной составляющей этого пути являлась река Днепр, проходившая сквозь территорию расселения восточных славян. Прокладка днепровского пути обусловила активность в этом направлении скандинавов (до начала X в. их следы в Среднем Поднепровье не прослеживаются), а также первые внешнеполитические акции киевских князей, приступивших к объединению под своей властью всех восточнославянских племенных союзов.

2.4. Первые предгосударственные образования восточных славян

2.4.1. Северная конфедерация племен

В первой трети IX в. территория расселения восточных славян оказалась разделенной на две «сферы влияния»: север контролировали скандинавы-варяги, юг – хазары. Граница между подконтрольными областями проходила в бассейне Оки. Согласно летописи варягам дань платили словени, кривичи, а также соседние неславянские племена – чудь, меря и, возможно, весь. Поляне, северяне и вятичи подчинялись в податном отношении хазарам. К более позднему времени относится известие о дани хазарам радимичей. Нет сведений о том, что кому-либо давали дань дреговичи, древляне, волыняне, а также тиверцы и уличи²⁵⁷.

В экономическом отношении территория расселения восточных славян делится на три зоны земледельческого хозяйства: древнюю высокопродуктивную на юге, стабильную в днепро-двинском междуречье и нестабильную, дополняемую неаграрными формами деятельности на севере²⁵⁸. Интенсивному росту земледелия на территории, осваиваемой псковскими кривичами и ильменскими

²⁵⁶ История Востока. Т. 2. С. 254–255.

²⁵⁷ *Кашианов С. М.* Возникновение дани в Древней Руси. С. 58.

²⁵⁸ *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? С. 152.

словенами, не благоприятствовали природные условия, здешний климат, сильная лесистость, незначительное количество плодородных почв²⁵⁹. Однако приобщение к международной торговле, внешнее давление, а также, возможно, принесенный с прежних мест проживания довольно высокий уровень социальных отношений способствовали быстрому развитию на севере будущей Руси процессов государственного строительства. Именно с севером связывает Повесть временных лет начало Русской земли.

Вполне реальной представляется ситуация, сложившаяся на севере Восточной Европы, предложенная летописцем – составителем Повести временных лет. И набеги варягов, и взимание ими дани с местных племенных союзов, объединенных в некую «конфедерацию», и усобица между «племенами» – все эти события вполне определенно происходили в первой половине IX в. О характере присутствия в обозначенном регионе скандинавов уже говорилось – сюда их привлекал едва ли не исключительно меркантильный интерес. Конфликтная ситуация на севере естественно возникала в связи с притоком больших масс славянского населения, занявших территорию, ранее принадлежавшую финно-угорским племенам. Социальное развитие, прослеживаемый по археологическим материалам процесс стратификации общества, появление внутренних противоречий, не находящих разрешения средствами прежнего родоплеменного строя – всё это также объясняет, почему «вста родъ на родъ» и словене, кривичи, чудь, меря «воевати почаша сами на ся».

В таких условиях наиболее приемлемым для нормального функционирования усложнившейся социальной системы оказывается правитель из иноэтничного общества. Таким образом, лицо, олицетворяющее верховную власть, являлось совершенно сторонним по отношению к внутренним конфликтам и формально (хотя бы в глазах подвластного населения) отражало в равной мере интересы каждого члена сообщества. Этим обстоятельством можно объяснить не только утверждение скандинавской династии в «северной конфедерации племен», а затем и во главе Древнерусского государства, но и появление варяжских правителей в различных областях Восточной Европы (Полоцк – Рогволод, Киев – Аскольд и Дир, возможно Олег Кембриджского документа в Чернигове и т. д.). Приглашение в качестве правителя скандинавского конунга

²⁵⁹ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в северной и северо-восточной Европе // ДГ 1992–1993 годы. С. 25.

имеет значение и в контексте международных отношений. Известны многочисленные примеры найма норманнских дружин с их предводителями для отражения нападений тех же норманнов в Западной Европе²⁶⁰. Утверждение скандинавской династии во главе «конфедерации племен», несомненно, усиливало ее безопасность перед набегами варягов-норманнов. Значительно усилившееся присутствие скандинавов на севере Восточной Европе, овладевших и верховной властью, вводило эту область в круг освоенной норманнами территории. До самого конца X в. нет сведений о нападении викингов на Ладогу²⁶¹.

В «варяжской легенде» обращает на себя внимание то обстоятельство, что инициатива принадлежала призывающей стороне. Более того, наличие в легенде договорной терминологии позволяет предположить заключение некоего «ряда» – договора – между варягами (возможно, название русь применялось по отношению к скандинавской дружине) и славяно-финнской «конфедерацией»²⁶². Однако народное призвание, отнесенное летописью к началу русской истории, могло отражать реалии более позднего времени – второй половины XI – начала XII вв., когда возросло значение городской общины, принимавшей участие и в замещении власти (1068 г. – Всеслав Брючиславич, 1113 г. – Владимир Мономах)²⁶³. Тем не менее трудно усмотреть в появлении Рюрика с братьями в 862 г. исключительно завоевание варяжскими находниками севернорусской территории. «Вспомогательный наёмный датский отряд»²⁶⁴ во главе с Рюриком не смог бы долго продержаться во враждебном славяно-финском окружении, если бы последнее не было заинтересовано в его присутствии. Но и насильственные меры несомненно имели место. Распространение власти Рюрика на довольно значительную территорию, на которой уже сложилась какая-то политическая структура (словене, кривичи, чудь, меря действуют заодно), вероятно, со своей племенной верхушкой не могло пройти мирным путем. Приведем в этой связи следующее замечание В. Я. Петрухина: «Государственная власть и воплощающая эту власть княжеская дружина оказывались «завоевателями»

²⁶⁰ Блок М. Феодальное общество. М., 2003. С. 32.

²⁶¹ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 194.

²⁶² Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 107–115.

²⁶³ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 803.

²⁶⁴ Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: Л., 1939. С. 228.

формирующейся государственной территории вне зависимости от того, существовали ли принципиальные различия в этническом составе дружины и подвластных ей земель»²⁶⁵.

Для подтверждения высокого уровня развития власти собственно у славян часто привлекаются данные, содержащиеся в поздних источниках. С начала XV в. в письменных памятниках появляется упоминание о первом новгородском посаднике или старейшине Гостомысле, осуществлявшем власть до Рюрика²⁶⁶. В.Н. Татищев называл Гостомысла «словенским князем»²⁶⁷. Но появление первого посадника на страницах исторических сочинений только с XV в., когда Новгородская боярская республика отстаивала приоритет посадничества по отношению к княжеской власти, ставит под сомнение сам факт его существования. Фигура Гостомысла всецело «привязана» к исторической реальности XV в. и признается «книжным персонажем»²⁶⁸. Едва ли более реальным, чем Гостомысл, является другой персонаж, связываемый с временем Рюрика, а именно Вадим. Согласно Никоновской летописи, в 864 г. «оскорбишася Новгородци, глаголюще: «яко быти намъ рабомъ, и многа зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его». Того же лета уби Рюрикъ Вадима храброго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ съветниковъ его»²⁶⁹. Не говоря о том, что самого Новгорода в то время еще не существовало, в приведенном сообщении используется нехарактерная для первых летописных сводов лексика («съветникъ»). Считается, что появление этого известия является результатом позднего осмысления проблемы отношений Рюрика и местного населения²⁷⁰. Тем не менее существует мнение о своеобразном «государственном перевороте», произошедшем в 862 г., в результате которого Рюрик захватил власть, убив предыдущего правителя Вадима (почему не Гостомысла?). В представлении первобытных народов верховная власть могла передаваться не только по наследству, но и вследствие победы над предшествующим правителем. «Бог на стороне победителя — укоренившийся принцип, владевший

²⁶⁵ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 108.

²⁶⁶ НЛ. С. 164: Новгородская IV и Софийская I летописи. ПСРЛ. Т. 4. С. 3, 11. ПСРЛ. Т. 5. С. 3, 11.

²⁶⁷ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 121.

²⁶⁸ Петрухин В. Я. Гостомысл: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. № 2. С. 20–23.

²⁶⁹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 9.

²⁷⁰ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 124–125.

умами язычников, каковыми и являлись новгородские словене рассматриваемой поры»²⁷¹. Но это аргументация, прекрасно подходящая к событиям 882 г. (о них ниже), применительно к 862 г. не находит опоры в источниках. Рюрик, несомненно, появился на севере восточнославянской территории в условиях отсутствия верховной власти, однако при этом здесь уже существовала какая-то политическая организация. Сбор дани требовал каких-то организационных структур, требовалась организация и для принятия общего решения о призвании правителя. Спорным остается вопрос о том, в каком месте находился «координирующий центр» северной конфедерации племен, т.е. тот пункт, куда и был призван Рюрик. Если верить Повести временных лет и Начальному своду – это Новгород. Но археологические данные свидетельствуют о существовании поселения на месте Новгорода не ранее третьей четверти X в. А сам топоним «Новгород» появился только в середине XI в. Летописные известия более раннего времени, упоминавшие Новгород, лишь проецировали на какое-то другое поселение топоним XI в. Это поселение связывают с так называемым Рюриковым городищем, основанным не позднее середины IX в. Городище расположено в двух километрах от Новгорода, у истока Волхова из озера Ильмень. К середине XI в. население ушло из него, видимо, в новый административный центр – собственно Новгород. Предполагают, что его древним названием было Холм-город. Это мнение основано на том обстоятельстве, что как правило в древнескандинавских источниках города Восточной Европы получали наименование, ориентированное на фонетический облик самоназвания (например, *Kjpnugargr* – Киев). При этом столица северной Руси всегда фигурирует под названием *Holmgargr*. Уже позднее народная этимология связала это название с древнескандинавским *hulmr* «остров»²⁷². Итак различные данные позволяют предположить, что именно Рюриково городище (Холм-город?) являлось тем центром, куда был приглашен на княжение скандинавский конунг. Но на роль этого центра может претендовать и Ладога. Согласно Ипатьевской летописи именно в Ладоге обосновался приглашенный Рюрик и «по дъвою же лету... пришед. къ Ильмерю, и сруби город надъ Волховом, и прозваша

²⁷¹ *Фроянов И. Я.* Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 809.

²⁷² *Джаксон Т. Н.* *Austr n Girdum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках.* С. 90–92.

и Новгород, и седе ту, княжа...»²⁷³. Трудно сказать, на самом ли деле Ладога, в которой очень хорошо прослеживается скандинавское присутствие, была центром «северной конфедерации». Но исследователи считают, что версия Ипатьевской летописи представляет собой «идеологическую акцию ладожской общины в ходе борьбы с Новгородом за создание собственной волости» в конце XI – начале XII в.²⁷⁴

2.4.2. Внутриполитическая ситуация в «северной конфедерации»

О конкретном содержании несомненно непростых отношений новой власти и подчинявшихся ей славянских и финских племен достоверных данных не сохранилось. Можно лишь отметить, что совсем не идиллическая картина утверждения власти Рюрика с братьями представлена в Новгородской IV летописи: «Избравшася от Немець три браты с роды своими, и пояша с собою дружину многу. И пришед старейшиною Рюрик седе в Новогороди, а Синеус, брат Рюриков, на Белиозере, а Трувор вы Избрьске; и начаша воевати всюды»²⁷⁵. Определенную информацию дают и археологические исследования. Так, временем около 860 г. ранее датировался тотальный пожар в Ладоге, связываемый традиционно с событиями, предшествующими приглашению Рюрика²⁷⁶. В последнее время дату пожара относят к более позднему времени – между 863 и 871 гг. Приблизительно в то же время от пожара сильно пострадало и Рюриково городище, а также ряд других поселений севера Восточной Европы, некоторые из которых были даже заброшены (Холопий Городок), площадь же других уменьшилась (Новые Дубовики)²⁷⁷. Однако абсолютно точно нельзя сказать, дает ли полученная археологами информация повод для пересмотра хронологии русской летописи или позволяет по-новому взглянуть

²⁷³ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14.

²⁷⁴ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 797.

²⁷⁵ ПСРЛ. Т. 4. С. 11.

²⁷⁶ Киртичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени). С. 193; Киртичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения. С. 27.

²⁷⁷ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 67–69.

на отношения внутри «северной конфедерации племен». Была ли тотальная война, приведшая к пожару множества поселений, следствием несогласий между племенами перед приглашением Рюрика или же восстанием недовольной политикой варяжского конунга племенной верхушки.

Сожжение скандинаво-славяно-финских поселений могло быть вызвано и нападением внешних врагов. В этой связи интерес представляет сообщение написанного Римбертом Жития св. Ансгария: в 852 г. шведский конунг Анунд осуществил поход из Дании на Бирку, и когда город был занят во избежание грабежей Анунд направил датское войско на некий «богатый город» в «славянских пределах». Высказано предположение, что это была Ладога²⁷⁸. В данном сообщении более важной видится информация не о факте нападения на один из славянских городов – его можно назвать заурядным событием того времени, тем более хронологически оно не совпадает с пожаром в Ладоге, а то обстоятельство, что «в славянских пределах» активно действует именно датский отряд.

Еще в первой половине XIX в. высказано предположение о тождестве Рюрика древнерусских источников с Рёриком Ютландским, хорошо известным по западноевропейским анналам. Рёрик происходил из знатной датской семьи Скиольдунгов. С 837 г. он и его родственник Харальд Младший правили Дорестадом в Западной Фрисландии в качестве лена, полученного от франкского императора Людовика Благочестивого. В 840 г. он был лишен лена и бежал к датчанам, возглавляя которых нападал в 40-е гг. на Гамбург и Северную Францию. В 850 г. Рёрик вновь овладел Дорестадом. Любопытно, что согласно условиям владения он обязан был верно служить императору, платить дань и другие подати, защищать подвластную территорию от набегов датчан. Позднее Рёрик участвовал в борьбе за королевскую власть в Дании (походы 855, 857 гг.). В 857 г. этому энергичному конунгу удалось завладеть частью Датского королевства, но уже вскоре он вынужден был бежать, возможно, в Среднюю Швецию, в важный торговый и политический центр – Бирку. Далее, о Рёрике известно, что в середине 60-х гг. IX в. он пытался вернуться во Фрисландию, в 870 и 872 гг. встречался с западнофранкским королем Карлом Лысым, а в 873 г. восстановил вассальные отношения с Людовиком Немецким. После этого он окончательно исчезает со страниц западных хроник.

²⁷⁸ Киртичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Л., 1988. С. 47–48.

Умер Рёрик до 882 г. – под этим годом он посмертно упомянут в Фульдских анналах²⁷⁹.

В биографии Рёрика, известной западным источникам, есть значительные пропуски. Предполагают, что в это время он мог присутствовать в Восточной Европе, куда был приглашен славяно-финской конфедерацией, как опытный полководец, знавший «военные приемы своих соотечественников»²⁸⁰.

Согласно Повести временных лет Рюрик пришел с братьями Синеусом и Трувором. У Рёрика Ютландского действительно было два брата – Гемминг и Гаральд, но они рано умерли – соответственно в 837 и 841 гг. Русский летописец, упоминая братьев Рюрика, кроме городов, в которых они сели, не приводит никаких конкретных данных о них. Вполне вероятно, братья Рюрика – вымысел летописца. Высказано предположение, что автор «варяжской легенды» пользовался каким-то скандинавским источником, даже «сагой о Рюрике», в которой тот был назван «победоносным и верным» (Signotr ok Thruwar). Таким образом почетные определения конунга были переосмыслены в имена его братьев²⁸¹. Предполагают также, что имена Синеус и Трувор являются ошибочной передачей древнескандинавских выражений sine hus – «свой род» и thru varing – «верная дружина»²⁸². Высказано мнение, что «варяжская легенда» первоначально передавалась в дружинной среде на древнескандинавском языке – в древнерусской княжеской дружине некоторое время преобладали скандинавы. Не позднее середины X в. в дружинной среде уже господствовал билингвизм и к моменту записи «Сказание о призвании варяжских князей» в нем практически исчезли скандинавские элементы, за исключением имен самих князей и, возможно, этнонима русь²⁸³. Имена Синеус и Трувор не встречаются в скандинавской ономастике, находят только довольно отдаленные параллели – Signiutr и Porvardr²⁸⁴. Неубедительной

²⁷⁹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 118, 120; Киртичников А. Н. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность // Викинги и славяне: ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 40–41.

²⁸⁰ Киртичников А. Н. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность. С. 38.

²⁸¹ Беляев Н. Т. Рюрик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. Seminarium Kondakovianum. Т. III. 1929. С. 244–245.

²⁸² Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 298.

²⁸³ Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции. С. 158.

²⁸⁴ Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 224–225.

также выглядит попытка доказать кельтское происхождение этих имен²⁸⁵. Показателен тот факт, что в древнерусском именослове совершенно не встречается ни Синеус, ни Трувор, хотя известны князья с именем Рюрик (например, Рюрик Ростиславич, долго боровшийся за Киев). Мотив трех братьев является весьма распространенным в индоевропейском фольклоре, наиболее часто он используется при описании основания государства или династии²⁸⁶. Все эти обстоятельства позволяют сделать вывод о вымышленности «братьев Рюрика», это не исторические личности, а исключительно литературные персонажи.

Летописные данные о городах или местностях, в которых обосновались мифические Синеус и Трувор – соответственно Белоозеро и Изборск – дают возможность обозначить территорию, первоначально подвластную Рюрику. В то же время эти топонимы вызывают недоумение у исследователей. Дело в том, что как и Новгорода в IX в. не существовало населенного пункта Белоозеро, а в Изборске не обнаружено следов присутствия скандинавов²⁸⁷. Но вполне вероятно, что Рюрик, поселившись в Ладоге или Городище на Волхове, распространил свою власть от Псковского озера до Белоозера. После смерти Синеуса и Трувора «по двою лету» после приглашения Рюрик, следуя летописной версии, «раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотескъ, овому Ростовъ, другому Белоозеро»²⁸⁸. Нет оснований полностью принимать информацию летописи, однако в данном сообщении видят трансформированное указание на основные направления военно-политической экспансии Рюрика и его преемника Олег²⁸⁹. Подчинив территорию ильменских словен с центром в Городище (Новгороде?), кривичей (Изборск), веси (Белоозеро) Рюрик стремится к получению контроля над центром отдельной группы кривичей – Полоцком, важнейшим поселением на западно-двинской ветви Балтийско-Днепровско-Черноморского пути, и городом в землях веси – Ростовом, экономическим и идеологическим центром на северо-восточном направлении восточнославянской колонизации.

²⁸⁵ Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Геденов С. А. Варяги и Русь. М., 2004. С. 610–612.

²⁸⁶ Мельникова Е. А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции. С. 147.

²⁸⁷ Киртичиков А. Н. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность. С. 39–40.

²⁸⁸ Повесть временных лет. С. 13.

²⁸⁹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 115.

В Повести временных лет назван год смерти Рюрика – 879-й. Эта дата не противоречит основным вехам жизненного пути Рёрика Ютландского (см. выше). Но о его деятельности в восточноевропейском регионе, если допустить, что именно он был приглашен в качестве правителя славяно-финской конфедерации, известно очень мало и информация эта (как, например, восстание Вадима), сомнительна. К разряду таковой относится и сообщение, приводимое В. Н. Татищевым (извлеченное из «Иоакимовской летописи»), о женитбе Рюрика на представительнице одного из местных знатных семейств Ефанде²⁹⁰. Как бы то ни было именно Рюрик признается родоначальником династии древнерусских князей. Его сын Игорь, будучи «детескъ вельми» в момент смерти отца, стал полноправным правителем уже серьезного политического образования – Древнерусского государства – только после регенства, ничем не отличающегося от реального властвования, князя Олега.

Археологические и нумизматические данные свидетельствуют о том, что упрочение верховной власти в «северной конфедерации» привело к стабилизации положения в данном регионе. Прерванное примерно на десятилетие поступление серебра в Швецию и на о. Готланд с начала 870-х гг. возобновилось. Число находок арабских дирхемов в названных областях увеличилось в 8 раз по сравнению с периодом 770–790 гг. В 860-е гг. начинается рост числа монетных кладов и на севере Восточной Европы²⁹¹. Все в большем количестве стали поступать на Запад также древнерусские и восточные вещи. Все это говорит о создании благоприятных условий для транзитной торговли в севернорусском регионе²⁹². К тому же времени относится строительство в Ладоге укреплений, сначала деревянных, затем в конце IX в. – каменных. Напротив крепости на правом берегу Волхова в урочище Плакун возникает обособленное скандинавское кладбище – курганный могильник, датируемый 850–925 гг. При этом одновременно создавались погребения иного типа – сопки, монументальные насыпи со смешанными славянскими, балтскими, финскими и скандинавскими элементами. Первые сопки появились еще в середине VIII в.²⁹³ Погребали в них представителей знатных семей, составлявших высший слой, элиту местного населения.

²⁹⁰ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 194.

²⁹¹ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 71.

²⁹² Кирпичников А. Н. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность. С. 51; Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 193–194.

²⁹³ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги. С. 194–195.

Именно им принадлежит решающая роль в создании политической организации нового уровня, во главе которого стал приглашенный со своей дружиной варяжский конунг. После 867 г. было полностью разрушено Рюриково городище, что произошло, видимо, вследствие борьбы новой власти с местной знатью, возможно, во время отсутствия Рюрика: именно тогда Рёрик Ютландский пытается восстановить свои позиции в Западной Европе. Восстанавливается Городище только в конце 890-х гг. В последней четверти IX в. снова наблюдается кризис в поступлении серебра на север Восточной Европы и в Скандинавию. Привычные, установившиеся в прошлые десятилетия каналы поступления дирхемов были перекрыты. Связано это было уже с деятельностью Олега, вызвавших конфликт с Хазарским каганатом.

Итак, в 860–870-х гг. славянские и финно-угорские племена на севере будущей Руси были консолидированы скандинавским (варяжским) правителем в довольно прочный политический союз, обеспечивший стабильное развитие международной торговли и оказавшийся способным на проведение внешней экспансии. После укрепления позиций в различных племенных территориях «северной конфедерации» преемник Рюрика Олег обращает внимание на юг – на земли, через которые проходил новый торговый маршрут, «путь из варяг в греки». В то же время процессы политического развития идут и в Среднем Поднепровье, юг при этом опережал север²⁹⁴.

С событиями утверждения в «северной конфедерации племен» варягов связывает летописец решение проблемы происхождения Руси. В Новгородской Первой летописи младшего извода, сохранившего свод, предшествующий Повести временных лет (по терминологии А.А. Шахматова, Начальный свод 1095 г.) из факта призвания варягов сделан важный вывод: «И от тех Варягъ, находникъ техъ, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля...»²⁹⁵. Обычно данное сообщение воспринимается как указание на происхождение названия русь от варягов. А.А. Горским предложена иная интерпретация, основанная на временном понимании предлога «от», как «со времени тех варягов прозвалась Русь, с их времени называется Русская земля»²⁹⁶. Действительно, с периодом утверждения скандинавской династии и подчинение ею племен-

²⁹⁴ Котляр Н. Ф. Север или юг (к вопросу о возникновении древнерусской государственности) // Образование Древнерусского государства. С. 29–32.

²⁹⁵ ИЛ. С. 106.

²⁹⁶ Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 40–41.

ных союзов Восточной Европы связано распространение на всех восточных славян этнонима «русь». В то же время неправомерно называть варягов создателями восточнославянского государства. В целом, можно было бы «обойтись и своей закваской, но с варяжскими дрожжами получилось быстрее и лучше»²⁹⁷.

2.4.3. «Русский каганат»

Наиболее ранние известия источников о восточнославянских потестарно-политических образованиях (не учитывая антского союза) в Восточной Европе относятся к первой половине IX в. Известия эти крайне фрагментарны, в связи с чем существуют самые разные их интерпретации. Анализ даваемой источниками информации позволил современным исследователям сделать вывод о существовании до образования Древнерусского государства наряду с северным южного восточнославянского политического объединения, названного Киевским или Русским каганатом.

Прежде всего обратимся к ключевому сообщению западноевропейского источника, на основе которого делается вывод о реальности Русского каганата, в котором ведущую роль играли скандинавы. Под 839 г. придворный капеллан франкских правителей Пруденций отметил в хронике, которую он вел (по месту находки основной рукописи – аббатству св. Бертина – она получила название «Бертинские анналы»), о приходе к императору Людовику Благочестивому (814–840) посольства византийского императора Феофила (829–842). Вместе с греческим посольством были присланы некие люди, утверждавшие, что их народ называется Рос, а их правитель носит титул хакан. Они были посланы этим самым хаканом к византийскому императору, но вернуться на родину прежним путем не могли из-за «дикости исключительно свирепых народов». Неизвестно, удалось ли в итоге этим людям попасть к себе окружным путем, но на некоторое время они были задержаны франкским императором, который заподозрил в них шпионов, поскольку выяснилось, что на самом деле они из народа «свеонов» (Sueones), т.е. шведов²⁹⁸. Итак, люди из народа Рос оказались норманнами. Наиболее ценно указание на то, что они

²⁹⁷ Мачинский Д. А. () месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 19–20.

²⁹⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 288–289.

представляли какое-то политическое образование, правитель которой носил довольно высокий титул (хакан – титул верховного правителя, в подчинении которого находились правители более низкого ранга, хаканами называли и китайских императоров)²⁹⁹. Однако Бертинские анналы не дают ответа на один из наиболее важных вопросов: где же находилась территория, подвластная хакану росов. Тюркский титул правителя как будто указывает на близость к Хазарскому каганату³⁰⁰. Но общеизвестно участие норманнов в далекой международной торговле, в которой Хазария играла ключевую роль. Достаточно влиятельный правитель любой территории, не обязательно соседней, а, например, связанной торговым путем с Хазарией, мог «дерзнуть» титуловаться хаканом-каганом.

Каган норманнов или славян, правящий где-то в Восточной Европе, встречается и в ряде других независимых, не связанных друг с другом источников. Хакан русов, осуществляющий власть на некоем «острове», упоминается на страницах сочинений нескольких арабо-персидских авторов. Установлено, что информация эта восходит к труду, написанному в 870–880 гг. и условно названному «Анонимной запиской»³⁰¹. Запись о «царе, называемом хакан русов»³⁰², возможно, описывает ситуацию еще более раннего времени (середины IX в.). В сходных сообщениях Ибн Русте, Гардизи и др. весьма показательно то, что русы всегда отделяются от славян, и под их именем, несомненно, скрываются скандинавы. Но и сообщения восточных источников не позволяют уверенно локализовать территорию, подвластную кагану русов.

Каган норманнов (Nortmanni) наряду с каганами авар и хазар (Gazani) упоминается в переписке византийского императора Людовика II Итальянского и византийского императора Василия I, причем первый в своем ответном письме указал, что имеет сведения только о кагане аварском, но не хазарском и норманнском. Эта переписка могущественных правителей, относящаяся к 871 г., сохранилась в составе «Салернской хроники» X в.³⁰³ В Западной Европе, знавшей

²⁹⁹ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ДГ 1998 г. С. 369.

³⁰⁰ Назаренко А. Две Руси IX века // Родина. 2002. № 11–12. С. 17.

³⁰¹ Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГ 2001 г. М., 2003. С. 204–205.

³⁰² Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. С. 303.

³⁰³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 290–291. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 56.

норманнов, как грабителей, приходивших с севера, соотносенный с ними тюркский титул вызывал недоумение. Византия же, непосредственно сталкивавшаяся с «каганатом росов», естественно, была более осведомлена в политической ситуации в Восточной Европе.

Характер и содержание отношений Византии и русов в первой половине IX в. позволяют раскрыть два источника: «Житие Стефана Сурожского» и «Житие Георгия Амастридского». Первое из них сохранилось только в поздней копии XIV–XV вв., что дает возможность списать на позднейшую редакцию некоторые его явные нелепости, но в то же время заставляет сомневаться в его подлинности. «Житие Стефана Сурожского» рассказывает о набеге «великой русской рати» из Новгорода во главе с князем Бравлином в конце VIII в. на южнокрымские города, в том числе и на Сугдею (Сурож, совр. Судак). После ограбления города князь внезапно заболел и исцелился только после крещения³⁰⁴. Аналогичный сюжет мы находим и в «Житии Георгия Амастридского», в тексте которого³⁰⁵ содержится древнейшее упоминание имени руси на греческом языке (Ῥώς). Набег росов – «народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого, не носящего в себе никаких следов человеколюбия» – произошел на этот раз на византийский город Амастриду (на черноморском побережье Малой Азии), где архиепископом некогда был Георгий. В полном соответствии с каноном святости, чудеса продолжают происходить и у могилы святого. Вот и предводитель росов, пораженный чудесными знаменениями у гробницы Георгия, прекратил насилия и принял христианство³⁰⁶. События эти датируются временем до 842 г.³⁰⁷ Согласно информации «Бертинских анналов», в 838 г. в Константинополь прибыло мирное посольство русов, видимо, не имевшее никаких результатов. Предполагают, что после этой неудачной внешнеполитической акции и произошел набег на Амастриду (около 840 г.)³⁰⁸. Наряду с проявлением агрессии, чрезвычайно напоминающей поведение викингов в Западной Европе, русы заинтересованы и в торговле в причерноморском регионе. Можно припомнить известия Ибн Хордадбега, относящиеся к 30–40-м гг. IX в., о купцах-русах, являющихся «видом славян», которые торговали мехами

³⁰⁴ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // ДГ 2000 г.: М., 2003. С. 4.

³⁰⁵ Сохранилась единственная рукопись X в.

³⁰⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 90–91.

³⁰⁷ Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. 64.

³⁰⁸ Седов В. В. Русский каганат IX в. // ОИ. 1998. № 4. С. 8.

с Византией и иногда из Черного моря через Хазарию и далее по Каспию доходили до Джурджана³⁰⁹.

В 860 г. произошло еще более серьезное нападение русов на Византию. Сообщение об этом событии сохранилось во множестве источников, в том числе и в русских летописях (где неверно датируется: в ПВЛ и Никоновской летописи 866 годом, в Новгородской Первой летописи – в недатированной части)³¹⁰. Благодаря т.н. «Брюссельской хронике» (XI в.) известна точная дата нападения русов – 18 июня 860 г.³¹¹ В этот день к Константинополю подошел вражеский флот в 200 кораблей. Появление врага с севера оказалось полной неожиданностью, положение осложнялось тем, что византийский император Михаил III (842–867) находился в это время в походе против арабов. Но штурмовать столицу империи русы не спешили, их больше привлекала возможность получить легкую добычу, разоряя окрестные монастыри и дворцы. Русы ограбили также Принцевы острова в Мраморном море в 100 км от Константинополя. Спасло жителей столицы чудо: после того как вокруг стен была обнесена священная риза Богородицы, враги сняли осаду и отошли от города, а погружение в воду покрова (мафория) Богородицы имело еще больший эффект: поднялась буря, погубившая флот руси. Если верить «Окружному посланию» патриарха Фотия, заступничество высших сил так впечатлило русов, что вскоре они заключили мир с империей и решили принять крещение. Посланный к руси епископ около 866/867 г. сообщил об успехах своей проповеди. Жизнеописание императора Василия I Македонянина (867–881), написанное его внуком Константином VII Багрянородным (913–959), содержит более подробную информацию о судьбе первой христианской миссии среди русов или рассказывает о новом мероприятии Восточной церкви³¹². Послан-

³⁰⁹ Новосельцев А. П. Восточные источники. С. 291. Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 206. Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов. С. 128. Калинина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // ДГ 1998 г. С. 113.

³¹⁰ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. С. 9: НЛ. Рязань, 2001. С. 105.

³¹¹ Запись о нападении 860 г. в «Брюссельской хронике», вероятно, сделана очевидцем, поскольку ни какому другому событию не было уделено столько внимания: Кузенков Л. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 155–156.

³¹² Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003. С. 170.

ный патриархом Игнатием, преемником Фотия, архиепископ, несмотря на подтверждение русами мирного соглашения и согласия принять крещение, был встречен с недоверием. Только явленное чудо с Евангелием, не сгоревшим в огне, убедило русов все-таки склониться к правильной вере³¹³.

Когда создавался первый древнерусский летописный свод прошло уже около двухсот лет после рассмотренного события, о нем совершенно было забыто. Но под рукой летописца оказалась греческая хроника («Временник») Георгия Амартола, из которой и были заимствованы подробности якобы неудачного для русов мероприятия. К освещению нападения на Константинополь в 860 г. в летописях еще вернемся, а сейчас отметим, что некоторые западноевропейские источники позволяют взглянуть несколько иначе на это событие. Так, в письме от 28 сентября 865 г. римского папы Николая I императору Михаилу III говорится о недавнем нападении на Константинополь язычников, которым удалось уйти безнаказанным. В «Венецианской хронике» Иоанна Диякона читаем, что разграбив пригород византийской столицы «племя норманнов» «с триумфом отступило восвосяи»³¹⁴. Что касается принятия русами христианства, о чем спешил с радостью сообщить в своем послании патриарх Фотий, то факт этот если и имел место, то особого значения не приобрел. Византийские источники, рассказывающие о Руси X века об этом раннем крещении Руси не вспоминают³¹⁵. Исследователи обращают внимание на полемический контекст, в котором было написано послание Фотия: нужно было продемонстрировать успехи византийской христианской миссии именно там, где противники-латиняне видели свидетельство бессилия греков³¹⁶.

Источники, описывающие нападение русов-росов на Византию в 860 г., лучше знают народ, «ставший для многих предметом многократных толков и всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности»³¹⁷. Известно, что они пришли с крайнего севера по «судоходным и негостеприимным морям» и поработили живших

³¹³ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 8–9.

³¹⁴ Там же. С. 89, 151. Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 61–62.

³¹⁵ Иванов С. А. Византийское миссионерство. С. 171.

³¹⁶ Петрухин В. Я. О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4. С. 81.

³¹⁷ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 75.

рядом с ними, отчего «чрезмерно возгордились»³¹⁸. В ряде сочинений итальянских авторов грабительская акция 860 г. приписывается норманнам, причем без сомнения под последними имеются в виду те же самые скандинавы, которые разбойничали в Западной Европе³¹⁹. Однако нет точных указаний, где смогли собрать норманны-русы довольно значительные силы (200, а по некоторым данным 360 кораблей), какие соседние народы они покорили?

Тот факт, что позднее этноним росы-русы связывается исключительно с восточнославянским населением позволяет предположить, что наряду с норманнами – варягами русских летописей – в рассмотренных выше внешнеполитических акциях принимали участие (активное или пассивное) и славяне. О существовании в 50-е гг. IX в. именно славянского политического объединения в Восточной Европе, представляющего серьёзную силу, свидетельствуют данные ал-Йа'куби. В своем труде «Книга стран», он записал, что в связи с арабским давлением на ценар (санарийцев), жителей земель, прилегающих к Дарьяльскому ущелью, те вынуждены были обратиться к трем известным властителям, которые могли оказать им военную поддержку: «сахиб ар-Рум (византийскому императору), «сахиб ар-Хазар» (хазарскому правителю) и «сахиб ас-Сакалиба» (владыке славян)³²⁰.

О том, что в нападении на Константинополь в 860 г. участвовали главным образом восточные славяне, безусловно утверждают древнерусские источники. Из Повести временных лет известно, что в том же году, когда в Новгород был призван княжить Рюрик с братьями, два его «мужа» Аскольд и Дир «поидоста по Днепру» и заняли Киев, где «много варяги съвокуписта, и начаста владети польскою землею»³²¹. Именно под предводительством Аскольда и Дира и был совершен, согласно Повести временных лет в 866 г., поход на «Царьгородъ». Никоновская летопись добавляет, что по возвращении Аскольда и Дира из похода «в мале дружине», «бысть в Киеве плач велий», а затем и «глад велий»³²². Таким образом, древнерусские источники, составители которых в описании подробностей рассматриваемого события опирались на греческую

³¹⁸ Там же. С. 75.

³¹⁹ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 150–154.

³²⁰ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 9.

³²¹ Повесть временных лет. С. 13.

³²² Повесть временных лет. С. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 9.

хронику, относят его организацию к региону Поднепровья. Но на известия летописей могли оказать влияние позднейшие реалии, когда Киев являлся столицей Древнерусского государства. К тому же как в Киеве, так и во всем Среднем Поднепровье совершенно не найдены следы пребывания скандинавов вплоть до X в.³²³

Как бы то ни было, разнообразные сведения о наличии политической силы, способной организовать население для нападения на могущественную империю, а также предпринимающей дипломатические шаги и создающей условия для ведения международной торговли, доказывают выдвинутое предположение о существовании некоего восточнославянского «каганата». Каганатом это политическое объединение позволяет называть титул его правителя, зафиксированный в источниках различного происхождения. Что же касается локализации каганата, то в исторической науке этот вопрос остается дискуссионным, приведены аргументы как в пользу севернорусского, так и в пользу среднеднепровского региона. Высказанное в свое время Г.В. Вернадским предложение размещать Русский каганат на восточном побережье Черного моря³²⁴, ныне не находит поддержки³²⁵. Нет оснований обнаруживать сильное политическое объединение и в бассейне Оки.

2.4.4. Локализация «Русского каганата» и его внутривосточная история

Выше была рассмотрена ситуация на севере Восточной Европы, существование здесь прочного политического объединения в середине IX в., а может и ранее вполне возможно. Четко прослеживаются на севере и следы скандинавов. Но ряд доводов существует и в пользу южнорусской локализации каганата. При этом необходимо отметить, что сам термин каганат искусственный, он ни разу не встречается в источниках. Европейские и восточные источники упоминают только правителя русов-росов с титулом каган-хакан.

Документ второй половины IX в. т.н. «Баварский географ» размещает неких «рузов» (Ruzzi) рядом с хазарами, где-то на

³²³ Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства. С. 66.

³²⁴ Вернадский Г. В. Древняя Русь. М.: Тверь, 1996. С. 287–293.

³²⁵ Хотя иногда появляется в западной историографии: М. Богачек (Гольдсдельман).

юге Восточной Европы³²⁶. Рузы – это несомненно русы. Можно согласиться и с теми исследователями, которые указывают на сложность организации акций, подобных нападению на Константинополь в 860 г., с территории значительно удаленной от Византии³²⁷. Да и дипломатические шаги русов, зафиксированные в «Бертинских анналах», приобретают особую значимость, если имела место попытка урегулирования отношений между близкими соседями. Русы были заинтересованы в развитии торговли с Византией и в целом в черноморском регионе, что подтверждают арабо-персидские авторы. Но стремление русов играть активную роль в данном регионе вызвало противодействие со стороны Хазарии. Одновременно с началом проявления активности русов, отмеченной источниками, в 30–40-е гг. IX в. хазары при помощи византийских инженеров возводят на северо-западной границе ряд крепостей, наиболее значительной из которых был Саркел. Предполагают, что за оказанную услугу Хазария уступила Византии Крым, превратившийся в новую византийскую фему³²⁸. Уступка эта была очень значительной. Установление мирных отношений между греками и хазарами отнюдь не способствовали налаживанию таковых между русами и Империей. Этим, возможно, и были вызваны агрессивные акции русов (нападение на Амастриду и Константинополь). Появление хазарских крепостей, расположившихся как раз на границе славянской волынцевской культуры, можно объяснить угрозой со стороны Русского каганата³²⁹. Хотя стремление хазар укрепить свое положение на границе славянского расселения рядом с причерноморской Степью могло быть вызвано также передвижкой кочевников – венгров, печенегов. Но весьма показательно то обстоятельство, отмеченное В.В. Седовым, что русы немногим ранее 842 г. напали на византийский город Амастриду (центр фемы Пафлагония), откуда как раз происходили строители хазарских крепостей³³⁰.

³²⁶ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. М., 1993. С. 14–15; Милов Л. В. Ruzzi «Баварского географа» и так называемые «русичи» // ОИ. 2000. № 1. С. 94–101; Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // ДГ 1995 г. М., 1997. С. 271–282; Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 55–56.

³²⁷ Назаренко А. Две Руси IX в. С. 17.

³²⁸ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 5.

³²⁹ Там же. С. 6. Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ДГ 1998 г. С. 464.

³³⁰ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 8.

Целым рядом исследователей (М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков, В. А. Кучкин), проанализировавших данные ономастики, была выделена наряду с Русью в широком смысле, как общего обозначения всех древнерусских земель, «Русская земля в узком смысле слова» (РЗУС)³³¹, локализуемая в строго ограниченной области Среднего Поднепровья. Отмечается устойчивое стремление летописей XII в. понимать под Русской землей только Киевское Правобережье с частью более западной территории, а на Левобережье окрестности городов Чернигов и Переяславль. РЗУС сложилась именно в IX в. еще до образования Древнерусского государства, т.е. территории Руси в широком смысле, и факт ее существования подтверждает гипотезу о южнорусской локализации Русского каганата³³². Отсутствие скандинавских находок XI в. на территории Среднего Поднепровья объясняют иным характером присутствия здесь варягов. В отличие от севера Восточной Европы на юге варяги первоначально надолго не задерживались и поэтому не оставляли следов в материальной культуре. Южная Русь представляется некоей транзитной зоной, через которую проходили наиболее предприимчивые варяжские конунги со своими дружинами. Их привлекала не собственно славянская территория, а богатые страны Востока и Византия. При этом Киев мог играть роль опорного пункта, базы для набегов. Аналогичные пункты существовали и в Западной Европе³³³. Но организация довольно значительных внешнеполитических акций не могла не привести к тесному взаимодействию с местным славянским населением. В результате и возникло потестарное образование условно называемое Русский или Киевский каганат, во главе которого стояли скандинавы-варяги. Нет причин называть Русский каганат «не более чем историографическим фантомом»³³⁴: источники дают достаточно информации, позволяющей установить сам факт его существования – об этом свидетельствуют многочисленные упоминания правителя с очень высоким титулом, власть которого, несомненно, не «висела в воздухе», а охватывала определенные территорию и население. Между тем, отстаивая южнорусскую

³³¹ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951.

³³² Назаренко А. Две Руси IX века. С. 18–19.

³³³ Мельникова Е. Варяжская доля. Скандинавы в Восточной Европе: хронологические и региональные особенности // Родина. 2002. № 11–12. С. 31–32.

³³⁴ Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГ 1999 г. С. 132.

локализацию Русского каганата, необходимо признать, что вопрос этот все же остается дискуссионным.

Некоторые данные позволяют реконструировать внутреннюю историю Русского каганата. Но сразу нужно оговориться, что реконструкция эта во многом гипотетична. Ранее отмечалось, что нападение русов на Константинополь в 860 г. русские летописи связывают с Аскольдом и Диром. Аскольд и Дир вполне вероятно правили в разное время. Несмотря на то, что в Повести временных лет сообщается об одновременном их убийстве в Угорском урочище, могилы их находились в разных местах. Арабский автор X в. ал-Мас'уди называет Дира «первым из славянских царей»³³⁵. Однако нет абсолютно никаких оснований точно определять время правления Аскольда и Дира (например: Аскольда между 860 и 867 гг., Дира до конца 80-х гг. IX в.³³⁶, Дира с 838 по 860 или 859 г., а Аскольда с 860 по 882 г.³³⁷).

Нельзя согласиться также с мыслью, впервые высказанной у польского хрониста XV в. Яна Длугоша, о том, что Аскольд и Дир являлись потомками легендарного Кия. Ян Длугош, сочиняя фантастические генеалогии и отождествляя киевских и польских полян, стремился обосновать претензии Польского государства на Киев³³⁸. Аскольд и Дир – правители скандинавского происхождения, их имена являются адаптированными в восточнославянской среде именами Hnshkuldr и Dnri³³⁹. Видимо, они и являлись норманнами, проникшими на территорию Восточной Европы еще раньше появления в Ладоге Рюрика.

Стремление Повести временных лет соотнести деятельность Рюрика и Аскольда и Дира, якобы являвшихся его «боярами»³⁴⁰, объясняется сознательной переработкой летописца, видевшего только в Рюрике и его потомках единственных легитимных носителей власти³⁴¹. В то же время Начальный свод, сохранившийся в

³³⁵ *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских СПб., 1870. С. 137; *Лебедев Г.* Славянский царь Дир // *Родина*. 2002. № 11–12. С. 24.

³³⁶ *Грушевський М. С.* Історія України–Русі. Київ, 1913. Т. I. С. 408–410.

³³⁷ *Лебедев Г.* Славянский царь Дир // *Родина*. 2002. № 11–12. С. 24. *Лебедев Г. С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // *Старожитності Русі–України*. Київ, 1994. С. 151.

³³⁸ *Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // *Из истории русской культуры*. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 81–82.

³³⁹ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003. С. 103; *Лебедев Г.* Славянский царь Дир. С. 26. Однако А. Г. Кузьмин настаивает на их кельтском происхождении: *Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) С. 612–613.

³⁴⁰ Повесть временных лет. С. 13.

³⁴¹ *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 59.

составе Новгородской Первой летописи младшего извода, приход варягов Аскольда и Дира в Киев рассматривает вне хронологической и какой-либо иной связи с Рюриком: «И по сих, братии тои [Кия, Щека и Хорива], приидоста два Варяга и нарекостася князема: единому бе имя Аскольдъ, а другому Диръ; и беста княжаща в Кieve, и владеюща Полями; и беша ратнии съ Древлѣяны и съ Улицы»³⁴².

Территория, подвластная Аскольду и Диру (или Русский каганат) охватывала, видимо, главным образом область расселения полян, но, учитывая границы РЗУС, можно предположить подчинение им и северян. Именно северяне – носители волынцевской культуры – соприкасались с Хазарским каганатом, и на границе с ними как раз и была построена крепость Саркел³⁴³. Однако, согласно летописи, северян от уплаты дани хазарам освободил только Олег (884 г.)³⁴⁴. Можно предположить, что северяне попали в зависимость от Хазарии, когда Русский каганат утратил прежнюю силу или вообще перестал существовать. Но предположение это столь же гипотетично, как и мнение о том, что «Русь Дира» контролировала территорию вдоль всего волховско-днепровского «пути из варяг в греки»³⁴⁵.

В то же время сохранились данные о том, что Русский каганат в правление Аскольда или Дира пытался расширить свою территорию. Из ранее приведенного фрагмента Новгородской Первой летописи известно, что Аскольд и Дир воевали с древлянами и уличами. Летопись ничего не говорит о результатах этой войны. Как раз в этой неопределенности видят свидетельство достоверности данной информации³⁴⁶. Отношения полян – этнической основы Русского каганата – с древлянами были сложными до его образования и в первый период существования Древнерусского государства. Новгородская Первая летопись, сообщая о времени после смерти братьев Кия, Щека и Хорива, отмечает, что поляне «быша обидимы Древлѣяны, инемы околними»³⁴⁷. Дополнительную информацию о взаимоотношениях Русского каганата с соседями можно почерпнуть из Никоновского летописного свода. В этой летописи, довольно поздно составленной (XVI в.), содержатся

³⁴² III Л. Рязань, 2001. С. 106.

³⁴³ Седов В. В. Русский каганат IX в. С. 5–6.

³⁴⁴ Повесть временных лет. С. 14.

³⁴⁵ Лебедев Г. С. Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? С. 152.

³⁴⁶ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 105.

³⁴⁷ III Л. С. 105.

уникальные сведения о ранней истории Руси, об их достоверности историки спорят, что не мешает частому использованию их в исследованиях. Под 864 г. летопись сообщает о гибели «от болгар» сына Аскольда. О каких болгарях идет речь, определенно сказать невозможно, однако в предыдущей записи рассказывалось о крещении дунайских болгар. Далее, под 867 г. читаем: «Того же лета избиша множество Печенег Оскольдъ и Дирь»³⁴⁸. Имели ли место эти события в действительности и именно под указанными годами, как они соотносятся с известными из других источников данными, можно только предполагать. Несомненно, многое из истории первых политических объединений восточных славян останется скрытым от современного исследователя. Однако и отголоски событий седой древности достаточно информативны. Мы видим, что Русский каганат, во главе которого стояли называемые русскими летописями Аскольд и Дир, активно взаимодействовал с соседями, предпринимал и дипломатические шаги, направленные на упрочение его положения. Но внешняя политика южнорусского предгосударственного объединения, видимо, была неудачной, неустойчивой, вполне вероятно, была и его внутренняя структура.

Таким образом, даже скудные данные источников позволяют сложить довольно ясную картину существования в Восточной Европе накануне образования Древнерусского государства двух потестарных образований, в которых складывается довольно сильная верховная власть, в полной мере оторванная от населения. Можно обнаружить тенденцию к превращению власти в наследственную и к расширению охваченной ею территории. Но о государстве восточных славян можно говорить только с конца IX в.

2.5. Образование Древнерусского государства

2.5.1. Объединение северного и южного предгосударственных образований

Образование Древнерусского государства традиционно связывают с событиями 882 г. Если доверять летописной хронологии, именно в этом году князь Олег, то ли воевода, то ли родственник Рюрика овладел Смоленском, Любечем, а затем и Киевом.

³⁴⁸ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 9.

Видимо, к этому времени торговый путь «из варяг в греки» был хорошо освоен скандинавами, поэтому появление кораблей с воинами Олега, выдававшими себя за купцов, не вызвало у киевлян подозрения. Убийство прежних киевских правителей Аскольда и Дира (или, вероятнее, кого-то из них) позволило варяжскому правителю легко овладеть властью в «Русском каганате». Приобретение власти посредством убийства предшествующего правителя являлось таким же «легитимным» для примитивных обществ, как и наследование³⁴⁹.

Согласно летописи войско Олега составляли варяги, чудь, словене, меря, весь и кривичи³⁵⁰. Области расселения этих племенных союзов составляли территорию, подвластную Олегу до похода на юг. Захватив Смоленск или, точнее, полиэтническое поселение 12-ю км южнее Гнездово (на территории собственно Смоленска не обнаружено слоев ранее XI в., поэтому предполагают, что именно на Гнездово проецировали летописцы название позднейшего соседнего центра)³⁵¹, он подчинил другую группу кривичей. Важно, что владение Смоленском позволяло установить контроль над основными волоками и речными путями Восточной Европы. О подчинении центра другой группы кривичей – Полоцка – летопись ничего не говорит. Полочане, имевшие свое княжение, видимо, сохраняли самостоятельность. Собственно, Полоцк лежал в стороне от «пути из варяг в греки», задачей же Олега было овладеть ключевыми пунктами на этой торговой магистрали³⁵². Взятие Любеча (по археологическим данным в IX в. уже существовало укрепленное поселение на его месте)³⁵³, в стратегическом смысле «нависавшего» над Киевом предопределяло судьбу полянского центра.

Во вновь захваченных городах Олег, согласно летописи, оставляет своих «мужей», тем самым положив начало организации аппарата княжеского управления городами – центрами формирующихся областей – волостей³⁵⁴.

³⁴⁹ Фроянов И. Я. Исторические реалии в летописном сказании о призвании варягов. С. 809.

³⁵⁰ Именно в таком порядке в ПВЛ: Повесть временных лет. С. 14.

³⁵¹ Джаксон Т. Н. Austr и Girdum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. С. 73.

³⁵² Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. С. 471; Петрухин В. Путь из варяг в греки: становой хребет Древнерусской державы. С. 52–58.

³⁵³ Древняя Русь: Город, замок, село. 1985. С. 95.

³⁵⁴ Свєрдлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 131.

Таким образом были объединены северное и южное предгосударственные образования. Количественное изменение – значительное увеличение территории – привело к качественному – возникновению государства. Восточнославянское государство во главе со скандинавской династией поставило под свой контроль балтийско-черноморский торговый маршрут, т.н. «путь из варяг в греки», а также северо-западную часть Великого Волжского пути.

Киев Олег делает столицей своего государства. «Се буди мати градомъ руським», - якобы заявил князь³⁵⁵. «Мати городов» - дословный перевод греческого понятия «метрополия», т.е. «столица». Именно Киев стал местом постоянной резиденции старейшего князя в роде Рюриковичей, приобрел особый статус политического, экономического и идеологического центра.

На новом уровне политического развития перед верховной властью стояли более серьезные задачи. Их решение приводило к появлению новых явлений – государственного аппарата, системы налогообложения, письменно зафиксированного права. Изменился и характер внешней политики.

Деятельность Олега после овладения Киевом носит последовательный «государственный» характер: он строит укрепления («и нача города ставити») и организует регулярное обложение уже подчиненных племен данью («и устави дань словеномъ, кривичемъ, и мери...»)³⁵⁶. Вследующие годы Олег подчиняет древлян (883), северян (884) и радимичей (885), ранее плативших дань хазарам. Именно с древлянами – давними противниками полян, с которыми, возможно, воевали Аскольд и Дир – Олег «разбирается» в первую очередь. Неудачей завершилась попытка покорить уличей и тиверцев («а съ уличи и тверцы имяше рать»). Опорными пунктами новой власти на захваченной территории становятся поселения типа Шестовиц около будущего Чернигова в земле северян (возникло во второй половине IX в.) или более раннего поселения Тимерево (третья четверть IX в.), построенного в контактной зоне расселения словен, мери и веси. Для этих поселений характерны наличие скандинавского присутствия и то, что они располагались не на основных торговых путях, а во внутренних районах. Именно последнее обстоятельство позволяет предположить, что предназначались эти поселения для военно-административного контроля и управления подчиненной территории³⁵⁷.

³⁵⁵ Повесть временных лет. С. 14.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 133.

2.5.2. Внешнеполитические акции Олега

Довольно продолжительное время летописец не мог ничего сообщить об Олеге. Только под 903 годом вспоминается Игорь, который, несмотря на возмужание, «слушаша его». В этом году Игорь женится на Ольге, приведенной «от Пскова». И только в 907 г., согласно Повести временных лет, Олег совершает поход на Царьград. Безусловно, хронология событий правления первого правителя Древнерусского государства, представленная в Повести временных лет нельзя признавать достоверной. Возможно, даже неверна последовательность событий. Новгородская первая летопись помещает под 920 г. поход Игоря (sic!) «на Греки», а в 922 г. идет на Царьград Олег³⁵⁸. Составители летописей жили на несколько поколений позже описываемых событий. Привязать те или иные события к датам летописцам помогали греческие хронографы, но внутренняя история восточнославянского общества была византийцам неизвестна. Как это ни странно, не оставило никакого следа в греческих источниках и нападение на Константинополь. Однако русские летописи, содержащие текст Повести временных лет, приводят основанные на грекоязычных протографах предварительный и основной русско-византийские договоры соответственно 907 и 912 гг. (исследователи считают более правильной дату 911 г.). Имея в своем распоряжении тексты договоров Олега с греками в описании обстоятельств, которые к ним привели летописец основывался на преданиях, сохранявшихся в среде древнерусской знати³⁵⁹. Заключению чрезвычайно выгодного для Руси договора должна была предшествовать какая-то успешная акция киевского князя.

Поход Олега на столицу Византии был предопределен общей ситуацией в Восточной Европе. Конфликт с Хазарией закрыл возможность купцам-русам пользоваться волжским путем, в итоге большее внимание было уделено «пути из варяг в греки». Чтобы выступать равноправным партнером с Византийской империей Русь должна была веско заявить о себе.

Время для нападения на Византию было выбрано удачно: в начале X в. обострились византийско-арабские отношения, осенью 906 г. против императора восстал полководец Андроник, в начале

³⁵⁸ НПЛ. С. 107–108.

³⁵⁹ Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. С. 469.

907 г. перешедший на сторону арабов. Олег сумел собрать грандиозное войско – летопись называет в его составе все славянские племенные союзы Восточной Европы, включая не входившие в состав подвластной киевскому князю территории дулебов, хорватов и тиверцев. Поход на столицу империи был комбинированным: сухопутным на конях и морским на кораблях (2 000 согласно ПВЛ)³⁶⁰. Пересечение частью войска Олега болгарской территории предполагало какое-то соглашение с болгарским царем Симеоном³⁶¹. По преданию, которое приводит Нестор, Олег велел поставить корабли на колеса и под парусами двинул их на город. Вполне вероятно, это предание имеет историческую основу: корабли Олег ставит на колеса после того как греки «замкоша Судь», т.е. преградили водный путь к Константинополю. Олег попросту перетянул корабли волоком по суше. Также поступили в 1453 г. осаждавшие столицу Византийской империи турки³⁶². Греки поспешили откупиться от «варваров», угрожавших их столице. Войско Олега получило довольно значительную «дань» - по 12 гривен на человека. Учитывая, что к Царьграду подошло 2000 кораблей, в каждом из которых было 40 человек, цифра получается совершенно фантастическая (960 000 гривен, 8 000 пудов серебра). Кроме того греки должны были «даяти уклады на рускыа грады» Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и «прочаа городы». Трудно усмотреть в данном сообщении дифференциацию дани – единовременной контрибуции – по русским городам. Как цифры греческой дани, которую будто бы согласно Новгородской летописи «юже дають и доселе княземъ рускымъ»³⁶³, так и «уклады» русским городам – несомненно позднейшее домысливание летописца. Полную победу Руси должен был символизировать повешенный на воротах Царьграда щит Олега (по Ипатьевской летописи – щиты русских воинов). В этом обстоятельстве не видят ничего удивительного. Вывешивание щитов на главных воротах занятого города могло быть связано с каким-то ритуалом; сохранилось и древнерусское выражение «взять на щит» в значении «захватить, взять приступом»³⁶⁴.

³⁶⁰ В Новгородской Летописи произошла полная путаница: в походе Игоря 920 г. было 10 000 кораблей (скыдеи), а в походе Олега 922 г. – 100 или 200. С. 107–108.

³⁶¹ *Литаврин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000. С. 63.

³⁶² *Повесть временных лет.* С. 416.

³⁶³ НЛ. С. 108.

³⁶⁴ *Повесть временных лет.* С. 419.

Условия предварительного, возможно, устного договора между Олегом и императорами-соправителями Львом VI Философом и Александром 907 г., а затем письменно зафиксированного мирного договора 911 г. были чрезвычайно благоприятны для Руси, что не оставляет сомнения в реальности успеха военной акции Олега. Главным положением договора 907 г. было восстановление мирных и добрососедских отношений между двумя государствами³⁶⁵. В тексте договора 907 г. учитывались вопросы поведения русских посольских и торговых миссий на территории Византии, регламентировался порядок их продвижения по стране, определялись условия их пребывания под Константинополем и в самой столице. Уникальным для империи являлось полученное русскими купцами право беспощинной торговли: «И да творят куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта ни в чем же»³⁶⁶. Соглашение 911 г. явилось не только договором «мира и любви», но и «рядом». Этот «ряд» касался конкретных сюжетов взаимоотношения подданных двух государств в экономической и политической сфере. При этом исследователи считают его совершенно самостоятельным межгосударственным равноправным договором³⁶⁷.

Итак, поход Олега обеспечил верхушке нового государства рынок сбыта продукции земледелия, скотоводства и промыслов, взимавшихся с подвластного населения в виде дани. Кроме того, были выполнены и другие задачи: навязывание дипломатических отношений с Византийской империей, повышение авторитета восточнославянского государства, провозглашение в средневековом мире его появление в ряду устойчивых государственных образований Европы и Востока³⁶⁸. Именно в договоре 911 г. впервые словами «Русская земля» была обозначена территория, подвластная киевскому князю и «всей руси» – княжеской дружине³⁶⁹. Как и Византия, Русь воспринимается как единое правовое пространство. Таким образом было зафиксировано положение, когда этноним русь распространялся на все население, подвластное Киеву.

С русско-византийскими соглашениями начала X в. связывают активность русов в направлении Южного Каспия. Из сообщений прикаспийского историка XIII в. Ибн Исфендияра можно

³⁶⁵ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X вв. М., 1980. С. 108.

³⁶⁶ Повесть временных лет. С. 17.

³⁶⁷ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 176.

³⁶⁸ Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 22.

³⁶⁹ Петрухин В. Я. Путь из варяг в греки. С. 55.

понять, что впервые русы воевали на южном побережье Каспийского моря еще в годы правления 'Алида ал-Хасана ибн Зайда (864–884). Но факт военной экспедиции русов во второй половине IX в. ставится под сомнение многими историками³⁷⁰. Связано это и с тем, что наиболее осведомленный арабский ученый X в. ал-Мас'уди писал, что военные суда русов ранее 912/913 г. в данном регионе не появлялись³⁷¹. Согласно сообщению Ибн Исфендийара в начале X в. (точнее датировать невозможно) русы совершили несколько незначительных (на 16 кораблях) нападений на поселения юга Каспия, в том числе на Абесгун. Местным властям удалось в итоге уничтожить грабителей³⁷². В рассказе ал-Мас'уди создается картина более серьезного предприятия. Арабский историк писал, что после 300 г.х. (912/913 г.) около 500 кораблей русов с разрешения хазарского правителя перешли из Черного моря в Каспийское и затем «много месяцев» бесчинствовали на южном побережье. Отряды русов ограбили провинции Гилян, Дейлем, Табаристан, Абесгун, область нефтяных источников (Баку) и Азербайджан. Возможно информация о некоторых из этих акций русов и была зафиксирована Ибн Исфендийаром. На обратном пути, несмотря на выполнение русами обязательства перед хазарами – отдать половину награбленного, – они подверглись нападению хазарских мусульман и христиан. Часть русов, которым удалось бежать вверх по Волге, была перебита буртасами и волжскими булгарами³⁷³.

Нельзя утверждать, что нападения русов на юг Каспия в начале X в. носили исключительно грабительский характер. Давно замечено что в войне в данном регионе была заинтересована Византия, ведшая упорную борьбу с Арабским халифатом. Предполагают, что поход русов в Закавказье против вассалов Багдада мог явиться следствием политической договоренности между Русью и империей как раз после нападения Олега на Константинополь³⁷⁴. Но несомненно у молодого восточнославянского государства были и свои интересы на Востоке. Не случайно нападению русов подвергся Абесгун знаменитая торговая гавань на берегу Каспийского мо-

³⁷⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 222.

³⁷¹ Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. С. 476.

³⁷² Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 223.

³⁷³ Там же. С. 222.

³⁷⁴ Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель. С. 476.

ря³⁷⁵. Русь заявляла о себе на одном и ключевых пунктах главной торговой магистрали Восточной Европы. Однако не ясна позиция в этих событиях Хазарии. Ведь именно ее считают виновницей перерыва в торговле на Великом Волжском пути. Возможно, в связи с политическими соображениями (арабы были врагами как хазар так и греков), а также благодаря дипломатическому давлению Византии Хазария решила не препятствовать русам. В то же время уничтожение русов на обратном пути показало, что противоречия между двумя восточноевропейскими державами были более сильнее временного примирения в связи с противостоянием общему врагу. Исследователи отмечают что с начала X в. начинается также охлаждение в отношениях между Хазарией и Византией³⁷⁶.

2.5.3. Характер государства Олега

Договоры начала X в. позволяют сделать важные выводы о структуре молодого Древнерусского государства. В тексте предварительного договора 907 г. упоминаются «велиции князи, под Олгом суще». В тексте 911 г. Олег называется великим князем русским, «под рукою» которого находились «светлые и великие князья» и его «великие бояре»³⁷⁷. Таким образом, Русь представляется в виде федерации княжеств. Олег, как великий князь русский, был только старшим по отношению к другим князьям, таким же конунгам, как и он сам³⁷⁸. Титул «великий князь» в Древней Руси употребляется только со второй половины XII в. Его появление в русско-византийских договорах объясняют следствием дипломатического этикета при указании равенства сторон, а также стремлением выделить киевского князя из числа других правителей, возглавлявших племенные княжения в составе Древнерусского государства³⁷⁹. Но и эти последние правители называются «великими князьями». Поэтому титулование Олега великим князем при наличии в его подчинении («под рукой») других правителей с тем же обозначением действительно соответствует титулу правителя Византийской империи – императора. Носителю титула импера-

³⁷⁵ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 198.

³⁷⁶ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 202.

³⁷⁷ Повесть временных лет. С. 17–18.

³⁷⁸ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1993. С. 131.

³⁷⁹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 151.

тор, как и кагану (возможно, первые русские князья назывались каганами)³⁸⁰, должны были подчиняться другие властители, ниже его по рангу. Эпитет «светлые», применяемый к русским князьям, является переводом широко распространенного в византийской практике титула. Переводом с греческого считается и выражение «иже суть под рукою его». И в русских литературных памятниках XI–XIV вв. слово рука могло приобретать значение «власть, господство», «воля, распоряжение»³⁸¹. Предполагают что договоры могут содержать и скрытую информацию о существовании в первой половине X в. иерархии князей. Под 907 г. ПВЛ сообщает о выплате дани Византией на следующие города: «первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтескъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа города; по тем бо городомъ сядяху велиции князи, под Олгом суще». Но на соотношение значимости городов а следовательно и «сидящих» в них князей могла оказать влияние близкая к моменту фиксации данной информации ситуация в Киевской Руси.

Киевскому князю принадлежит вся полнота юридических прав на территории государства. Именно Олег в договоре 907 г. назван в качестве гаранта поведения его подданных в Византии: «да запретить князь словомъ своимъ приходящимъ Руси zde, да не творять пакости в селех в стране нашей»³⁸².

Общество Руси в целом в договорах начала X в. представлено состоящим из трех социальных слоев: князей, бояр и «всех», кто находится «под рукою его» или «всех людей русских». Первый слой был представлен местными племенными князьями и, вполне вероятно представителями правящей в Киеве династии т.е. скандинавскими конунгами. Бояре для рассматриваемого периода в целом могут быть охарактеризованы, как «люди знатные и богатые». Важно что уже в это время княжеские служилые люди и местная племенная знать названы как единый социальный слой³⁸³. То обстоятельство, что имена послов в договорах скандинавские (Карлы Инегелд, Фарлоф Веремуд Рулав, Гуды, Руалд Карн Фрелав Руар Актеву, Труан, Лидул Фост Стемид), позволяет предположить, что ближайшее окружение князя составили скандинавы, спорным

³⁸⁰ Каганом называют древнерусские источники Владимира и Ярослава Мудрого: Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ДГ 1998 г. С. 367–379.

³⁸¹ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 160.

³⁸² Повесть временных лет. С. 17.

³⁸³ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 149.

остается вопрос, в какой мере они представляли высший слой древнерусского общества. Археологические данные недвусмысленно говорят о значительном удельном весе скандинавов в княжеской дружине. Но уже во второй половине X в. этнические особенности отдельных представителей княжеской дружины утрачиваются. Формируется единое древнерусское дружинное сословие, культура которого синтезировала в себе скандинавские, славянские, финские и степные (хазарско-венгерские) элементы. Не следует также преувеличивать скандинавское присутствие на Руси. Так, из 950 курганных погребений, раскопанных в Гнездово, надежно скандинавскими признаются только около 50³⁸⁴.

Погребальный обряд, который формируется в X в. около поселений типа Гнездово в Верхнем Поднепровье, Тимерево в Верхнем Поволжье, вокруг Киева и Чернигова, связываемый обычно с дружинным сословием, значительно отличается от обрядов славян или балтов, отмечаемых в предшествующий период. Господствующей формой погребального памятника становится обычный полусферический курган, а формой обряда – трупосожжение. Древнерусские курганы близки «большим курганам» Скандинавии. Так для Руси и Скандинавии встречается захоронение в ладье, характерно использование в обряде погребения оружия и пиршественной посуды, а также осуществление жертвоприношения (козла или барана, реже людей). Обстановка погребального обряда напоминает исследователям следование совершавшими ритуал представлениям о Вальхалле, загробном чертоге Одина, где тот принимал избранных героев – ярлов и конунгов, павших в битве. Такие представления приобретают особый смысл, принимая во внимание то, что правитель являлся не только гарантом права и благополучия своей страны, но был также гарантом мирового порядка, традиционных устоев, включая мир сверхъестественного. Один набирал дружину героев, которой предстояло сразиться с силами Хаоса, которые грозили повергнуть мир людей и богов. Смерть правителя, особенно в бою, усиливала эту дружину. Поэтому погребальный обряд воспроизводил загробную жизнь в Вальхалле³⁸⁵.

В последнее время выдвинуто предположение, что погребенные в курганах с наиболее богатым инвентарем, обнаруживаемые в различных уголках Восточной Европы, связаны между собой не

³⁸⁴ Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 204–214.

³⁸⁵ Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия. С. 249–250.

только в «этнокультурном» отношении, но и генеалогически. В то же время древнерусские монументальные погребальные памятники по обряду близки «большим курганам» Скандинавии³⁸⁶. В них могли быть захоронены представители единого княжеского рода. Тем не менее летописи совершенно ясно дают понять, что верховный правитель с 80-х гг. X в. находился в Киеве.

Древнерусская раннеисторическая традиция, как и скандинавские источники, касаясь описания деяний первых правителей, особое внимание уделяют обстоятельствам их смерти и месту погребения. Относительно смерти Олега существуют различные версии. Нестор приводит знаменитую легенду о гибели киевского князя от укуса змеи в 912 г., могилу его составитель летописи знал еще в начале XII в. в Киеве на горе Щековице³⁸⁷. Составитель Новгородской Первой летописи младшего извода не обладал точными данными обстоятельств смерти Олега и привел сразу две версии. По одной князь закончил свою жизнь в Ладоге, где находится и его могила. По другой Олег ушел за море, где его «уклюну змия в ногу»³⁸⁸. Обе версии помещены под 922 годом. Противоречия с местом смерти Олега могут быть связаны с критикой источников. Однако российскими историками предположено существование двух могил Олега одной реальной, другой символической. Погребение в Киеве и Ладоге позволяет наметить умозрительную государствообразующую ось экономическое содержание которой составил транзитный Балтийско-Днепровско-Черноморский путь – «путь и варяг в греки». Реальная или символическая могила в Ладоге может говорить о сохранении ее идеологического значения, как первого стольного города, позднее к середине X в. это значение перейдет к Новгороду. В целом различные предания о смерти Олега позволяют сделать вывод о складывании двухцентровой системы Древнерусского государства³⁸⁹. Последующие события (например, крещение Руси) подкрепляют этот вывод.

Представленная Новгородской летописью гибель Олега в 922 г. где-то за морем хорошо согласуется с данными так называемого Кембриджского документа, что позволило некоторым историкам полностью принять на веру данные этого в общем-то темного источника и пересмотреть хронологию Повести временных лет.

³⁸⁶ Там же. С. 249, 251–252.

³⁸⁷ Повесть временных лет. С. 20.

³⁸⁸ ИЛ. С. 109.

³⁸⁹ *Свердлов М. Б.* Домонгольская Русь. С. 179–180.

Кембриджским документом принято называть источник, как и Киевское письмо происходящий из Каирской генизы – хранилища старых рукописей при синагоге. В 1912 г. его обнаружил в библиотеке Кембриджского университета американский ученый С. Шехтер. Большинство исследователей считает Кембриджский документ подлинным источником X в.³⁹⁰ В рассматриваемом источнике упоминается некий «царь Руси» Х-л-гу, который во время правления в Византии Романа I Лакапина (920–944 гг.) захватил хазарский город Самкерц (будущая Тмутаракань). Автор Кембриджского документа (как предполагают, это был крымский еврей или хазарин, бежавший в Византию после гибели Хазарского каганата) обвиняет греческого императора в подстрекательстве Х-л-гу в агрессии против Хазарии. Хазарскому полководцу, если верить анонимному автору рассматриваемого источника, удалось после четырехмесячной войны одолеть правителя русов и отобрать награбленное в Самкерце. Победенный Х-л-гу дал обязательство воевать против Византии, но вновь был разбит на этот раз греками. И, как отмечает источник, устыдясь возвращаться в свою землю, отправился морем в П-р-с (Персию?), где и погиб вместе с остатками войска. «И так, - завершает свой рассказ автор Кембриджского документа, - попали русы под власть хазар»³⁹¹.

Имя Х-л-гу чрезвычайно напоминает имя Олег, что дало основание ряду исследователей прямо отождествить Х-л-гу Кембриджского документа и князя Олега русских летописей. Этому способствовали условность летописной хронологии, отсутствие событий в летописи, касающихся первых тридцати лет правления Игоря, а также некоторые определенные аналогии в деятельности первого правителя Древнерусского государства и «царя русов» с поправкой на тенденциозность «прохазарского» автора. Те же соображения вызвали целый ряд других предположений, а именно то, что Х-л-гу – это либо второе имя Игоря, либо предводитель, зависимый от Игоря, либо независимый от Киева князь, либо другой князь с именем Олег, правивший на Руси между Олегом «Вещим» и Игорем Старым³⁹². Наиболее непротиворечивым можно признать мнение о Х-л-гу–Олеге, как о представителе правящего в Киеве

³⁹⁰ Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 227–228. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. С. 150.

³⁹¹ Там же. С. 134–142.

³⁹² Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 70–71: *Он же*. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X в. // ВИ. 1999. № 8. С. 48.

княжеского рода³⁹³. В свое время Г. В. Вернадский предположил, что Олег Кембриджского документа был сыном Игоря и Ольги, мужем Предславы, упомянутой в русско-византийском договоре 944 г.³⁹⁴ Особая связь Тмутаракани (Самкерца с Черниговом, а также специфика дружинных древностей Черниговщины дали возможность предположить черниговское происхождение Х-лгу–Олега³⁹⁵.

Соглашение с греками привело к военной акции русов против хазаров. Показательно, что после получения известия о нападении на Самкерц хазарский полководец воюет не против Руси, а в византийских владениях в Крыму. Совершенно фантастически выглядит при этом утверждение о попадании Руси в зависимость от Хазарии. Поражение одного из русских князей, видимо, располагавшего не очень значительными силами, не могло иметь таких последствий. Возможно, в данном случае речь идет о подчинении хазаром только русов – воинов Олега³⁹⁶. Таким образом, Кембриджский документ даёт дополнительные данные для первых лет Древнерусского государства и не позволяет радикально пересмотреть раннюю историю восточных славян.

В правление Олега, называемого летописью Вещим, несомненно, можно говорить о существовании Древнерусского государства. Но государство это было еще незрелым. Русь далеко не была единым политическим организмом: сохранялись местные князья, чуждые правящей в Киеве династии. Существованием таких переходных социально-политических структур, как племенные княжения, можно объяснить существование архаического по происхождению института полюдья³⁹⁷. В Древнерусском государстве конца IX первой половины X в. еще не была создана система налогообложения, соответствующая новому уровню. Но неуклонно действовали интеграционные факторы – субъективные в лице обосновавшейся в Киеве династии скандинавских князей, очень скоро превратившихся в древнерусских, и объективные – этнические, экономические, внешнеполитические. Происходит

³⁹³ Он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. С. 71; Он же. Государство или конгломерат конунгов? С. 48; Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // ДГ 1998 г. С. 226–229.

³⁹⁴ Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 1996. С. 41.

³⁹⁵ Петрухин В. Я. Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род. С. 229.

³⁹⁶ Горский А. А. Государство или конгломерат конунгов? С. 49.

³⁹⁷ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. С. 180.

дальнейшая эволюция института верховной власти, делом будущего остается окончательное оформление территории государства, формированием древнерусской народности завершатся процессы этнической консолидации, начатые благодаря объединению территории, осваиваемой восточными славянами. Глобальные перемены в жизни восточнославянского общества не могли не повлиять на идеологическую сферу, даже на мировоззрение людей. Важной вехой в этом стало принятие христианства.

2.6. Норманны и «русь»

2.6.1. Роль скандинавов, норманнская проблема

Уже третье столетие в вопросе о возникновении Древнерусского государства сталкиваются два направления – норманизм и анти-норманизм. Норманизмом принято называть то направление в историографии, в основу которого положена гипотеза о скандинавском происхождении российской государственности³⁹⁸. Борьба норманизма с антинорманизмом изначально не была исключительно научным спором, а носила политический характер. Норманская теория часто служила цели показать неполноценность русского народа, да и славян вообще, его неспособность самостоятельно создать государство и развитые правовые институты. Споры о степени скандинавского влияния продолжаются до сих пор, нельзя сказать, что они перешли исключительно на научный уровень. Всегда серьезно уступающие в плане доказательности антинорманисты приводят для утверждения своих позиций вненаучные аргументы, обвиняя в норманизме, а значит непатриотизме, даже сторонников мнения о скандинавском происхождении древнерусской княжеской династии и этнонима «русь». Но разделение этого мнения не ведет автоматически к признанию насаждения государственности скандинавами, как считают даже современные антинорманисты³⁹⁹.

Временем возникновения норманской теории является XVIII в., хотя «первым норманистом» можно назвать составителя Повести

³⁹⁸ Картаев М. Д. Норманская болезнь в русской истории // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 184.

³⁹⁹ Кузьмин А. Г. Облик современного норманизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). С. 214–256.

временных лет Нестора: именно его труд даёт наиболее веские аргументы в пользу значительной роли скандинавов в сложении восточнославянского государства. Научные основы норманизма заложил член Петербургской Академии наук Готлиб Байер, в свое время приглашенный в Россию Петром I. В ряде своих работ немецкий ученый, обобщивший данные основного круга письменных источников (но русским языком он не владел), доказывал, что принятая славянами династия была германской и создателями государства выступили не славяне, а чужеземные правители⁴⁰⁰. В середине XVIII в. идеи Байера развил Герард-Фридрих Миллер. В 1749 г. Миллер выступил с речью на торжественном заседании Академии наук. Материалы выступления были заранее прорецензированы с целью поиска в них чего-либо антирусского. Иноземное происхождение правителей Древней Руси рядом патриотически настроенных русских ученых (М. В. Ломоносов, С. П. Крашенинников, В. К. Тредиаковский, Н. И. Попов и др.) было воспринято, как стремление унижить Россию. Ничего общего с наукой дальнейший спор норманистов и антинорманистов, идейным родоначальником которых считается М. В. Ломоносов, не имел. Позиция Миллера была более объективной и более научной, чем построения Ломоносова. Так, «химии адъюнкту Ломоносов» считал, что славянские племена роксоланов и готов перешли с берегов Черного моря на Балтийское побережье и получили там название варяги и именно от этих славян-варягов происходят древнерусские князья⁴⁰¹. Главным недостатком содержания труда Миллера «О происхождении народа и имени российского», прочитанного на заседании Академии наук, было признано то, что автор «ни одного случая не показал к славе российского народа, а только упоминал о том, что к его бесчестию служить может»⁴⁰². В итоге Миллер был лишен звания академика и его уже напечатанный труд уничтожен. Но очень скоро общая политическая конъюнктура способствовала полному восстановлению позиций норманизма (а вместе с тем и Миллера). Идея о происхождении правителей России от скандинавов-варягов еще ранее была использована с целью официального возвышения московских царей в глазах европейских монархов. Норманская теория оказывалась более «престижной» для российских властей. Но причина доминирования именно «норманизма» в науке XIX в.

⁴⁰⁰ Хлевов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. С. 7.

⁴⁰¹ Там же. С. 8–9.

⁴⁰² Цит. по: Карташев М. Д. Норманская болезнь в русской истории. С. 186.

заклучалась в том числе и в более серьезной его аргументации, основанной на анализе источников.

В начале XIX в. опубликовал свой капитальный труд под названием «Нестор» немецкий историк и филолог Август Шлецер. Труд этот, посвященный анализу летописного свода 10-х гг. XII в., оказал большое значение на развитие отечественного источниковедения. Шлецер однозначно высказался в пользу скандинавского происхождения варягов. Варяги, по мнению ученого, захватили славянские земли, что было несложно, поскольку местные племена были малочисленными и полудикими. Именно Шлецеру принадлежит наиболее завершенная формулировка ключевого постулата норманской теории: «Скандинавы, или норманны в пространном смысле основали русскую державу»⁴⁰³.

«Скандинавскую природу» варягов признавали в дальнейшем виднейшие представители российской исторической науки: Н. М. Карамзин, А. А. Куник, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, А. А. Шахматов, М. К. Любавский, В. О. Ключевский и др.⁴⁰⁴ Но по отношению к степени влияния скандинавов на развитие восточнославянской государственности они занимали различные позиции. Так, весьма близки современному видению проблемы были взгляды С. М. Соловьева. Ученый полностью принял тезис о норманском происхождении княжеской династии и отводил норманнам решающую роль в образовании социальной структуры, но они быстро слились с туземцами, тем более, что «в своем народном быте не находили препятствий к этому слиянию». Варяги не были выше славян в социальном отношении и поэтому, по мнению ученого, способствовали только активизации развития Древней Руси, но не могли господствовать в «духовном, нравственном смысле»⁴⁰⁵. С. М. Соловьевым в итоге был сделан важный вывод: «вопрос о национальности варягов-руси теряет свою важность в нашей истории»⁴⁰⁶. Еще более категорично это мнение выразил В. О. Ключевский, называвший норманскую проблему патологией общественного сознания. Исследователь призывал историка, занимающегося проблемой возникновения русского государства помнить, что «национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или иного князя

⁴⁰³ Хлевов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. С. 14.

⁴⁰⁴ Там же. С. 17–46.

⁴⁰⁵ Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. История России с древнейших времен. М., 1993. С. 251.

⁴⁰⁶ Там же. С. 253.

и не от того, на балтийском или азовском поморье зазвучало впервые известное племенное название...»⁴⁰⁷. Но до сих пор понимание закономерности процесса государствообразования и второстепенности его этнического содержания не стало общепризнанным.

Решительная борьба с «норманизмом», под которым понималось не только признание решающей роли норманнов в складывании Древнерусского государства, но и мнение о скандинавской этнической принадлежности первых русских князей и поиск северноевропейских корней названия «русь», развернулась в советской исторической науке. Программным при этом являлся тезис, выдвинутый в свое время Энгельсом: «Государство ни в коем случае не может быть навязано извне»⁴⁰⁸. В чистом виде приверженцев идеи внешнего происхождения государства или теории завоевания в XX в. найти было трудно. Но ярлык норманизма, который считался «антирусской, а позднее антисоветской политической доктриной»⁴⁰⁹, приклеивался любому намеку на некоторое влияние иноземцев, даже на иностранное происхождение названия страны и этноса. Однако игнорировать данные источников было невозможно. Официальную позицию по норманской проблеме сформулировал Б. Д. Греков: «Если быть очень осторожным и не доверять деталям, сообщаемым летописью, то все же можно сделать вывод о том, что варяжские викинги, допустим, были даже призваны на помощь одной из борющихся сторон в качестве вспомогательного отряда. Но ведь это совсем не говорит об образовании ими государства. Варяги, очутившиеся в мощной славянской среде, удивительно быстро ославянились, и русская общественно-политическая жизнь пошла своим чередом без признаков влияний извне»⁴¹⁰. Но даже и эта чрезвычайно осторожная формулировка в следующем, уже посмертном издании труда метра советской исторической науки была изменена. В начале 50-х гг. XX в. в Советском Союзе в самом разгаре была борьба с «безродным космополитизмом и низкопоклонством перед Западом»⁴¹¹, что прямо воздействовало на выводы советских историков. «Призвание варяжских викингов» Б. Д. Греков теперь называл «случайным явлением», а государс-

⁴⁰⁷ *Ключевский В. О.* Наброски по варяжскому вопросу // *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 114.

⁴⁰⁸ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.

⁴⁰⁹ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 296.

⁴¹⁰ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 448.

⁴¹¹ *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999. С. 76.

тво оказывалось образованным «без всякого участия варягов»⁴¹². Многие годы впоследствии официальный взгляд на проблему роли скандинавского элемента в создании Древнерусского государства выражал Б. А. Рыбаков. В его концепции становления восточнославянской государственности скандинавы только мешали внутреннему, самобытному процессу. «На протяжении всего IX в. и первой половины X в., - писал ученый, - шел один и тот же процесс формирования и укрепления государственного начала Руси. Ни набег мадьяр или Внутренних болгар, ни наезды варягов или удары печенегов не могли ни остановить, ни существенным образом видоизменить ход этого процесса»⁴¹³. Захват Олегом Киева Б. А. Рыбаков считал случайным эпизодом, древнерусские князья происходили от местной династии, да и этноним русь лишь из-за искажения составителей летописей XII в. оказался связанным со скандинавами⁴¹⁴. Такая позиция ученого возникла не только благодаря его ультрапатристическим или националистическим взглядам, стремлением всячески возвысить русский народ и его непосредственных предков⁴¹⁵, но и диктовалась политическими соображениями. Антинорманизм в науке был возведен в ранг официальной концепции. Яростным нападкам подвергались мнения, не совпадавшие с одобренными внеучеными структурами, особенно представителей западной, «буржуазной» исторической науки. Особенное неприятие встречали теории завоевания варягами территории восточных славян и происхождения термина «Русь» от финского «Ruotsi», распространенные на Западе⁴¹⁶.

Важно, что антинорманистская критика советских ученых сделала невозможным отстаивание прежних идей норманизма. Было доказано, что скандинавы эпохи викингов стояли приблизительно на той же ступени общественного и культурного развития, что и восточные славяне⁴¹⁷, и в связи с этим не может идти речь о привнесении ими государственности. Тем не менее полное отрицание какого бы то ни было воздействия скандинавов приводило к однобокости исследований, их неполноте, а значит необъективности.

⁴¹² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 453.

⁴¹³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 315.

⁴¹⁴ Там же. С. 299–315.

⁴¹⁵ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 70.

⁴¹⁶ Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964. С. 229–288.

⁴¹⁷ Рыдзевская А. Е. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978. С. 133.

Археологические данные, существенно дополнившие исследования в XX в., позволили прийти к выводу, что удельный вес скандинавов был более значительным, чем представлялось или хотели представить ранее. Норманны оказались на севере Восточной Европы на столетие раньше славян⁴¹⁸ и очень тесно взаимодействовали с местным населением и с позднее появившимися переселенцами. Каким бы ни был характер славяно-скандинавских контактов сам факт их наличия нельзя отрицать. Игнорирование этих обстоятельств при рассмотрении вопроса о предпосылках государственного строительства восточных славян позволяет поставить вопрос об объективности того или иного исторического исследования. Но только перемены в обществе конца XX в. сделали возможным смягчение противостояния двух концепций. От полного отрицания каких-либо заимствований и влияний либо наоборот гипертрофированности внешнего воздействия официальная наука пришла к пониманию множественности взаимосвязей между славянами и скандинавами, а также финскими и балтскими племенами. В то же время скандинавский фактор мог лишь скорректировать – ускорить либо замедлить, но не радикально повлиять на развитие внутренних политических, экономических и социальных процессов в восточнославянском обществе. Решение норманской проблемы на современном этапе заключается в возможно более полной и детальной реконструкции полиэтнического по своему характеру процесса консолидации племенных коллективов Восточной Европы, завершившегося созданием к концу I тыс. н.э. мощного государства «восточнороманского» типа – Киевской Руси⁴¹⁹. Утверждается, что варяги играли на Руси строго определенную, обусловленную и очень дифференцированную во времени роль. Со временем варяги все более и более приспособлялись к внутреннему ходу развития финно-балто-славянской государственной структуры, включаясь в ее становление и усиливая местные тенденции⁴²⁰.

Но не следует преувеличивать роль варягов. В свое время польский славист Г. Ловмянский доказал незначительность скандинавской колонизации Восточной Европы: на около 380 названий местности (включая гидронимы), связанных происхождением со скандинавскими языками, приходилось около 60 тыс. населенных

⁴¹⁸ Кузьмин А. Г. Облик современного норманизма. С. 220–221. Сам А. Г. Кузьмин приводит этот вывод, полемизируя с современными «норманистами».

⁴¹⁹ Хлебов А. А. Норманская проблема в отечественной исторической науке. С. 74.

⁴²⁰ Там же. С. 77.

пунктов местного населения (в целом по подсчетам ученого около 1000 г. в Древней Руси насчитывалось 4,5 млн. жителей)⁴²¹. И если признать, что все селения, название которых этимологически связано с северноевропейскими языками, были заселены исключительно скандинавами, то их численность составила бы лишь около 2 тыс. чел.⁴²² Показательно также то, что скандинавские названия получили мелкие населенные пункты, а не крупные и тем более главные центры⁴²³. Тем не менее, несмотря на незначительность «норманнского присутствия», определенную роль в трансформации социальной структуры догосударственного восточнославянского общества они сыграли. Современные исследователи находят опосредованное или прямое воздействие на социальное развитие славян в связи с торговой деятельностью варягов⁴²⁴. Обнаруживают также сходство в некоторых скандинавских и древнерусских институтах (например, полюдь-вейцла). Наиболее объективным представляется мнение, что варяги стали своеобразным катализатором уже начавшихся в восточнославянском обществе процессов. «Можно было бы обойтись и своей закваской, но с варяжскими дрожжами получилось быстрее и лучше»⁴²⁵.

2.6.2. Этимология этнонима и хоронима «русь»

Вопрос о происхождении этнонима и хоронима «русь» даже для современного уровня развития исторической науки остается во многом нераскрытым. Прежде всего необходимо отметить, что решение этой проблемы не может быть напрямую связано с проблемой становления государственности восточных славян. Исследователи приводят множество примеров того, как покоренные народы распространяли на свою страну название доминирующего этноса-завоевателя (Франция, Британия, Англия, Болгария)⁴²⁶. Но с термином «русь» ситуация обстоит гораздо сложнее. Слабая освещенность раннего периода русской истории источниками поз-

⁴²¹ Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 99.

⁴²² Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 101.

⁴²³ Там же. С. 105.

⁴²⁴ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // ДГ 1992–1993 годы. С. 16–33.

⁴²⁵ Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности. С. 19–20.

⁴²⁶ Бибииков М. В. Комментарий // Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 297.

воляла историкам перетасовывать крохи информации в угоду той или иной политической конъюнктуры. Нет полной определенности и в современной науке, хотя и налицо определенные достижения – все большее признание получает мнение о скандинавском происхождении имени «русь».

Сторонники скандинавской этимологии отмечают эволюцию содержания термина «русь», отражающую важнейшие этносоциальные сдвиги в восточнославянском обществе. Истоки рассматриваемого термина находят в период, когда славяне еще не освоили просторы севера Восточной Европы, и эта территория была населена западнофинскими племенами. Подтверждений тесных контактов скандинавских и прибалтийско-финских народов в «дославянское» время археологи находят все больше, несомненными были и лингвистические заимствования. Примером такого заимствования является финское слово «ruotsi», в языке эстов преобразившееся в «roots», у ливов – в «ruots», у води и карелов – в «rotsi». «Ruotsi» и его производные означают «Швеция» или «швед». Показательно, что по мере продвижения на восток значение этого слова меняется: в ряде саамских и карельских диалектах оно означает уже как шведов, так и русских. Видимо, местные племена называли одним термином пришлых иноземцев, собиравших с них дань. Таким образом, смешиваются социальное и этническое значения термина⁴²⁷; им называют вне зависимости от этнической принадлежности тех, кто собирает дань, т.е., главным образом, воинский контингент, дружину.

Предполагают, что финское «ruotsi» происходит от древнешведского «göyeg» – «гребля, судоходство, плавание», производным от этого словом (с основой на *goюs-) могли называть себя скандинавы, проникавшие на территорию финских племен и именно с этим «профессиональным» самоназванием те познакомилась⁴²⁸. Не зафиксировано, чтобы в Восточной Европе скандинавы выступали под своим самоназванием «викинги». Убедительное объяснение этому предложил шведский археолог Э. Нулен: на реках Восточной Европы невозможно было использовать «длинные» корабли, идущие в основном под парусом, кроме того здесь часто приходилось плыть против течения, используя весла⁴²⁹. Позднейшие источники

⁴²⁷ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24–26.

⁴²⁸ Бибиков М. В. Комментарий. С. 298.

⁴²⁹ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С. 286.

позволяют увидеть в воинах первых древнерусских князей именно гребцов. Так, например, Олег потребовал от греков давать дань «на ключ» – уключину каждого боевого корабля⁴³⁰. Итак, в Восточной Европе викинги превратились в гребцов-«*guotsi*». Законы лингвистики не противоречат преобразованию финского «*guotsi*» в древнерусское «русь». Это подтверждают и реальные исторические примеры: так, при самоназвании финнов «*suomi*» на Руси называли прибалтийских финнов «сумь», сходно звучат этнонимы ямь, весь и т.д.⁴³¹ Таким образом не нужно считать поздней вставкой летописца прямые указания на скандинавское происхождение этнонима «русь»: «от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене»⁴³². Кроме этого свидетельства, тот факт, что в древнерусском обществе (в отличие от многих историков новейшего времени) не сомневались в «варяжской природе» руси, подтверждает перевод «Хроники» продолжателя Георгия Амартола. На месте оригинального текста о руси Игоря, происходящей от рода франков, в переводе значит: «от рода варяжьска сущих»⁴³³.

Спорным остается вопрос о появлении формы рассматриваемого термина через «о» (византийского «*gos*» и «*Rhos*» Бертинских анналов). Предполагают, что эта форма могла быть заимствована прямо от скандинавов, как самоназвание дружины правителей, ставших во главе восточнославянских политических объединений («гребцы» название с основой на **goys-*). Кроме того, имя «Рос» было хорошо известно византийской традиции в связи с неточным переводом с древнееврейского титула «наси-рош» – «верховный правитель» в одной из книг Библии. Получилось, что эсхатологическое пророчество касается нашествия Гога из земли Магог, архонта Роса Мосоха и Тобела⁴³⁴. Патриарх Фотий в связи с нападением на Константинополь в 860 г. варваров Восточной Европы выступил с двумя гомилиями (проповеди беседы), в которых называет их росами. Народ этот, как наказание Господне, «выполз с севера», «словно устремляясь на другой Иерусалим»⁴³⁵. На это сообщение безусловно повлияла библейская традиция. На

⁴³⁰ Повесть временных лет. С. 17.

⁴³¹ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России. С. 285.

⁴³² Повесть временных лет. С. 16.

⁴³³ Истрин В. М. «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. С. 567; Цит. по: Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России. С. 271.

⁴³⁴ Там же. С. 278.

⁴³⁵ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках. С. 32.

библейских аллюзиях непосредственно основано высказывание Льва Диакона о войне со Святославом: «О том, что этот народ безрассуден, храбр, воинственен и могуч, что он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: “Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос”»⁴³⁶. Со сходно звучащим именем упоминает некий мифический народ сирийский автор VI в. Псевдо-Захарий или Захарий Ритор. Согласно его данным, где-то далеко на востоке по соседству с амазонками обитал народ «ерос» – «мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей»⁴³⁷. Несомненно, в данном случае речь идет не о каком-то реальном народе⁴³⁸. Имена фантастических народов были естественным образом, по созвучию соединены с реальным историческим народом, тем более некоторые обстоятельства (место обитания, агрессия по отношению к цивилизованным грекам) позволяли их отождествлять.

Таким образом, появление формы «рос» объясняется существовавшей в Византии литературной традицией. Благодаря омонимичности знакомый грекам этникон был перенесен на новый этнос⁴³⁹. Из Византийской империи такая передача этнонима попала и в Бертинские анналы⁴⁴⁰. В западноевропейских источниках обнаруживается еще одна форма наименования некой восточноевропейской общности – «guzzi». А. В. Назаренко считает, что оригиналом для заимствования этой формы послужил не скандинавоязычный прототип *rojos-, а непосредственно древнерусская «русь». Это косвенно свидетельствует о том, что уже в первой половине IX в. носители этнонима «русь» пользовались восточнославянским самоназванием⁴⁴¹.

Термин, в славянской транслитерации звучавший как «русь», со временем приобретает этносоциальное значение в совершенно новой ситуации, сложившейся в Восточной Европе в связи

⁴³⁶ Лев Диакон. История. М., 1988. С. 79; Цит. по: Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства. С. 33, прим. 62.

⁴³⁷ Пигулевская Н. В. Средневековая сирийская историография. СПб., 2000. С. 568; Цит. по: Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России. С. 277.

⁴³⁸ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России. С. 282.

⁴³⁹ Там же. С. 272–273.

⁴⁴⁰ Rhos Бертинских анналов является транслитерацией греческого Ῥως. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 49.

⁴⁴¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 49.

с расселением славян и формированием первых потестарных образований. Русью стала зваться княжеская дружина, в которой первоначально преобладали скандинавы. Этот момент, видимо, был зафиксирован составителем Повести временных лет: так он сообщает о том, что Рюрик с братьями явился по приглашению словен и других, «пояша по собе всю русь»⁴⁴². Как князь, так и его дружина представляли собой надплеменную, нейтральную силу, которая не была включена во внутренние противоречия восточнославянского общества. Таким же нейтральным было и самоназвание оказавшихся в Восточной Европе скандинавов, перенесенное на княжескую дружину. На территории на которую распространяется власть киевского князя складывается особая дружинная культура в которой сплавляются в единое целое элементы разноэтничного происхождения⁴⁴³. Полиэтничный характер дружины способствовал быстрому размытию первоначальной этнической приуроченности названия «русь» к скандинавам. Уже в русско-византийских договорах начала X в. термин «русь» «русский» связывается со всей территорией, подвластной «великому князю русскому»⁴⁴⁴. В итоге политическое объединение привело к возникновению расширительного понятия «Русь», «Русская земля». Первоначальный функциональный термин получил этносоциальное значение, затем превратился в этноним и хороним, которые, в свою очередь, поменяли свою приуроченность.

Наряду с мнением о скандинавском происхождении слова «русь» существует предположение о «южнорусской» или «среднеднепровской» его этимологии. Некоторые историки и археологи считают тождественными этноним «русь» и гидроним Рось (древнерусское Ръсь; правый приток Днепра). К тому же ряду добавляют притоки Роси Роську и Россаву, топоним Поросье, город Родню и др. Этимология самого гидронима Рось считается невыясненной. Б. А. Рыбаков на основании данных Псевдо-Захария о некоем народе «ерос» предложил гипотезу о развитии в бассейне реки Рось особой культуры, которую назвал «древностями русов»⁴⁴⁵. Эти русы VI–VII вв., в славянской природе которых ученый не сомневался, и дали название восточнославянскому населению и территории Древнерусского государства. Но исследователями

⁴⁴² Повесть временных лет. С. 13.

⁴⁴³ Седов В. В. Древнерусская народность. М., 1999. С. 204–214.

⁴⁴⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства. С. 35–36.

⁴⁴⁵ Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. 1953. Т. 17. С. 23–104.

давно поставлена под сомнение связь «древностей русов» со славянами, а тем более мифическим народом сирийского автора. На самой реке Рось собственно славянские памятники появляются только в древнерусскую эпоху (XI–XII вв.)⁴⁴⁶. Кроме того корни «рус-» и «рьс-» этимологически независимы, население реки Рось никогда не называло себя росами, в древнерусских источниках сохранилось его наименование «поршане»⁴⁴⁷.

Среди современных исследователей существуют и сторонники «кельтской» этимологии слова «русь». Термин «русь» производят от кельтского этнонима Rut(h)eni, известного античным источникам I в. н.э. Собственно кельтское племя рутены еще задолго до н.э. обосновалось на юге Франции, пришло же оно откуда-то с севера. А.Г. Кузьмин предполагает, что с ним можно связать часть населения Прибалтики, в частности жителей о. Рюген, которые назывались Руги, Рутены, Русци, Ройаны, Руйяны, Раны. Формы слова с основой на рус-, рут-, руд- в различных языках имели значение «красный». С внешним обликом населения Рюгена, одевавшегося в красные, пурпурные одежды, исследователь и связывает его самоназвание. Само племя о. Рюген А.Г. Кузьмин особенно выделяет: здесь светская власть была выше, чем жреческая; пурпурный цвет одежд символизировал могущество, власть. Представители этих «рутенов-русов» были приглашены славяно-финской конфедерацией племен и дали название позднему Древнерусскому государству⁴⁴⁸. Очевидная гипотетичность этого предположения не нашла поддержки у исследователей. Еще более фантастичными выглядят построения западного историка О. Прицака. По его мнению носителями наименования с основой на рут-, рус- в середине I тыс. стали еврейские купцы рахданиты (ар-разанийя), которые вели трансевропейскую торговлю и, смешавшись с фризскими купцами и скандинавскими викингами образовали на Волге политическое объединение. Позднее волжское объединение славянизировалось и стало основой Древнерусского государства⁴⁴⁹. Совершенная оторванность этой гипотезы от источников не требует комментариев.

⁴⁴⁶ Бибиков М. В. Комментарий. С. 301.

⁴⁴⁷ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России. С. 267; Петрухин В. Я. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии. С. 128.

⁴⁴⁸ Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы). С. 593–595.

⁴⁴⁹ Бибиков М. В. Комментарий. С. 303.

Существует также мнение о «готской» этимологии слова «русь». Рассматриваемый этноним и хороним производят от готского *hroþus, означающего «слава». Но заимствование этого слова для обозначения восточнославянского этноса маловероятно как с лингвистической, так и с исторической точки зрения⁴⁵⁰. Не находит поддержки также «исконно славянская» этимология корня «рус» от общеславянского слова со значением «русый», либо слова с основой на *ri-, означающего «плыть, течь». По мнению С. Роспонда от этих общеславянских терминов произошло название гидронима Русса и топонима Старая Русса, из которых и развился этноним «русь». При этом ученый ссылается на запись в Воскресенской летописи: «...Прозвашася ... Русь реки ради Руссы, иже впадоша во озеро Илмерь»⁴⁵¹. Но исследователи указывают на определенное неславянское происхождение слова «русь» в силу фонетической невозможности сохранения исконно славянского *s* после *ŷ*⁴⁵². Известный филолог О.Н. Трубачев выдвинул гипотезу об индоарийской этимологии слова «русь». Ученый считает, что рассматриваемый этноним является отражением еще дославянской и дотюркской традиции обозначения Северного Причерноморья «Белой, Светлой стороной», на др.-инд. с основой *rukṣa-*, которая трансформировалась в **russ-*⁴⁵³. И эта гипотеза в силу ее абсолютной умозрительности не может претендовать на всеобщее признание.

Итак, исследователями предложено несколько гипотез происхождения названия «русь», но ни одна из них не может быть признана абсолютно доказанной. Однако наиболее убедительной выглядит скандинавская этимология слова «русь».

⁴⁵⁰ Там же. С. 302.

⁴⁵¹ Изд. 1856 г. – С. 262.

⁴⁵² Бибииков М. В. Комментарий. С. 302.

⁴⁵³ Там же. С. 304.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс возникновения Древнерусского государства не был простым и его рассмотрение усложняет состояние источников, часто не дающих ответы на ключевые вопросы. Государство не сразу приобретает завершенное политическое устройство и устойчивую форму, долгое время определенное значение имеют институты предшествующей эпохи, тем более что они формировались на протяжении веков, были освящены традицией. Источники свидетельствуют о том, что и после возникновения Древнерусского государства сохранялись племенные княжения (союзы союзов племен). Некоторые исследователи полагают, что уже в племенных княжениях существовал зародышевый аппарат власти и постепенно формировалась княжеская, отделенная от племенной, сокровищница¹. Совершенно не согласен с этой точкой зрения украинский ученый Н. Ф. Котляр, справедливо указывающий, что резкое и окончательное отчуждение власти от народной массы является главным признаком государства. «Князь в подлинном значении этого термина, – развивает свою мысль Н. Ф. Котляр, – появится в восточнославянском обществе лишь тогда, когда начнет рождаться государственность»².

В целом для всех европейских государств раннего средневековья были «характерны хрупкость структуры, слабость и спорадичность внутренних связей, а также недостаточная организация власти»³. Во многом прочность государственной структуры определялась личностью верховного правителя. В этом отношении значительная информация заключается в титуловании правителей восточно-

¹ Шаскольский И. П. О начальных этапах формирования древнерусской государственности // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972. С. 57.

² Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 35. См. также: *Он же*. О социальной сущности Древнерусского государства IX – первой половины X в. // ДГ 1992–1993 гг. С. 38.

³ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 71.

лавянского региона. В основном тексте пособия неоднократно обращалось внимание на информацию источников о наделении правителей Восточной Европы значительными для раннесредневекового периода титулами. Показательно, что о формировании раннефеодальной монархии в восточнославянском регионе современные историки считают возможным говорить с полным основанием только применительно к первой половине XI в. Б. А. Рыбаков называл государство времен Ярослава Мудрого «автократической монархией»⁴. О значительности власти киевского князя Ярослава свидетельствовала запись-граффити на стене построенного им же Софийского собора об «успении царя нашего»⁵. В историографии существует мнение о том, что Ярослав официально принял царский титул, равный званию византийского императора⁶. Древнерусские источники («Слово о законе и благодати» Илариона)⁷ еще Владимира наделяли титулом «каган». Предполагается, что и Ярослава именовали этим титулом⁸. Как бы то ни было, официальное или эпизодическое использование титула, равного императорскому, непосредственно указывает на усиление власти киевского князя. Заметим, что титулом «каган» неоднократно наделялись правители «русов» IX в. в восточных и западноевропейских источниках.

По-прежнему острым остается вопрос о степени скандинавского влияния на генезис Древнерусского государства. В этом отношении важнейшим достижением современной историографии может служить следующий вывод ведущего специалиста по истории средневековой Руси А. Н. Кирпичникова: «Варяжское “призвание” отнюдь не принижало прошлого России. Так называемое иностранное вмешательство в ее судьбу – результат нормальных общеевропейских контактов и всемирной этнокультурной открытости Руси, с самого начала включавшей в состав своего населения наряду с русскими более 20 народов, племен и групп»⁹.

⁴ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 150.

⁵ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. Киев, 1966. Вып. 1. С. 39–41. Он же. Средневековые надписи Софии Киевской: По материалам граффити XI–XVII вв. Киев, 1976. С. 215.

⁶ Рыбаков Б. А. Запись о смерти Ярослава Мудрого // Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 59–64. См. также: Толочко О. П. З історії політичної думки Русі XI–XII ст. // УІЖ. 1988. № 9. С. 70.

⁷ Иларион. Слово о законе и благодати // Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв. М., 1990. С. 106.

⁸ Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // ИС-ССР. 1984. № 4. С. 150–151.

⁹ Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). С. 192.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Васильевский В. Г.* Русско-византийские исследования: Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // *Васильевский В. Г.* Труды. Т. III. СПб., 1915.
- Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.
- Голб Н., Прицак О.* Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999.
- Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986.
- Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908.
- Истрин В. М.* «Хроника Георгия Амартола» в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Кузенков П. В.* Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003.
- Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. М.; Л., 1989.
- Лев Диакон.* История. М., 1988.
- Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. IX. М., 2000.
- Матузова В. И.* Английские средневековые источники. IX–XIII вв.: тексты, перевод, комментарий. М., 1979.
- Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.
- Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
- Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000.
- Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. СПб., 2000.
- Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. Повесть временных лет. СПб., 1996.

- Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 38. Л., 1989.
- Сказание о князьях Владимирских / Подгот. текста и коммент. Р. П. Дмитриевой; перевод Л. А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI в. Л., 1984. С. 422–435, 725–731.
- Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. СПб., 2000. *Magnae Moraviae Fontes Historici*. Т. I. Praha; Brno, 1966.
- Monumenta Poloniae Historica. Nova series*. Т. I. Krakow, 1949.
- Алексеев Л. В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980.
- Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Барз М. А. Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973.
- Бейлис В. М. Арабские авторы IX – первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1985 год. М., 1986.
- Беляев Н. Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Сборник статей по археологии и византиноведению. *Seminarium Kondakovianum*. Т. III. 1929.
- Бибииков М. В. *BYZANTINO ROSSICA*: свод византийских свидетельств о Руси. Т. I–II. М., 2004–2009.
- Блок М. Феодалное общество. М., 2003.
- Брайчевский М. Ю. Про початкову форму феодалної експлуатації Київської Русі // Вісник Академії УРСР. 1959. № 4.
- Брюсов А. Я. О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 14–28.
- Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.
- Васильевский В. Г. Труды. Т. 3. Пг., 1915.
- Вернадский Г. В. Древняя Русь. М.; Тверь, 1996.
- Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 1996.
- Вилкул Т. Л. Рецензия на: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004.
- Вольф Р. П. О философии / Пер. с англ. под ред. В. А. Лекторского и Т. А. Алексеевой. М., 1996.
- Гедеонов С. А. Варяги и Русь. В 2 ч. М., 2004.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим, 1997.
- Голубева Л. А. Везь и славяне на Белом озерѣ X–XIII вв. М., 1973.

- Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 204–216.
- Горский А. А. Баварский географ и этнополитическая структура восточного славянства // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 год. М., 1997.
- Горский А. А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X в. // Вопросы истории. 1999. № 8.
- Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004.
- Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
- Греков Б. Д. Киевская Русь. М.; Л., 1939.
- Грушевський М. С. Історія України–Русі. Київ, 1913. Т. I.
- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1992.
- Гуревич А. Я. Викинги // Гуревич А. Я. Избранные труды. Т. I. М.; СПб., 1999.
- Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966.
- Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): Курс лекций. М., 1999.
- Даркевич В. П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X–XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 46–51.
- Джаксон Т. Н. Austr i Gördum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М., 2001. —
- Джаксон Т. Н. Рецензия на: Les Centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000 // Древнейшие государства Восточной Европы: 2000 г.: Проблемы источниковедения. М., 2003.
- Довженко В. И. Землеробство в древній Русі до середини XIII ст. Київ, 1961.
- Довженко В. И. О некоторых особенностях феодализма в Киевской Руси // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. М., 1972. С. 92–106.
- Довженко В., Брайтчевский М. О сложении феодализма в Древней Руси // ВИ. 1950. № 8.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.
- Древняя Русь: Город, замок, село. 1985.
- Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
- Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Зимек Р. Викинги: миф и эпоха. Средневековая концепция эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.
- Иванов С. А. Византийское миссионерство: Можно ли сделать из «варвара» христианина? М., 2003.
- Янсон И. К вопросу о полиэтнических общностях эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г.; Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.
- История Востока. Т. 2. Восток в средние века. М., 1995.
- История первобытного общества. Эпоха классового общества. М., 1988.

- История человечества. Т. VIII. Россия / Под общей ред. А. Н. Сахарова. Тверь, 2003.
- Источниковедение истории южных и западных славян. Феодальный период. М., 1999.
- Истрин В. М. «Хроника Георгия Амартола» в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920.
- Калинина Т. М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994.
- Калинина Т. М. Арабские ученые о нашествии норманнов на Севилью в 844 г. // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.
- Калинина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.
- Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.
- Калинина Т. М. Термин «ахл ал-байт» (люди дома) в применении к обществу русов у Ибн Фадлана // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. М., 1992.
- Картаев М. Д. Норманнская болезнь в русской истории // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003.
- Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Каштанов С. М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003.
- Каштанов С. М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А. Н. Хорошкевич. М., 2003. С. 57–71.
- Кейзеров Н. М., Мальцев Г. В. Современные буржуазные теории происхождения политической власти // Советская этнография. 1974. № 6. С. 148–160.
- Кирпичников А. Великий Волжский путь // Родина. 2002. № 11–12.
- Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. Л., 1988.
- Кирпичников А. Н. Сказание о призвании варягов: легенды и действительность // Викинги и славяне: ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.
- Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги (руссоскандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // Краткие сообщения института археологии АН СССР. М., 1980. Вып. 160.

- Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.
- Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
- Ключевский В. О. наброски по варяжскому вопросу // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983.
- Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 1. М., 1993.
- Кобищанов Ю. М. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М., 1995.
- Ковалевский А. П. Славяне и их соседи в первой половине X в. по данным аль-Масуди // Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973.
- Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica. Т. IV. Київ, 2005.
- Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
- Коновалова И. Г. О возможных источниках заимствования титула «каган» в Древней Руси // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001.
- Коновалова И. Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабо-персидских авторов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000.
- Королюк В. Д. Древнепольское государство. М., 1957.
- Королюк В. Д. Основные проблемы формирования раннефеодальной государственности и народностей славян Восточной и Центральной Европы // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи. М., 1972.
- Косвен М. О. К вопросу о военной демократии // Проблемы истории первобытного общества. М.; Л., 1960. С. 241–260.
- Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003.
- Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.
- Котляр Н. Ф. Север или юг (к вопросу о возникновении древнерусской государственности) // Образование Древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. С. 29–32.
- Куббель Л. Е. Возникновение частной собственности, классов и государства // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
- Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Куза А. В. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X–XIII вв. // Краткие сообщения института археологии АН СССР. М., 1984. Вып. 179. С. 3–11.
- Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.
- Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // Геденов С. А. Варяги и Русь. М., 2004.

- Кузьмин А. Г.* Об этнической природе варягов // *Геодеонов С. А.* Варяги и Русь. М., 2004.
- Кузьмин А. Г.* Облик современного норманизма // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. М., 2003. С. 214–256.
- Кузьмин С. Л.* Малые дома Старой Ладogi VIII–IX вв. (культурная принадлежность домостроительной традиции) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1989.
- Лебедев Г.* Славянский царь Дир // Родина. 2002. № 11–12.
- Лебедев Г. С.* Русь Рюрика, Русь Аскольда, Русь Дира? // Старожитності Русі–України. Київ, 1994.
- Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
- Литавин Г. Г.* Византийская система власти и болгарская государственность // *Литавин Г. Г.* Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999.
- Литавин Г. Г.* Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). СПб., 2000.
- Литавин Г. Г.* К проблеме становления болгарского государства // *Литавин Г. Г.* Византия и славяне: Сб. ст. СПб., 1999. С. 193–217.
- Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Ловмянский Г.* Происхождение славянских государств // ВИ. 1977. № 12.
- Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. Т. VII. 1963.
- Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985.
- Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 104. 1961.
- Мавродин В. В.* Древняя Русь. СПб., 2009.
- Мачинский А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. ____
- Мельникова А. Е.* к типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.
- Мельникова Е.* Варяжская доля. Скандинавы в Восточной Европе: хронологические и региональные особенности // Родина. 2002. № 11–12.
- Мельникова Е. А.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историо-графической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева. М., 2000.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57.
- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я.* Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 год. М., 1986.

- Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Норманны и варяги. Образ викинга на западе и на востоке Европы // Славяне и их соседи. Этнопсихологический стереотип в средние века: Сборник тезисов. М., 1990. С. 14–17.
- Милов Л. В. Ruzzi «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. 2000. № 1. С. 94–101.
- Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб., 2000.
- Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
- Назаренко А. Две Руси IX века // Родина. 2002. № 11–12.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
- Назаренко А. В. «Путь из немец в хазары» и первые века древнерусской истории // Внешняя политика Древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1988.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древне-русского государства. М., 1951. Новая публикация первой главы «Немецкой идеологии» К. Маркса и Ф. Энгельса // Вопросы философии. 1965. № 10.
- Новосельцев А. П. Арабские источники об общественном строе восточных славян IX – первой половины X в. (полюдые) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000.
- Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000.
- Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 367–379.
- Новосельцев А. П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 454–477.
- Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Новосельцев А. П. «Худуд ал-Алам» как источник о странах и народах Восточной Европы // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000.
- Носов Е. Н. Новгородский детинец и Городище (К вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский исторический сборник. Л., 1995. Вып. 5 (15).
- Носов Е. Н. Первые скандинавы в Северной Руси // Викинги и славяне: ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998.
- Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники. 1973 год. М., 1974.

- Перхавко В. Б.* Летописное предание о захвате князем Олегом Киева в 882 г. // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. М., 1992.
- Петрухин В.* Путь из варяг в греки. Становой хребет Древнерусской державы // Родина. 2002. № 11–12.
- Петрухин В. Я.* Гостомысл: к истории книжного персонажа // Славяноведение. 1999. № 2. С. 20–23.
- Петрухин В. Я.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000.
- Петрухин В. Я.* История славян и руси в контексте библейской традиции: миф и история в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы: 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003.
- Петрухин В. Я.* Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. М., 2000. С. 226–229.
- Петрухин В. Я.* «Начало русской земли» в начальном летописании // Восточная Европа в исторической ретроспективе: к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1999.
- Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.
- Петрухин В. Я.* О «Русском каганате», начальном летописании, поисках и недоразумениях в новейшей историографии // Славяноведение. 2001. № 4.
- Петрухин В. Я.* Призвание варягов: историко-археологический контекст // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 33–46.
- Петрухин В. Я.* «Русский кагана», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.
- Петрухин В. Я.* Традиция и исторический факт в средневековой историографии: мотивы и числа (Историографические заметки) // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исслед. 2003: Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005.
- Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. *Пигулевская Н. В.* Средневековая сибирская историография. СПб., 2000.
- Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М., 2003.
- Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим, 2000.
- Плетнева С. А.* Хазары. М., 1986.
- Поляк А. Н.* Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. Вып. 10. М., 2001.
- Раткош П.* Великая Моравия – территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985.

- Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 23–104.
- Рыбаков Б. А. Древняя Русь. М., 1963.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993.
- Рыдзевская А. Е. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. Материалы и исследования. М., 1978.
- Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси: К истории славяно-финских этнокультурных связей: Историко-археологические очерки. СПб., 1997.
- Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX – первая половина X в. М., 1980.
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII вв. СПб., 2003.
- Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.
- Седов В. В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М., 1999.
- Седов В. В. Конфедерация северно-русских племен в середине IX в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-корр. РАН А. П. Новосельцева. М., 2000. С. 240–249.
- Седов В. В. Племена восточных славян, балты и эсты // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Седов В. В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4.
- Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
- Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.
- Седов В. В. Становление Изборска: Как возник древнейший город на Псковской земле // Родина. 2002. № 11–12.
- Сендерович С. Я. Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.
- Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2. История России с древнейших времен. М., 1993.
- Стальсберг А. Археологические свидетельства об отношениях между Норвегией и Древней Русью в эпоху викингов: возможности и ограничения археологического изучения // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М. 2001. С. 93–115.
- Стринггольм А. Походы викингов. М., 2002. С. 26.
- Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203–209.
- Толочко А. П. Триумвират Ярославичей в свете трифункциональной теории Ж. Дюмезиля // Образование Древнерусского государства: Спорные проблемы. М., 1992.
- Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.
- Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003.
- Томсен В. Начало русского государства // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002.

- Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение чешского государства // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991.
- Успенский Ф. Б. Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
- Флоря Б. Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
- Фомин В. В. начальная история руси: учебное пособие. М., 2008.
- Франклин С., Шепард Д. начало руси: 750–1200. СПб., 2000.
- Фроянов И. Я. начала русской истории. Избранное. М., 2001.
- Фроянов И. Я. Престижные пиры и дарения в киевской руси // Советская этнография. 1976. № 6. С. 39–46.
- Хазанов А. М. «Военная демократия» и эпоха классообразования // Вопросы истории. 1968. № 12. С. 87–97.
- Хазанов А. М. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М., 1979.
- Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Хлевов А. А. Норманнская проблема в отечественной исторической науке. СПб., 1997.
- Цукерман К. Два этапа формирования Древнерусского государства // Славяноведение. 2001. № 4.
- Черепнин Л. В. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX–XV вв. // Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
- Черных Е. Н. От доклассовых обществ к раннеклассовым // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
- Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993.
- Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
- Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916.
- Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шушарин В. П. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964.
- Юшков С. В. К вопросу о дофеодальном «варварском» государстве // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук. 1947. Вып. X. С. 37–87.
- Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.
- Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.
- Янссон И. К вопросу о полиэтнических общностях эпохи викингов // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.

Карта 2. ОБРАЗОВАНИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	5
-----------------------	---

Раздел 1. Письменные и археологические источники по проблеме возникновения Древнерусского государства

<i>1.1. Древнерусские источники о «начале Русской земли»</i>	9
1.1.1. Сведения древнейших летописей	9
1.1.2. «Варяжская легенда»	14
1.1.3. Генезис государства в древнерусских письменных памятниках	21
<i>1.2. Западноевропейские источники о политическом развитии восточных славян в XI в.</i>	31
1.2.1. Первые известия о русах и спор о титуле	31
1.2.2. Древнейшие известия о торговой активности русов	38
1.2.3. Спорные известия о древнейшей истории Руси	40
<i>1.3. Византийские источники о деятельности русов в IX в.</i>	42
1.3.1. Известия о внешнеполитической активности «росов» до 860 г.	42
1.3.2. Известия о нападении «росов» на Константинополь в 860 г.	45
1.3.3. Сведения о ситуации в восточнославянском регионе	50
<i>1.4. Арабо-персидские авторы о восточных славянах и русах</i>	53
1.4.1. Древнейшие сведения восточных авторов о славянах и руссах	53
1.4.2. Сведения «Анонимной записки»	56
1.4.3. Рассказ о трех группах русов	62
1.4.4. Оригинальные известия восточных авторов	65
<i>1.5. Ситуация в Восточной Европе накануне создания Древнерусского государства по данным археологии</i>	67
1.5.1. Этническая ситуация в Восточной Европе накануне создания Древнерусского государства	67
1.5.2. Скандинавское присутствие в Восточной Европе	78
1.5.3. Происхождение восточнославянских городов	81
1.5.4. Археологические данные о внутриполитической ситуации в восточнославянском регионе	89

Раздел 2. Генезис государственности в восточнославянском регионе

<i>2.1. Историография проблемы</i>	92
2.1.1. Проблема образования Древнерусского государства в трудах дореволюционных историков	92
2.1.2. Советская историография проблемы генезиса Древнерусского государства	97
2.1.3. Современная историческая наука о проблеме образования Древнерусского государства	103
<i>2.2. Понятие государства и его генезис в славянском регионе</i>	107
2.2.1. Понятие государства	107
2.2.2. Внутренние и внешние факторы генезиса государства	113
<i>2.3. Восточная Европа в IX в.: этническая ситуация и геополитическое положение</i>	123
2.3.1. Народы и государства Восточной Европы в IX в.	123
2.3.2. Южные и западные соседи восточных славян	127
2.3.3. Викинги в Западной и Восточной Европе	130
2.3.4. Торговые пути Восточной Европы	138
<i>2.4. Первые предгосударственные образования восточных славян</i>	145
2.4.1. Северная конфедерация племен	145
2.4.2. Внутриполитическая ситуация в «северной конфедерации»	150
2.4.3. «Русский каганат»	156
2.4.4. Локализация «Русского каганата» и его внутриполитическая история	162
<i>2.5. Образование Древнерусского государства</i>	167
2.5.1. Объединение северного и южного предгосударственных образований.....	167
2.5.2. Внешнеполитические акции Олега	170
2.5.3. Характер государства Олега.....	174
<i>2.6. Норманны и «русь»</i>	180
2.6.1. Роль скандинавов, норманнская проблема	180
2.6.2. Этимология этнонима и хоронима «русь»	186
Заключение	193
Источники и литература	195

Степан Николаевич Темушев

Образование
Древнерусского государства

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Н. А. Шакиров*
Корректор *Н. Н. Грибенюк*
Верстка *О. В. Красильников*

Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 13. Тираж 600. Заказ №1389

Издательство «Квадрига»

kvadriga-izdat.ru

ISBN 978-5-91791-133-5

По вопросам оптового приобретения книг издательства в
Петербурге обращайтесь в ТД «Гуманитарная Академия»:
Санкт-Петербург, ул. Сестрорецкая, д. 8 (ст. метро «Черная
Речка», вход с ул. Академика Шиманского).

Т./ф.: (812) 430-99-21

E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru

По вопросам оптового приобретения книг издательства в
Москве обращайтесь в «Издательско-торговый дом
гуманитарной книги «Гнозис»»

Москва, Турчанинов пер., д. 4, стр. 2.

Тел./факс: 8(499) 255-77-57. E-mail: gnoxis@pochta.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10